

△
356
143

Библи. М. А. Уч.

Шк. I

Полка III

№ 26

△ 356
143

X
— 11 — 26 Вып. I, II.

B129

222

Sept. 10. 1885

11-22-50

БИБЛИОТЕКА
4202
356
143
НАШИ КАЗАКИ

НА

ДАЛЬНЕМЪ ВОСТОКЪ.

СБОРНИКЪ РАЗСКАЗОВЪ.

корреспондентовъ и участниковъ войны,

помѣщенныхъ

въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ.

Собралъ М. Тонконоговъ.

Л. Вып. I

Складъ у В. А. Березовскаго,

КОМИССІОНЕРА ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ

С.-Петербургъ, Колокольная 14.

1907.

2020185206

2303.

В. 39. 81. 465.

Крѣпко охраняйте боевыя традиціи, пріобрѣтенныя войсками. Не теряйте времени, чтобы въ каждой ротѣ, сотнѣ, батареѣ сохранить въ вѣчной памяти подвиги-своей части и отдѣльныхъ лицъ.

(Прощальное обращеніе генерала Куропаткина къ офицерамъ. Русск. Инв. 1906 г. № 52).

Предисловіе.

Въ только что минувшей русско-японской войнѣ принимали участіе почти всѣ наши казачьи войска, выславъ на театръ войны болѣе или менѣе крупныя части отъ полка до дивизіи включительно.

Чрезвычайно гористая и вообще пересѣченная мѣстность маньчжурскаго театра войны, разбросанность казачьихъ частей по всему фронту и другія неблагопріятныя обстоятельства не могли, конечно, способствовать массовымъ дѣйствіямъ казаковъ, какъ легкой кѣнницы, благодаря чему въ печати неоднократно высказывалось мнѣніе о томъ, что будто-бы казачьи части не въ полной мѣрѣ оправдали возлагавшіяся на нихъ надежды.

Могли-ли казаки дѣйствительно сдѣлать при данныхъ условіяхъ больше, нежели сдѣлано ими—скажетъ намъ исторія, а пока мы знаемъ, изъ официальныхъ телеграммъ и разсказовъ очевидцевъ, что служба казаковъ небольшими частями при развѣдкахъ непріятеля, подвижномъ охраненіи войскъ и проч. была полна такими примѣрами подвиговъ и беззавѣтной преданности своему долгу, что можно смѣло сказать, что и въ эту войну казаки наши

были тѣми же казаками, которые стяжали всемірную славу русскому казачеству на поляхъ брани въ минувшіе годы.

Разсказы объ этихъ подвигахъ, сообщенные въ свое время въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, собраны въ настоящей книгѣ, съ указаніемъ источниковъ, откуда они позаимствованы.

Пусть читають эти разсказы въ поселкахъ, станицахъ и хуторахъ.

Старикѣ прочтутъ о славной службѣ своихъ дѣтей на бранномъ полѣ, и сердце ихъ порадуетъ. Молодежь восприметъ духъ бойцевъ и поставитъ ихъ для себя примѣромъ въ предстоящей службѣ Царю и Родинѣ. Ветераны-участники войны, читая эти разсказы, вновь переживутъ тяжелое, но дорогое для нихъ прошлое, и съ отраднымъ чувствомъ свято исполненнаго долга будутъ вспоминать

«Минувшіе дни
«И битвы, гдѣ вмѣстѣ
«Рубились они....»

И. Тонконоговъ.

Оглавленіе.

	Стр.
Праздникъ приамурскихъ казаковъ	1
„Волчья сотня“	5
Съ пути на Дальній Востокъ	7
„Всѣ желаемъ“	9
Сибирскіе казаки	11
Лихое дѣло	12
Атака сибирскихъ казаковъ подъ Вафангоу	13
Отношеніе казаковъ къ раненому врагу	14
Незамѣтные герои	17
На заставѣ	19
Приказный Ананьевъ	21
Молодцы казаки	23
Въ Японской будкѣ	23
Какъ донцы доставали японца	24
Разсказъ раненаго казака	27
Просьба пластуна	28
Разсказъ очевидца	29
Молодецкое дѣло хорунж. Батурина съ 14 казаками	31
„Умру—а доведу!“	36
Казаки Аксеновъ	36
Смѣлая развѣдка въ тылу японцевъ	37
Славный подвигъ сотника Юрасовскаго	39
Храбрый сотникъ Грикопуло	40
Подвигъ геройства и человѣколюбія развѣдчиковъ	41
Развѣдчикъ Муратовъ	42
Развѣдчикъ Рогалевъ	48
Въ плѣну у японцевъ	53
Въ дозорѣ	58

VIII

	Стр.
Какъ японцы пытали нашего казака	60
Мостъ взорвали	61
Казакъ Елена Михайловна Смолко	65
Поискъ на д. Чжань-Тань	68
У генерала Мищенко	80
Казакъ подъ Ляояномъ	82
Въ отрядѣ генерала Самсонова	87

Праздникъ приамурскихъ казаковъ на поляхъ Маньчжуріи.

Настало 17-е марта, день Алексѣя Божьяго чловѣка. Утро было холодное. Густой туманъ закрылъ землю, и неясными силуэтами рисовались дома и заборы. Ляоянской башни не стало видно за туманомъ. Утромъ изъ-за тумана одинъ поѣздъ наткнулся у станціи на другой. Два громадныхъ паровоза сошли съ рельсовъ...

На грязномъ, раскисшемъ отъ дождя и сырости тумана, чумизномъ запаханномъ полѣ строились казаки. Въ полуверстѣ сзади табунами стали сбатованные кони. Въ серединѣ, на гао-лянныхъ китайскихъ циновкахъ былъ поставленъ аналой, и на немъ лежалъ складень съ иконой Св. Алексѣя, покровителя приамурскихъ казаковъ. Забайкальскіе казаки, одѣтые въ собственные шинели, при амуниціи съ наборными поясками имѣли походный видъ. Все, что можно было вычистить—вычистили, все, что можно было починить—починили. Пытались отмыть и загорѣлыя темныя лица, да не сошелъ загаръ, и суровымъ походомъ черезъ сопки Забайкалья вѣяло отъ темныхъ лицъ угрюмыхъ станичниковъ...

Правѣ забайкальцевъ стояли амурскіе казаки. Тутъ молодежь стояла рядомъ со стариками. Новички!.. А посмотрите, какъ стрѣляютъ! На восемьсотъ шаговъ пятки ладонью закрыть можно.

На глинистой размытой дорогѣ поставлены махальные.

Въ 11 часовъ утра стали съѣзжаться начальствующія лица.

Прошло минутъ десять ожиданія. Легкій вѣтерокъ короткими и нѣжными порывами, словно взмахами кисти, сгонялъ туманъ, показалось голубое небо, яркое южное солнце, дали расширились, и по землѣ длинными струями потянулся паръ. Все перемѣнилось подъ лучами теплаго солнца, открылась, какъ изъ-за занавѣси, большая палатка и заборы деревни, усянные китайцами.

Вдали показался экипажъ, окруженный конными казаками, и георгиевскій значекъ командующаго маньчжурскою арміей.

— Слушай на краулъ! пронеслась надъ полемъ команда, и музыканты пѣхотнаго полка заиграли встрѣчный маршъ.

Командующій арміей пѣшкомъ обошелъ сотни, здороваясь съ каждой и поздравляя съ праздникомъ.

Шашки вложили въ ножны. Трубаچی сыграли на молитву, и сотни загорѣлыхъ головъ обнажились подъ теплыми лучами весенняго солнца.

А земля все парила и парила, и струи этого пара, бѣлая и словно живыя, быстро неслись надъ грязнымъ и скользкимъ полемъ чумизы.

Священникъ въ краткой рѣчи напомнилъ казакамъ, какой день они сегодня празднуютъ, потомъ, повернувшись къ аналою, началъ молебенъ.

Хоръ пѣвчихъ-казаковъ, составленный всего семь дней тому назадъ и обученный полковымъ врачомъ, строго и стройно пѣлъ пѣснопѣнія. И торжественно звучали слова молитвы въ этомъ тепломъ весеннемъ воздухѣ, на голомъ полѣ, возлѣ усянныхъ китайцами глиняныхъ стѣнъ деревни. Примолкли китайцы. Они

смотрѣли и, казалось, думали:—не этимъ ли сильны русскіе, не этою ли святою молитвой и такою тихою, свѣтлою, радостною вѣрой?

Молебенъ конченъ. Аналой убранъ. Командующій говоритъ тостъ за Государя Императора, и каждое слово отчетливо слышно въ этомъ живомъ квадратѣ людей. И всѣ слушаютъ, и всѣ боятся проронить хотя одно слово.

— Государь Императоръ, и отправляя меня, и вчера особою депешей, просилъ передать Свой Царскій привѣтъ и увѣренность, что во всѣхъ случаяхъ вы выполните свой долгъ передъ отечествомъ какъ исполняли ваши дѣды и отцы. Во здравіе Государя Императора «ура»!

Громкіе крики ура сливаются съ торжественными звуками народнаго гимна... Но вотъ они стихли.

Еще разъ поднята чарка.

— Поздравляю васъ съ праздникомъ и пью за ваше здорье, молодцы!

Потомъ говорилъ тостъ генералъ-лейтенантъ Линевицъ, какъ атаманъ всѣхъ приамурскихъ казаковъ. Командующій провозгласилъ тостъ за генерала Линевица, а полковникъ К. «за почетнаго старика Албазинской станицы и командующаго Маньчжурской арміей».

Затѣмъ раздалась команда— «по конямъ». На минуту поле покрылось бѣгущими людьми. Разбатовали коней и сѣли удивительно быстро. Командующій арміей сѣлъ на рыжаго коня, подведеннаго ему, и принялъ парадъ. Поблагодаривъ казаковъ, командующій арміей верхомъ уѣхалъ въ городъ Ляоянь.

Праздникъ вступилъ въ свои права. Веселыя пѣсни неслись изъ казачьяго стана. Музыка играла подлѣ палатки, шло братанье между забайкальцами и амурцами, читали телеграммы.

А въ сотняхъ распѣвалась пѣсня, сочиненная Амурскаго полка хорунжимъ Сычевымъ на злобу дня...

А теперь—скажи Царь слово,

Затрубить труба: «садись»

Шашки вонь!.. И полетѣли...

Ухъ, японецъ,—берегись!..

Въ палаткѣ говорились тосты. Такъ уже водится въ офицерской семьѣ, и казачьей въ особенности, чтобы гости говорили рѣчи, а хозяева имъ отвѣчали. У кавказскихъ казаковъ для этой цѣли избирается особое лицо «тулумбашъ» — голова стола, поютъ пѣсни застольныя, тягучее «мраваль-джаміеръ», пьютъ за когонибудь и одновременно «алла верды» за другого. Много говорится въ нихъ теплаго, лестнаго, и всегда въ этихъ рѣчахъ много огня и много чувства.

На этомъ праздникѣ—потому ли, что обстановка была боевая, что смерть холоднымъ крыломъ всего третьяго дня «тамъ на Ялу» задѣла товарищей-станичниковъ, отъ того ли, что по случаю военного времени всѣ чувства были, такъ сказать, мобилизованы — но рѣчи были полны глубокаго смысла...

Помню нѣкоторые изъ нихъ.

— Каждая армія, каждый народъ имѣетъ и пѣхоту, и кавалерію, и артиллерію, — говорилъ одинъ, — но нигдѣ нѣтъ казаковъ. И казаковъ оцѣнила и казаками гордится Россія, но болѣе Россіи ихъ цѣнить и боится за граница. Представителямъ казачества слѣдуетъ и на дѣлѣ доказать, какъ грозны казаки, чтобы одно появленіе ихъ, одно ихъ имя обращало непріятеля въ бѣгство...

Говорили и о томъ, что волею судебъ Дальній Востокъ сталъ практическою школою военного искусства, какъ нѣкогда былъ Кавказъ; что сюда стремятся офицеры со всей Россіи, чтобы

научиться той великой наукѣ, которая называется «наукою побѣждать»...

Одинъ изъ гостей припомнилъ всѣмъ стихи Некрасова «Внимая ужасамъ войны»... и предложилъ выпить «за здоровье матерей»...

Словно тихій ангелъ пролетѣлъ надъ говорливой и шумной кампаніей. Стихли споры и клики. Даже «ура» не кричали въ первую минуту.

— И у меня мать осталась... — сказалъ кто-то грустно...

— И у меня...

И вдругъ раздалось громкое, стоустное дружное «ура»! Оно никогда еще не было такъ могуче и не шло изъ такихъ тайниковъ сердца, изъ самыхъ глубокихъ сердечныхъ подваловъ.

Да, праздникъ амурцевъ и забайкальцевъ былъ, какъ праздникъ: и молебень, и парадъ, и тосты, и музыка, и «ура»... Но, что то особенное, неуловимое было еще въ немъ. Больше простоты было, больше сердечности въ обращеніи. Чувствовалось, что всѣ здѣсь собравшіеся товарищи одного дѣла. И дѣло это ужасное, страшное... и такое высокое, чудное, благородное дѣло!..

(Красновъ. *Русскій Инвалидъ* № 83).

„Волчья сотня“

Мы прицѣпились ко второй сотнѣ аргунскаго казачьяго полка.

Ее никто не называетъ «второй». Она вездѣ извѣстна подъ именемъ «Волчьей» сотни.

— Здорово, волчата!—привѣтствуетъ ихъ генералъ Ренненкампфъ, дѣлавшій съ ними свой походъ здѣсь же.

— Э, волки, давно ли?—окликають офицеровъ этой сотни офицеры пограничной стражи.

— Объявить «Волчьей» сотнѣ то-то и то-то...—распоряжается на остановкахъ командиръ.

— Командиръ «Волчьей» сотни! — рекомендуютъ вамъ молодого, привѣтливаго офицера.

Почему «Волчья», почему волки?

Такъ ихъ окрестили въ китайскомъ походѣ, такъ это и осталось за ними.

— Ты какой сотни?—спрашиваетъ ѣдущій съ нами генералъ попавшагося ему навстрѣчу казака.

— «Волчьей», ваше п-во.

И считаетъ себя правымъ, точно другого имени у нихъ и нѣтъ.

— Почему же васъ окрестили волками?

— Спросите у китайцевъ, у ихъ генерала Ма...

Офицеры хотятъ, чтобы это навсегда осталось за ними.

По старому казацкому обычаю, сами себѣ сдѣлали бунчукъ. Знакомыя дамы украсили его лентами, моряки подарили съ «Цесаревича» ленту, на которой знаменитый итальянскій маринистъ «Presto» нарисовалъ имъ этотъ броненосецъ. Отдавая это «на бунчукъ», моряки завѣщали: «Отомстите, волки, за насъ японцамъ».

— Есть!—отвѣчали эти, входя въ морскіе обычаи.

Въ Читѣ бунчукъ показался сотнѣ не полнымъ.

Позвали казака-охотника:

— Чтобы къ вечеру былъ волчій хвостъ.

Тотъ вернулся съ двумя убитыми животными. Теперь волчьи хвосты красуются на бунчукѣ на самомъ верху. Товарищи станичники, атаманы привязывали къ нему ленты, геор-

гіевскіе кавалеры перехватывали ихъ своими ленточками. Каждый старался оставить память «Волчьей» сотнѣ.

И пѣсни у нихъ особыя.

Утромъ слышу такую. Отъ каждого звука вѣсть удалю. Такъ и уносить васъ въ легендарную быль славнаго Запорожья. Что-то старое, знакомое, далекое, опьяняющимъ паромъ подымается въ груди.

— Что это?

— Наша пѣсня. Только «Волчья» сотня и поетъ ее.

— Кто придумалъ мотивъ?

— Сами, казаки подобрали...

Волчья сотня аргунскаго полка.

Васъ я не забуду до смерти никогда.

Слышится ржанье и топотъ копытъ.

Волчья сотня въ развѣдку спѣшить.

Много далекихъ нарыто могилъ,

Имъ не умѣрить казацкій нашъ пылъ.

Свищутъ-ли пули, шашки звенять—

Волки съ врагами въ бою говорятъ...

Надо было видѣть ихъ лица. Какъ все это далеко-далеко отъ недавней мирной были, когда всѣ эти впечатлѣнія казались отошедшими чуть ли не въ средніе вѣка.

(Немировичъ-Данченко. „Рус. Сл.“).

Съ пути на Дальній Востокъ.

Пасху встрѣтили въ поѣздѣ съ «Волчьей» сотней. Разговлялись въ купѣ. Молодежь сначала была грустна, — у всѣхъ дома теперь семейный праздникъ. Невольно мысль уходила въ

оставленное позади. Но казаки живо развеселили всѣхъ. Черствые куличи, старыя яйца, окаменѣвшія пасхи были уничтожены быстро. Въ круговую шла большая серебряная чаша, подаренная аргунцамъ Портъ-Артуромъ. На ней всѣ нацарапали, какъ могли, свои памятки.

Въ вагонахъ для солдатъ тоже шло веселье. Пѣли, плясали. Казакъ Илья Раменскій, молодецъ и въ бою и въ выпивкѣ, сугубый георгиевскій кавалеръ—забрался на лошадь и просидѣлъ на ней весь день, и на ходу поѣзда, и на стоянкахъ.

— Слѣзай! Что ты?—убѣждали его.

— Такъ что никакъ нельзя.

— Почему?

— Казакъ такой праздникъ долженъ въ сѣдлѣ быть.

Этотъ самый Илья Раменскій, который, узнавъ, что въ осажденномъ нами городѣ отличное вино,—пробрался туда, разбилъ китайскій кабакъ и благополучно выбрался съ нѣсколькими бутылками въ рукахъ—ему хотѣлось пить на легкомъ воздухѣ. Такъ и нашли Илью спящимъ съ пустою посудой кругомъ, на какомъ то холмѣ, подъ непріятельскою крѣпостью. Потомъ онъ привелъ нашихъ къ городу и указалъ лучшія мѣста для наступленія. Наивная особа и удивительный врагъ. «Илюшка», какъ его называютъ здѣсь, отличный развѣдчикъ. Куда ни пошли, онъ все выслотритъ, узнаетъ, найдеть, по пути напѣется, но, вернувшись въ назначенный ему срокъ, дастъ обо всемъ точный отчетъ. Шутя ему поручили добыть свѣдѣнія о нашемъ поѣздѣ, кто куда и зачѣмъ ѣдетъ. Бѣ вечеру, никого не спрашивая, онъ доставилъ ихъ. Я, оказываясь, направляюсь въ Манчжурію «для военного письма»; ѣхавшій въ другомъ вагонѣ предприниматель «для капитала»; армянинъ съ громаднымъ кинжаломъ, похвалявшійся зарѣзать всѣхъ японцевъ, по остроумному опредѣленію Раменскаго—

«вѣрно, кабакъ откроеть»; только и спасовалъ онъ передъ слѣдовавшей къ мужу дамой. Противъ ея имени значилось «для неизвѣстнаго употребленія».

(Немировичъ-Данченко. „Рус. Сл.“).

„Всѣ желаемъ!“

Эта съ натуры схваченная бытовая сценка изъ жизни нашихъ «чудо-богатырей» казаковъ, ясно свидѣтельствуеть о ихъ глубокой и святой преданности родинѣ и о ихъ готовности пролить кровь свою за Царя и отечество.

Въ штабъ-квартирѣ 1-го сунженско-владикавказскаго, генерала Слѣпцова, полка, получено было извѣстiе о томъ, что нѣсколько человѣкъ изъ полка призваны стать въ ряды дѣйствующей арміи на Далекое Востоке.

Къ сожалѣнію, — далеко не всѣ!

Требуется въ комплектъ арміи только 1 войсковой старшина, 3 сотенныхъ командира, 2 вахмистра и 10 урядниковъ.

Изъ нихъ, съ прибавленіемъ къ нимъ необходимаго числа трубачей, формируется кадръ кавказской конной бригады.

При полученіи этого извѣстiя, всѣ слѣпцовцы заволновались.

Всѣ стремятся вступить въ число избранныхъ для кадра... Всѣ и по службѣ достойны избранія, и молодець къ молодцу...

Какъ тутъ быть полковому командиру?

И обидѣть никого не хочется!.. И взять всѣхъ невозможно!..

* *
*

Собравъ полковой командиръ всѣхъ своихъ молодцовъ слѣпцовцевъ и сталъ ихъ выкликать, на охотниковъ.

— Кто желаетъ изъ вахмистровъ — выходи впередъ!.. — крикнулъ онъ.

Всѣ вахмистры вышли стройно, военнымъ шагомъ, и выстроились передъ командиромъ.

Командиръ вызываетъ желающихъ изъ урядниковъ... Всѣ урядники выходятъ поголовно!

Сотенныхъ выкликаетъ — всѣ сотенные вытягиваются въ шеренгу, какъ одинъ человѣкъ...

И такъ до конца.

Пожимаетъ плечами командиръ.

И любо ему это... и досадно немножко!

Такъ ни до какого дѣльнаго результата не дойдешь!..

Онъ прибѣгаетъ къ другому приему.

— Выходи, кто сильнѣе другихъ желаетъ!..

И опять всѣ выходятъ...

— Ну теперь осадн кто не желаетъ, или кто такъ только пошелъ, чтобъ отъ товарищей не отстать!..

Никто не осаживаетъ!..

Кончилось тѣмъ, что одинъ вахмистръ умоляетъ командира назначить его на должность урядника, а урядникъ просится пойти за простого казака!

— А галуны потеряешь?.. — возражаетъ ему командиръ.

— Я, ваше высокоблагородіе, на войнѣ ихъ опять заслужу, Богъ дастъ!.. смѣло и стойко отвѣчаетъ урядникъ.

Таковъ онъ, нашъ русскій герой казакъ!!.

Вѣра въ Бога и любовь къ Царю и къ родинѣ! Этими чувствами онъ живетъ... Съ ними онъ и умираетъ!..

(„Русск. Инвал.“).

Сибирскіе казаки.

«Въ Россіи мало или даже вовсе не знаютъ сибирскихъ казаковъ. Мы вообще гораздо больше интересуемся жизнью нашихъ инородцевъ и знаемъ эту жизнь лучше, чѣмъ жизнь нашихъ казаковъ,—жизнь полную трудовъ и лишеній, жизнь цѣликомъ отданную русскому народу и государству. Только теперь Россія узнаетъ, что есть гдѣ-то въ Акмолинской области сибирское войско, которое, напрягнувъ все свои силы, выставило на поле брани девять полковъ. Я, писалъ корреспондентъ «Р. В.» находившійся въ передовомъ отрядѣ, встрѣтилъ старика-казака, который выѣхалъ на службу съ четырьмя сыновьями,—изъ одной семьи ушли пять работниковъ и пять лошадей съ полнымъ снаряженіемъ.

Чѣмъ больше я знакомлюсь съ этими казаками, тѣмъ болѣе отрадное впечатлѣніе выношу отъ этого знакомства. «Шанго казакъ», — улыбаясь во всю ширь своей фізіономіи, привѣтствуетъ сибирца китаецъ, уже познакомившійся и полюбившій этихъ казаковъ. На югѣ между сибирцами и китайцами установились самыя дружескія отношенія, въ чемъ я имѣлъ случай убѣдиться лично. Проходимъ черезъ деревню, и все населеніе выбѣгаетъ навстрѣчу, сами тащутъ воду, поятъ людей и лошадей, и все это весело, привѣтливо.

Далѣе корреспондентъ описываетъ со словъ казака Яковлева о томъ: какъ спасали его китайцы отъ плѣна японцами.

— Какъ уѣхали японцы,—сказалъ Яковлевъ,—китайцы подняли меня... Вынулъ 80 к. и даю китайцамъ: проводи, молъ, братцы, до лагеря; а они мнѣ на это отвѣтили: «У

тебя у самого мало денегъ, не будемъ брать. Такъ до самаго лагеря довели, а денегъ не взяли.

Лихое дѣло.

I.

Очевидецъ лихого дѣла нашихъ молодцевъ-казаковъ отряда генерала Самсонова, рассказываетъ:

Подравшись незамѣтно къ коновязямъ, гдѣ стояли лошади японской кавалеріи, казакамъ,—благодаря внезапному нападенію врасплохъ,—удалось лишить два японскихъ эскадрона лошадей.

Около тридцати японскихъ лошадей были угнаны и сдѣланы добычею казаковъ, остальныхъ лошадей казаки перестрѣляли.

Все это отважное дѣло было совершено казаками въ какіе-нибудь четверть часа.

Непріятель врасплохъ былъ застигнутъ казаками.

Покончивъ, казаки отступили безъ потерь».

II.

Два раненыхъ 23-го мая 1904 г. сибирскихъ казака, урядники Сапрыгинъ и Тимофеевъ, награжденные георгіями, рассказываютъ, что были посланы въ составѣ 39 казаковъ при двухъ офицерахъ на развѣдку непріятельскихъ силъ къ Дагушаню. Миновавъ, 23-го мая, благополучно непріятельскіе посты, казаки приблизились на 8 верстъ ближе Дагушаня, какъ вдругъ японцы тучей окружили ихъ. Казаки бросились въ пики, японцы дали залпъ, сваливъ 20 лошадей и ранивъ 6 каза-

ковъ, а 2-хъ убили. Оставшіеся безъ лошадей вскочили на крупы лошадей товарищей, снова ударили въ пики и израненные вырвались послѣ трехъ стычекъ. («Русь»).

Атака сибирскихъ казаковъ подъ Вафангоу 17 мая 1904 г.

Четвертая и шестая сотни 8-го Сибирскаго казачьяго полка съ гиканьемъ, вихремъ налетѣли на японскую кавалерію, съ пиками на перевѣсѣ, охватили съ обоихъ фланговъ и въ нѣсколько минутъ буквально изрубили цѣлый эскадронъ противника, разсѣявъ остальные.

Пики здѣсь были впервые въ дѣлѣ и наводили ужасъ. Были такіе удары, когда смаху казакъ пробивалъ насквозь всадника и ранилъ лошадь. Нѣсколько пикъ было оставлено, за невозможностью ихъ выдернуть.

Одинъ казакъ, окруженный врагами, стоя на мѣстѣ, сначала пикою очистилъ себѣ мѣсто, а потомъ самъ бросился на нихъ. Другой, уронивъ пику и выпустивъ пашку, отнялъ саблю у японскаго офицера и его же изрубилъ ею. Ихъ майоръ генеральнаго штаба Тонака столкнулся съ нашимъ стрѣлкомъ, который, отразивъ его ударъ, однимъ взмахомъ отрубилъ голову майору.

Нѣкоторые японскіе офицеры, убѣгая, снимали сапоги для быстроты. Казаки со смѣхомъ показывали эту обувь.

Истребляя все на своемъ пути, казачья лава встрѣтила шесть японскихъ пулеметовъ и сумѣла изъ подъ ихъ адекаго огня уйти безъ большихъ потерь.

Главнокомандующій арміей телеграфировалъ послѣ этого дѣла войсковому наказному атаману.

«Съ особою радостью сообщая атаману Сибирскихъ казаковъ о доблестномъ поведеніи названныхъ сотенъ, лихо атаковавшихъ въ конномъ строю противника, одинъ эскадронъ котораго почти весь переколотъ и изрубленъ, взято девятнадцать лошадей. За это молодецкое дѣло, по Высочайше представленной мнѣ власти, я наградилъ знаками отличія военнаго ордена 4 степени вахмистра Ивана Великанова, урядниковъ Михаила Самсонова, Владиміра Кузьмина, приказнаго Ивана Замотаева и казака Марка Сазонова».

Интересенъ также слѣдующій эпизодъ изъ сраженія подъ Вафангоу.

У насъ въ Россіи, въ Петербургѣ, командовалъ ротой японскій капитанъ Танака, очень развитой, милый человѣкъ. Во время войны онъ уже былъ майоромъ и командовалъ эскадрономъ; подъ Вафангоу онъ повелъ атаку на нашихъ сибиряковъ и, несясь на конѣ кричалъ на чистомъ русскомъ языкѣ: «Русскіе, уберите ваши оглобли!» (т. е. пики), затѣмъ «Русскіе оборванцы!..» (и выругался по-русски), но въ это время подлетѣлъ къ нему казакъ, крикнулъ: «Держись ваше благородіе!» и смахнулъ ему шашкой голову. Такъ и погибъ нашъ зазнавшійся петербургскій гость.

(Немировичъ-Данченко. „Рус. Сл.“).

Отношенія казаковъ къ раненому врагу.

Въ одномъ изъ кавалерійскихъ набѣговъ генерала Самсонова къ Сеньючену, въ концѣ іюня мѣсяца, драгуны, и если не ошибаюсь, все тотъ же молодчина унтеръ-офицеръ Волковъ,

погнали японскій разѣздъ 4-го кавалерійскаго полка. Драгунамъ удалось подстрѣлить лошадь, и японецъ со всего маха шмякнулся о землю головой и разбился. Лежитъ. Драгуны подскочили къ нему, подняли. Живой. Забрали и повезли на казачью заставу... Драгунъ дорогой очнулся. Собралась толпа, усадили японца въ центръ, стали бесѣдовать.

— Надо бы его, паря, однако, до генерала доставить, — дѣловито сказалъ бородачъ, старшій поста, урядникъ, лѣтъ не менѣ сорока.

— Погодите маленько, Иванъ Тимофеевичъ, человѣкъшибко разбился, еле ноги волочить, куда его везть, дайте мало-мало оправиться. Пусть вздохнетъ свободно грудью.

— Ну, ладно. Угостить его надо. Поди-ка болѣзнь не ѣвши сколько дней.

«Непріятель» сидѣлъ въ кругу казаковъ и озирался, охая и хватаясь за голову. А казаки, позабывши о томъ, что это непріятель, смотрѣли на него сочувственно и съ сожалѣніемъ.

— Что, братъ, попался... Это ничего. Ты не бойся. Мы тебя не обидимъ, — говорилъ одинъ изъ казаковъ съ рыжей короткой бородкой.

— Штаны красные, зеленый лампасъ, — говорилъ другой, — куртка аккуратная, ничего, чисто «ходить» ихняя армія.

Японца потрогали, одинъ молодой казакъ даже ущипнулъ его.

— А ничего, крѣпкій народъ, — сказалъ онъ, — мелкій, а крѣпкій, воевать можетъ. Ей-Богу — онъ молодецъ. Ты, паря, кушать хочешь? не бойся, что, молъ, — казаки. Мы — тоже люди. Войну понимаемъ. Въ плѣнъ попался, — намъ тебя жаль. Мы это понимаемъ. Худо есть. Ты можетъ по китайски можешь? Пухау...

Японецъ стоналъ и хватался за голову. Видно сильно разбился.

— Что, братъ больно. Ничего, фельдшеръ вылѣчить. Ты, паря, не бойся, что, молъ,—казаки. Мы—тоже люди. Войну понимаемъ. Въ плѣнъ попался,—намъ тебя жаль. Мы это понимаемъ. Худо есть. Ты можеть по-китайски можешь? Пухау...

Но плѣнный и по-китайски ничего не зналъ. Онъ все сто-
налъ и показывалъ на голову.

— Болить? Больно? Чего—пухау... Худо есть. Понима-
емъ... А что, паря, ежели бы ему водки? Водка, чай вы-
лѣчить.

Предложеніе «братана» одобрили.

Достали водки (она какъ-то у казаковъ бываетъ); поднесли.
Японцу угощеніе понравилось.

— Что, братъ, япоша, хорошо! Шанго. Русски водка.

Японецъ пилъ и одобрительно кивалъ головой. Головная
боль у него затихла, клонило ко сну.

— Ну поспи, братъ, это тоже хорошо.

Плѣнному постлали соломы, накрыли шинелью, дали по-
душку, и онъ крѣпко заснулъ.

— Жалкій народъ,—сказалъ урядникъ.—На вѣрную смерть
идуть. Неужели же не понимаютъ, что все это ни къ чему?!

— Надѣются...—проговорилъ кто-то у костра, надъ кото-
рымъ висѣли котелки съ чаемъ.

— Проснется,—заботливо сказалъ урядникъ,—надо ему
порцію дать, да чаемъ напоить; ишь уморился, бѣдняга.

Когда черезъ нѣсколько часовъ накормленного и напоенного
драгуна доставили въ отрядъ, онъ едва держался на ногахъ и
водкой отъ него разило, какъ изъ винной бочки... Голова при
падении оказалась поврежденной, его взяди лѣчить, стали
бинтовать, класть компрессы, и японецъ становился все оза-
боченнѣе и угрюмѣе...
(Красновъ. „Рус. Инв.“).

Незамѣтные герои.

(Изъ разсказовъ участника войны о сибирскихъ казакахъ).

I

Въ началѣ іюня мѣсяца 1904 г. отъ 7 сибирскаго казачьяго полка, стоявшаго тогда бивакомъ близъ Далинскаго перевала въ отрядѣ генерала Мищенко, былъ посланъ для развѣдки непріятеля развѣздъ въ числѣ 12 казаковъ, подъ командою поручика Книпера.

Такъ какъ предполагалось, что развѣздъ можетъ вернуться не скоро, то начальникъ развѣзда Книперъ былъ снабженъ порядочною суммою денегъ, которыя онъ положилъ въ сумку своего сѣдла. Казакъ Савельевъ *) случайно видѣлъ это.

Пройдя нѣсколько верстъ отъ перевала, развѣздъ неожиданно наткнулся на японскую засаду, которая встрѣтила казаковъ залпами. Казаки спѣшились, разсыпались въ цѣпь и въ свою очередь открыли частый огонь; но въ виду численнаго превосходства непріятеля должны были отступить.

Въ самомъ же началѣ перестрѣлки былъ раненъ поручикъ Книперъ, а вскорѣ затѣмъ была убита бывшая подъ нимъ лошадь.

Когда казаки начали отступать, унося съ собою раненаго поручика, казакъ Савельевъ вспомнилъ о казенныхъ деньгахъ, положенныхъ въ сумку сѣдла, которое теперь вмѣстѣ съ убитой лошадыю должно было остаться въ добычу непріятелю. «Попалутъ въ руки японцамъ, а офицеръ будетъ отвѣчать», промелькнуло въ головѣ Савельева и, недолго размышляя, онъ поползъ навстрѣчу японцамъ къ трупу лошади.

Пули свистѣли и жужжали, словно рой пчелъ, но смѣлый казакъ, не обращая на нихъ ни малѣйшаго вниманія, благо-

*) Фамилія—вымыслена, ибо рассказчикъ, къ сожалѣнію, не запомнилъ настоящую фамилію казака.

получно добрался до трупa коня, сръзалъ сумку съ деньгами и поползъ обратно.

Выстрѣлы смолкли. Савельевъ приподнялся и осмотрѣлся кругомъ. Японцы совсѣмъ близко, а нашихъ не видно уже...

Торопясь уйти отъ японцевъ и пробираясь, гдѣ въ травѣ, гдѣ между кустами, Савельевъ потерялъ направленіе, по которому отступили казаки, сбился съ пути и пошелъ наудачу.

Дней шесть бродилъ онъ между сопками, отыскивая нашихъ; версть 300 исходилъ и, наконецъ измученный, голодный и оборванный, вышелъ къ Ляояну.

У вокзала стоялъ поѣздъ, готовый къ отъѣзду. «Сяду въ вагонъ и доѣду до Хайчена, а тамъ—нашъ полкъ», рѣшилъ казакъ и направился къ поѣзду. Едва передвигая ноги, заходитъ онъ въ вагонъ и къ великой радости видитъ тамъ.. поручика Книпера!..

Это былъ санитарный поѣздъ, и поручикъ въ числѣ прочихъ раненыхъ препровождался въ ближайшій эвакуаціонный пунктъ.

— Ты какъ попалъ сюда?! воскликнулъ не менѣ изумленный и обрадованный поручикъ, увидѣвъ казака, котораго считалъ убитымъ въ перестрѣлкѣ.

Казакъ разсказалъ ему, какъ онъ отсталъ отъ товарищей, спасая казенныя деньги.

— А вотъ и онъ, добавилъ онъ, подавая сумку.

Растроганный офицеръ горячо поблагодарилъ столь преданнаго своему долгу молодца-казака.

II

Къ вокзалу станціи Ляоянъ только что подошелъ санитарный поѣздъ, биткомъ набитый ранеными, подобранными на позиціяхъ.

Время къ вечеру, моросить дождь.

Къ вокзалу идетъ генераль С. и встрѣчаетъ казака, который, сильно хромая, тѣмъ не менѣе куда-то спѣшить.

Зная, что сибирцевъ въ Ляоянѣ нѣтъ, генераль остановилъ казака, интересуясь узнать, зачѣмъ онъ здѣсь и куда идетъ.

Казаки замаялся, но на повторенный вопросъ виноватымъ голосомъ докладываетъ.

— Такъ что, ваше пре—во, меня привезли съ этимъ поѣздомъ съ позиціи.

— Раненъ, значить?

— Такъ точно, въ руку и въ ногу. Пулю то изъ руки вынули, а въ ногѣ сидитъ, потому не могли тамъ, вотъ и отправили.

— Куда жъ ты теперь идешь?

— Виновать, ваше пре—во, къ товарищамъ на позицію.

— Съ пулей-то?

— Такъ точно. Скажу, что поправился.

И какъ бы въ оправданіе себя и для успокоенія генерала добавилъ:

— А въ поѣздѣ не хватятся, тамъ и безъ меня много, я, значить, оттуль потихоньку убѣжалъ...

(И. Тон—говѣ).

На заставѣ.

Послѣ одной развѣдки, отрядъ казаковъ возвратился на свою стоянку въ деревнѣ Мяухау-пу, оставивъ у Ляу-дію заставу изъ двадцати человекъ 3-го взвода 13-й сотни, подъ начальствомъ урядника Чемки. Отъ заставы до отряда было верстъ пять. Правѣе ея, въ лѣску, расположились охотники одного изъ пѣхотныхъ полковъ. Версты на полторы впередъ, къ деревнѣ Ханнію, Чемка выслалъ уряд-

ника Портнова съ тремя нижними чинами. Японцы занимали позицію южнѣе Ляудію и Ханнію, для наблюденія за которой и выставлена была застава урядника Чемки. Стемнѣло. Охотники куда-то скрылись, и Чемка остался одинъ. Кругомъ сопки лѣсъ, впереди японцы, а нашихъ ближе нѣтъ пяти верстъ. Раздумье взяло Чемку. Какъ бы не обошли японцы. Около десяти часовъ вечера со стороны Ханнію раздались частые выстрѣлы. — Михайло Никодимычъ, вѣдь это у Портнова — прислушиваясь, замѣтилъ одинъ изъ казаковъ. Дѣйствительно, скоро послышался топотъ скачущихъ лошадей и къ заставѣ подѣхалъ Портновъ со своими людьми. — Ну что? — Да что — нѣтъ возможности держаться. Окружили было аспиды. — Какъ бы до насъ не добрались, подумалъ Чемка и приказалъ всей заставѣ отойти отъ деревни, подъ прикрытіе обрывистаго склона дороги. — А охотниковъ не видѣли? спросилъ онъ Портнова. — Не видали. Должно впередъ прошли, — такъ сказывали.

Ночь выдалась холодная и темная. Наши не спали, напряженно вслушиваясь въ завыванье вѣтра. Начиная разсвѣтать. Въ долинѣ закурился туманъ. Продрогшіе кони понуро стояли. Вдругъ какой то шорохъ донесся спереди. — Всѣ насторожились. — Осмотри винтовки, шепотомъ приказалъ Чемка. Сквозь туманъ мелькнули темныя фигуры людей, можно было разсмотрѣть околышки фуражекъ. — Это наши охотники. Въ то же время послышался окликъ часового. — Кто идетъ?! — Свои, донесся отвѣтъ. — Слава Богу, мысленно проговорилъ каждый, и люди начали было укладываться, какъ вдругъ со стороны «своихъ» раздался залпъ, — другой, — третій. По конямъ! — крикнулъ Чемка. Двѣ лошади бились на землѣ, обливаясь кровью. Люди, кто какъ, — открыли огонь по наступавшему противнику, медленно отходя назадъ къ перевалу. Но, что это? — Справа и слѣва тоже посыпались пули. — Господинъ уряд-

никъ, лошадь ранили!—И мою...—И мою...—И у меня рана... Четыре лошади были ранены первыми же выстрѣлами. Былъ контуженъ и одинъ казакъ. Медленно, шагъ за шагомъ, отступалъ Чемка къ перевалу. Всюду, гдѣ только являлось малѣйшее закрытіе, онъ останавливался, чтобы дать возможность отойти спѣшеннымъ товарищамъ и раненымъ конямъ. Японцы быстро наступали, осыпая пулями. На первомъ перевалѣ застава долго держалась, пока не была обойдена. Зато второй перевалъ Чемка не уступилъ непріятелю, отражая его мѣткимъ огнемъ. Японцевъ было съ роту, но и цѣлая рота ихъ ничего не могла подѣлать съ горстью нашихъ. Чемка держался на своей позиціи до тѣхъ поръ, пока по всему фронту не разыгрался горячій бой и ему не приказано было присоединиться къ сотнѣ.

(Щеголовъ. „Вспомн. Манчж. арм.“).

Приказный Ананьевъ.

Вотъ подробности о смерти одного замѣчательнаго храбреца, донского казака, приказнаго Ананьева.

— Замѣчательный былъ человекъ этотъ Ананьевъ. Знаете, какая-то жажда подвиговъ, ненависть къ японцамъ жила въ этомъ человекѣ, заговорилъ есаулъ Л.—Какъ заговоришь объ нихъ, такъ ажъ затрясется весь. И все просился—отпустите, да отпустите меня подальше къ японцу. Ну, вотъ разъ и отпустили ихъ. Пошелъ офицеръ съ тремя казаками и Ананьевъ съ Фроловымъ. Офицеръ остался шагахъ въ трехстахъ отъ японской передовой цѣпи, а Ананьевъ съ Фроловымъ поползли дальше.—Потѣшно рассказывалъ объ этомъ самъ Ананьевъ.—Ползу, говорить, а ихъ никого нѣтъ. Ну, думаю, не судьба мнѣ видно; этотъ день не сдѣлаю. А деревня ихъ близко. Уже слышно, какъ гомонять они. Залегли мы въ

гаолянѣ и смотримъ. И вдругъ Господь послалъ, на китайской арбѣ ѣдутъ двое. Должно за фуражемъ. Я и говорю Фролову: подожди, молъ, выдерживай—мы сразу залпу дадимъ. А они ѣдутъ ничего себѣ, шагомъ. Вотъ, когда это они шаговъ на пятьдесятъ отъ насъ были, я и говорю Фролову, ну, давай теперь залпу! Выпалили мы. Одинъ упалъ, а другой, значить, побѣжалъ на хуторъ, своимъ сообщить. Ну, мы вскочили на арбу, погнали ее къ себѣ, а сами по нимъ залпы даемъ. Ихъ такъ съ роту выбѣжало, палать по насъ, а мы по нимъ залпы, я еще кричу имъ: «держи, держи», по русскому кричу... Да, забавно рассказывать.... И вотъ теперь покойникъ. И арба эта у насъ осталась. Лошадь и два осла пригнали—все-таки хозяйство. Ну, а вотъ вчера... Это значить въ ночь съ 19-го на 20-е ноября отпросился Иванъ Ананьевъ и казакъ Хохлаевъ въ секреты къ японцу. Мы каждый день ходимъ впередъ пѣхоты, разѣзды посылаемъ, ну не безъ того, конечно, чтобы и пострѣлять по нимъ. Вотъ съ вечера пошли они изъ деревни Сандіоза,—сначала на китайское кладбище, потомъ прокрались впередъ къ маленькой рощицѣ, гдѣ у нихъ сосенки посажены. Шаговъ триста оставалось уже и до японскихъ аванпостовъ. Только пѣхота видитъ, что 10 японцевъ прокрались сзади и залегли. Замѣтили, значить, что наши туда ходятъ, ну прокрались. Дали залпъ—первыми же выстрѣлами обоихъ свалили. Свалили и бросились приканчивать ихъ штыками. Да Ананьевъ мертвымъ притворился; ну ему все-таки четыре раны въ грудь нанесли, 2 въ ноги, а 2 въ почки. Хохлаевъ оборонялся. Не хотѣлъ даромъ даваться. У него сейчасъ всѣ руки порѣзаны, видно, за штыкъ хватался, когда кололи его. Увидали это наши—дали залпъ, прогнали японцевъ. Потомъ уже вахмистръ Клецковъ съ винтовкой и пѣхотный санитаръ пошли подобрать ихъ. Японцы здорово по нимъ стрѣляли, но не

ранили никого. Принесли ихъ, еще живы были—и вотъ, значитъ, Ананьевъ, умеръ. Да царство ему небесное! видно, не сносилъ казачьей головушки.

(Красновъ. „Рус. Инв.“).

Молодцы казаки.

Въ одномъ отрядѣ произошелъ слѣдующій случай: нѣсколько артиллеристовъ-казаковъ отправились на фуражировку; проѣзжая одной деревней, они увидали стоящихъ у фанзы 5 лошадей съ японской сѣдловкой. Слѣшившись, они какъ кошки подкрались туда и, обнаживъ шашки, съ крикомъ «ура» бросились въ дверь, заставъ четырехъ кавалеристовъ съ офицеромъ врасплохъ, пьющими чай. Офицеръ быстро выхватилъ револьверъ и застрѣлился, солдаты сдались. Связавъ имъ руки, молодцы артиллеристы гавриловской батареи доставили четверыхъ плѣнныхъ и пять коней въ отрядъ.

(„Нов. Вр.“).

Въ японской будкѣ.

— Пошли это мы съ товарищемъ, рассказываетъ урядникъ-донецъ. Винтовки забрали и пошли. Вотъ, какъ стали мы къ японскому часовому подбираться, я и говорю товарищу: ты, молю, оставайся въ резервѣ, а я перейду въ наступленіе.—Ладно, говорить.—Вотъ это онъ въ кавельяніи остался, а я, значитъ, ползу. Гляжу, а онъ въ будкѣ сидитъ. Я къ нему; онъ меня увидалъ, да изъ будки и на-утекъ. Я въ будку забрался, а въ будкѣ оконце такое

продѣлано — смотрѣть можно; гляжу, а уже часовой тревогу сдѣлалъ, и человекъ двадцать японцевъ бѣжить на выручку. Я подманилъ товарища на подкрѣпленіе и давай съ нимъ залпы дѣлать. Только вижу, что ихъ еще больше бѣжить, я и говорю: ну, теперь давай отступать, я у тебя въ прикрытіи буду... Двухъ японцевъ свалили тогда.

(Красновъ. „Рус. Инв.“).

Какъ донцы доставали японца.

Урядникъ 19 донского казачьяго полка Евлампій Литвишенковъ писалъ къ своимъ роднымъ. «Любезное семейство! Милостію Господа и вашими молитвами, оставшись невредимымъ въ страшной рукопашной схваткѣ, происходившей въ ночь на 15 декабря, я спѣшу подѣлиться этимъ съ вами, дабы вы воздали славу и благодареніе сохранившему насъ Господу и, чтобы строки эти служили воспоминаніемъ вамъ и дѣтямъ нашимъ, если Господь опредѣлитъ остаться мнѣ здѣсь навсегда въ роковой Маньчжуріи. Обстоятельства дѣла были слѣдующія.

Послѣ страшной и лихой атаки японской артиллеріи нашими казаками 17 Октября 1904 года, когда многіе казаки костью полегли въ японскихъ окопахъ, остановленные проводочными загражденіями, казачьи сердца рвались дополнить предпринимаемую 3-ею сотней славную атаку и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отмстить японцамъ за смерть своихъ товарищей. Нѣсколько разъ пытались мы отмстить врагу, для чего небольшими разѣздами отправлялись въ сторону непріятеля, но безуспѣшно. 13-го декабря снова вызваны были охотники, числомъ по 9 человекъ въ разѣздъ, и въ четыре часа утра 14 декабря, подъ командою сотника Краснянскаго, отправились въ сторону

непріятеля, съ цѣлью нападенія. На этотъ разъ не удалось никого встрѣтить, и мы на разсвѣтѣ возвратились изъ-за цѣпи японской линіи. Въ этотъ разъ, однако, мы намѣтили себѣ вѣрный новый путь. Въ тотъ же день разъѣздъ изъ охотниковъ въ 50 человекъ со всего полка, подъ командой сотника Краснянского и хорунжаго Полковникова, получилъ приказъ во что бы то ни стало напасть неожиданно ночью на японцевъ, запалить ихъ фанзы и фуражъ и непременно достать живого японца. Задача была трудная. Для выполненія ея мы выступили изъ деревни Салюбтай въ 6 часовъ вечера того же 14-го декабря; на пути представились командиру своего полка, отъ котораго получили отеческое благословеніе. Командиръ сказалъ намъ: «Братцы, благословляю! Хотя и трудная возложена на васъ задача, но я надѣюсь на помощь Божію и ваше молодечество и увѣренъ, что вы исполните ее удачно. Еще разъ благословляю, помощи вамъ Господь!» Послѣ этого, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, мы двинулись въ путь. Ночь была тихая и морозная; яркія звѣзды чудно мерцали въ небесной высотѣ. Пройдя линію своей сторожевой цѣпи, разъѣздъ принялъ заранѣе опредѣленное направленіе. Наконецъ мы приблизились къ непріятельской заставѣ; часовой, послѣ двукратнаго опроса, далъ выстрѣлъ, а за нимъ и застава открыла сильный огонь изъ окоповъ съ фронта. Свистъ вражьиxъ пуль заставилъ было дрогнуть казаковъ. Но ободренные примѣромъ своего храбраго начальника, крикнувшаго въ то время, «за мной, ура!», мы ринулись на врага и тутъ-то началась общая свалка. Грозна была всесокрушающая атака донцовъ! Несмолкаемое «ура!», залпы ружейныхъ выстрѣловъ врага и переполохъ, вызванный нечаяннымъ нападеніемъ, — все слилось въ общій гулъ. Не выдержали японцы натиска казаковъ и, оставивши окопы, они пустились на утекъ. Тутъ-

то далась воля нашей пикѣ-дончихѣ и острой шашкѣ, которыми казаки рубили и кололи врага. Во время атаки одинъ казакъ, Усковъ, наскочилъ съ лошадыю прямо на окопъ, отчего она моментально упала, а казакъ перелетѣлъ черезъ окопъ и попалъ прямо на японца, стоявшаго за окопомъ. Послѣдній въ страхѣ заговорилъ по-русски и вмѣстѣ съ тѣмъ далъ выстрѣлъ, за что и получилъ ударъ шашкой, поразившей его на смерть. Во время общей схватки было захвачено два унтеръ-офицера японца живыми, а остальные частью были перерублены, а частью бѣжали. По показанію плѣнныхъ, неприятель занималъ окопъ въ 22 человекъ. Съ пойманными двумя живыми японцами пришлось не мало встрѣтить горя. Связавши, ихъ стали усаживать на лошадей, но они всеми силами старались сопротивляться, крича и ругаясь по своему, и не хотѣли садиться на лошадей. А въ это время въ деревнѣ, расположенной вблизи, отъ шума и крика засвѣтились огни и подымалась тревога. Намъ приходилось торопиться уходомъ, а потому одного изъ сопротивлявшихся плѣнныхъ пришлось нѣкоторое разстояніе тянуть волокомъ, послѣ чего онъ убѣдившись въ бесполезности сопротивленія, утѣлся на лошадь.

Подъ прикрытіемъ части своего же разѣзда, шагомъ пошли донцы съ мѣста побоища, гордые сознаниемъ исполненнаго долга и давно желаемого отмщенія врагу, запѣвъ любимую удалую пѣсню казаковъ: «Взвеселитесь, храбрые казаки, честью славою своей». Съ радостію встрѣтили насъ отецъ-командиръ и товарищи, ожидавшіе съ нетерпѣніемъ нашего возвращенія. Радость всѣхъ усугублялась еще тѣмъ, что взяли двухъ плѣнныхъ японцевъ и пять винтовокъ, при чемъ въ рукопашной схваткѣ ни одного казака и лошади не вышло изъ строя. И такъ, мы на дѣлѣ доказали врагу всеокрушающую атаку и доблесть донского казачества и то, что не из-

сякли еще у казаковъ завѣты ихъ предковъ не только своею жизнью защищать и оберегать Царя, но своею храбростью и удалю веселить Его душу и сердце.

(„Сельск. Вѣстн.“).

Разсказъ раненаго казака.

Однажды хунхузы ночью хотѣли напасть на мостъ, охраняемый двумя казаками-малороссами. Казаки услышали въ темнотѣ приближавшіеся шаги. Они окликнули, и вмѣсто отвѣта раздался залпъ ружейныхъ выстрѣловъ. Тутъ одинъ изъ казаковъ увидѣлъ, что «дѣло зачинается», и тотчасъ принялъ свои мѣры. Товарищу своему Сердюку онъ приказалъ оставаться въ резервѣ, а самъ «разсыпался въ цѣпь за окопомъ и почалъ по нимъ частить изъ винтовки». Послѣ короткой перестрѣлки, передовой герой, рассыпавшійся въ цѣпь, почувствовалъ, что его по ногѣ, какъ будто, что-то жигануло. «Еге! — обратился онъ самъ къ себѣ роднымъ хохлацкимъ восклицаніемъ, — дѣло пошло взаправду!..» Смекнулъ герой, что раненъ, и «почалъ свистать по резерву». Сердюкъ твердо зналъ команду, и «резервъ» въ его единоличной особѣ «заразъ прибѣгъ и сталъ помогать». Помощь состояла въ томъ, что онъ принялся, какъ умѣлъ, перевязывать раненую ногу товарища, а тотъ въ это время, помня, что «разсыпался за окопомъ», продолжалъ «тѣмъ часомъ» стрѣлять: пахъ! пахъ! пахъ! Въ эту минуту послышался конскій топотъ. И раненый авангардъ, и резервъ стали прислушиваться... Хорошо если это свои идутъ, а какъ неравно «фунхфузы»?.. «О, то штука будетъ!» Но „штуки“ не случилось! „Подтѣхали охранники и „вызвелили“ и авангардъ и резервъ!.. — Чѣмъ же тебя наградили? — спросилъ начальникъ, съ почетнымъ

вниманіемъ выслушавшій этотъ характерный геройскій разсказъ.—А это что такое?..—съ гордостью отвѣтилъ казакъ, указывая рукою на крестикъ съ бантомъ, скромно висѣвшемъ на шеѣ, въ изголовьѣ раненаго.

(„Сельск. Вѣстн.“).

Просьба Пластуна.

(Съ театра войны).

Высокій, могучій какъ дубъ, казакъ-кубанецъ горько жаловался на то, что его назначили въ обозъ.

— Развѣ я для того шелъ сюда, чтобы только убирать лошадей; да возить крупу. Что я дома скажу, когда меня будутъ спрашивать, какъ я дрался съ японцами?

Неподдѣльное горе свѣтилось въ энергичномъ лицѣ. Черные глаза пытливо-вопросительно смотрѣли на меня.

Что бы утѣшить казака, я сказалъ:

— Ты-бы перемѣнился съ кѣмъ-нибудь.

— Никто не захочетъ. У насъ всѣ обозные просятся въ строй, не желаютъ оставаться въ обозѣ.

— А нельзя-ли такъ сдѣлать, продолжалъ казакъ, чтобы насъ, пластуновъ, всѣхъ зачислить въ строй, а на наше мѣсто въ обозъ назначить запасныхъ солдатъ. Между ними есть совѣмъ плохенькіе мужички.

Мысленно я не могъ не согласиться съ казакомъ. Худой, малорослый вятскій мужичекъ, конечно, былъ-бы болѣе на своемъ мѣстѣ въ обозѣ, чѣмъ этотъ рослый казакъ, который искренно убѣжденъ, что его назначеніе на войнѣ воевать, а не исполнять мирныя обязанности кучера.

— Вы-бы похлопотали какъ нибудь, сдѣлать еще одну попытку казакъ, меня бабы дома засмѣютъ.

Къ сожалѣнію, я лишенъ былъ возможности исполнить просьбу казака. („Рус. Инв.“).

Разсказъ очевидца.

Послѣ гензанскаго авангарднаго дѣла ни мы японцевъ, ни они насъ не трогали, писалъ одинъ офицеръ, находившійся въ отрядѣ, который дѣйствовалъ въ Корей. Но къ концу сентября мы получили свѣдѣнія, что японцы переходятъ въ наступленіе и заняли перевалы на горномъ хребтѣ къ югу отъ Хонгуона. Нужно было произвести развѣдку. Главныя силы 21 сентября выдвинули впередъ развѣздъ. Было новолуніе. Ночь была темна, какъ только могутъ быть темны южныя, облачныя ночи. Подойдя къ подошвѣ перевала, развѣздъ узналъ отъ корейцевъ, что наканунѣ японцы спускались съ него и разспрашивали о русскихъ и, что на вершинѣ горнаго хребта стоитъ японскій сторожевой постъ. Собравъ эти свѣдѣнія, развѣздъ осторожно двинулся къ вершинѣ обросшаго лѣсомъ перевала. Но, на ней никого не было. Только валялись раскупоренныя банки консервовъ, комки варенаго риса, да чернѣли остатки небольшого костра. Въ это время къ подошвѣ перевала подошелъ весь отрядъ. Чтобы докончить развѣдку, были вызваны охотники спуститься внизъ къ дер. Идонгъ. Впереди охотниковъ шелъ кореецъ, съ которымъ условились, что если онъ увидитъ японцевъ, то дастъ объ этомъ знать условными сигналами. Храбрый проводникъ условіе выполнилъ, но сообщилъ это знакомъ, если и не условнымъ, то весьма понятнымъ. Увидѣвъ японцевъ, онъ пустился удирать со всѣхъ

ногъ на ближайшую сопку. Когда онъ уставалъ, то бросался на спину и поднималъ затекшія ноги вверхъ. Охотники, скрываясь за складками мѣстности и срубленнымъ лѣсомъ, подошли къ мѣсту, откуда былъ ясно виденъ бивакъ японцевъ. Не успѣли наши охотники подойти къ опушкѣ лѣса, какъ съ японской стороны загремѣли выстрѣлы. Но задача была выполнена, и охотники, не отвѣчая, отошли назадъ. Было рѣшено, что сотня останется у перевала, чтобы прослѣдить ожидавшійся переходъ въ наступленіе японцевъ. Расположившись бивакомъ у перевала, сотня выслала на вершину его заставу. Въ глубокой тѣмѣ подошла заставка къ кумирнѣ на вершинѣ. Впередъ высланъ часовой. Сжимая винтовку, стоитъ онъ, прислонясь къ дереву, внимательно всматриваясь впередъ. Ухо жадно ловить всѣ звуки... Далеко впереди залаяли собаки... Теперь замолчали... Опять лай, но ближе... На сопкѣ слѣва мелькнулъ огонь... Фонарь какъ бы пляшетъ; теперь ясно можно видѣть, что это большой корейскій фонарь... Короткій свистокъ и къ часовому подходитъ подчасокъ. Донесеніе назадъ послано. Черезъ нѣсколько минутъ къ часовому приближается офицеръ. Опять мелькнулъ свѣтъ на сопкѣ... Какъ бы отвѣчая ему, впереди, внизу перевала, мелькнулъ огонекъ, но это какой-то ровный, бѣлый свѣтъ, скорѣе всего, электрическій фонарь... Лай собаки...

— Ваше благородіе, это человѣкъ лаетъ, — слышитъ офицеръ тревожный, напряженный шопотъ ближайшаго казака.

Отвѣчая на лай, гдѣ-то крикнулъ филинъ... Снова этотъ нервящій шопотъ.

— Это человѣкъ кричитъ!

Еще появились бѣлые огоньки, то сходятся, то расходятся, и справа, и слѣва несутся крики совы, лай и карканье воны... Огоньки расходятся, и крайніе поднимаются на сопки,

обходя съ фланговъ заставу. Но начинается брежить свѣтъ. Крики прекратились, огоньки погасли. И вдругъ съ трехъ сторонъ грянули залпы. Укрывшись за валиками, выдержанными залпами отбивается наша застава. Залпы повидимому удачны—все слабѣе и слабѣе японскій огонь и, наконецъ они отступаютъ. Когда разсвѣло, было выяснено, что къ перевалу подходит пѣхотная колонна и отъ нея отдѣлились вправо и влѣво обходящіе отряды. Одна сотня не могла бороться съ такими силами и поэтому получила приказаніе отступать.

(„Всеобщ. мал. газ.“).

Молодецкое дѣло хорунжаго Батурина съ 14-тью казаками.

Въ то время, когда ген. Ренненкампфъ опрокидывалъ шагъ за шагомъ передовые японскіе отряды*), въ самомъ тылу японскихъ силъ разыгралось небольшое, но характерное и молодецкое дѣло: хорунжій Батуринъ, съ 14 казаками, выполняя возложенную на него задачу освѣтить мѣстность вправо отъ пути слѣдованія колонны генерала Ренненкампфа, прошелъ далеко впередъ по долину Бадаухэ въ самую середину непріятельскаго расположенія. Скрытно пробираясь по горамъ или, какъ здѣсь ихъ принято называть, сопкамъ, разѣздъ приблизился къ большому селенію Чандязы. Одного взгляда было достаточно, чтобы убѣдиться, что селеніе кишитъ непріятельской пѣхотой и кавалеріей. Дальше итти не представлялось возможности. Оставалось только выполнить вторую половину задачи, выйти изъ долины Бадаухэ въ параллельную ей долину Цаохэ, что хорунжій Батуринъ и исполнилъ, близко

*) 3-го мая 1904 г. въ долину р. Цаохэ.

пройдя мимо селенія Чандязы, никѣмъ, къ счастью, не замѣченный... Но едва удалось разъѣзду миновать селеніе и выйти на дорогу, извивающуюся вдоль рѣки, какъ вдругъ за ними показался большой отрядъ конницы. По тому, какъ онъ шелъ быстрыми аллюрами, имѣя впереди себя 7 человекъ дозорныхъ, державшихъ прямое направленіе на казачій разъѣздъ, не было сомнѣнія, что казаки открыты и настойчиво преслѣдуемы. Не оставалось ничего другого, какъ только поспѣшно уходить, но измученные ежедневными разъѣздами и безкормицей казачьи кони шли плохо. Съ каждой минутой разстояніе, раздѣлявшее оба разъѣзда, быстро сокращалось.

Простымъ глазомъ, безъ помощи бинокля можно было хорошо разглядѣть своеобразныя, черныя куртки японскихъ кавалеристовъ, ихъ по образному казачьему выраженію комолая (прусскаго образца) фуражки съ желтымъ, какъ и у казаковъ, околышемъ. Дорога по прежнему извиается вдоль рѣчки, то и дѣло огибая бугристые мысочки, на нѣкоторое время скрывающіе враговъ изъ глазъ другъ друга...

Словно стая гончихъ несутся японцы, припавъ къ сѣдламъ по слѣдамъ казаковъ. Выбиваются изъ силъ казачьи кони, а до своихъ еще далеко... Но тамъ, гдѣ нельзя взять силой берутъ сноровкой... Настигаемый въ пять разъ сильнѣйшимъ противникомъ хорунжіи Батурины пускается на хитрость. Впереди на берегу рѣки стоитъ одинокая фанза. Высокая гора, подошвой своей упирающаяся въ рѣку, на короткое время раздѣляетъ противниковъ. Пользуясь этимъ, хорунжіи Батурины круто сворачиваетъ къ рѣкѣ. На влажномъ пескѣ ясно отпечатлѣваются слѣды копытъ казачьихъ коней... Въѣхавъ въ рѣку, хорунжіи однако не идетъ черезъ нее прямо, а спускается внизъ и, пройдя съ версту и выбравъ каменистое мѣсто, поворачиваетъ обратно

и быстро занимаетъ фанзу... Торопливо спѣшиваются казаки, снимаютъ съ головы фуражки и, припавъ къ каменной оградѣ фанзы, замираютъ въ глубокомъ молчаніи... Проходитъ минута, другая и вотъ изъ-за горы быстро выносятся передовой японскій разѣздъ. Внимательно вглядываясь въ слѣды, они крупной рысью подъѣзжаютъ къ рѣкѣ; нѣтъ сомнѣній, казаки переправились на ту сторону... Однако раньше, чѣмъ гнаться за ними, не мѣшало бы разспросить китайцевъ, хозяевъ фанзы, не видали ли они русскихъ? Куда они проѣхали?

Одинъ за другимъ гуськомъ подъѣзжаютъ японскіе кавалеристы къ фанзѣ. Ихъ всего семь человекъ. Остальной отрядъ еще далеко, его едва видно. Притихли, притаились казаки... крѣпко сжимаютъ въ рукахъ свои винтовки. Даже дыханіе затаили... поджидаютъ. Вотъ передовой кавалеристъ уже у воротъ фанзы... Еще мгновение и рослый, гнѣдой жирный конь рысью вноситъ своего всадника во дворъ. На встрѣчу ему прямо въ упоръ гремитъ выстрѣлъ. Испуганный конь шарахается въ сторону, круто поворачивается и карьеромъ выноситъ своего всадника изъ предательской фанзы. Но уже поздно. Всадникъ мертвъ и тяжело падаетъ у самыхъ воротъ. Одновременно съ этимъ стѣны забора фанзы оживаютъ. Всюду появляются казачьи головы и дружный раскатистый залпъ гремитъ въ упоръ опѣшеннымъ кавалеристамъ. Двое мертвыми падаютъ съ коней, падаетъ одна лошадь, остальные японскіе кавалеристы въ паническомъ ужасѣ бросаются назадъ. Вслѣдъ имъ торопливо трещатъ частые ружейные выстрѣлы. Еще двое пошатнулись на сѣдлахъ, но кое-какъ удержались, ухватившись за гривы лошадей и едва держась на сѣдлахъ понеслись къ своимъ. Очевидно раненые.

Отпугнувъ отъ фанзы передовой разъѣздъ японцевъ, хорунжій Батуринь приказываетъ казакамъ живо садиться на лошадей и, пользуясь замѣшательствомъ непріятеля, уходитъ на ту сторону рѣки.

Ускакивая, казаки тѣмъ не менѣе успѣваютъ снять съ одного изъ убитыхъ кавалеристовъ патронташъ, ружье и саблю. Это трофеи ихъ молодечества, они представляютъ ихъ начальству какъ доказательство своей лихости. Миновавъ рѣку, хорунжій Батуринь ведетъ свой разъѣздъ сначала по долинѣ, нарочно оставляя за собой широкій слѣдъ. Изъ послѣднихъ силъ несутся добрые казачьи кони. Японцы далеко позади. Не зная, занята ли еще фанза русскими или нѣтъ, они осторожно шагомъ, широкой лавой подходятъ къ ней, а тѣмъ временемъ казаки миновали долину и углубились въ каменистое ущелье. Здѣсь слѣдовъ не видно. Хорунжій Батуринь переводитъ свой разъѣздъ въ шагъ и ведетъ его на горку, густо заросшую кустарникомъ. Осторожно, одинъ за другимъ поднимаются казаки, объѣзжаютъ горку съ противоположной стороны и, повернувъ обратно, скрываются въ лѣсу. Отсюда имъ все видно, какъ на ладони. Видятъ они, какъ японскіе кавалеристы осторожно окружаютъ фанзу и еще осторожнѣе проникаютъ во дворъ... Черезъ минуту оттуда къ казакамъ доносятся яростные возгласы японцевъ и жалобные крики хозяевъ-китайцевъ... Очевидно японцы, озлобленные неудачей, вымѣщаютъ свою досаду на неповинныхъ китайцахъ. Теперь они доподлинно знаютъ, что русскихъ было всего 14 человекъ. Скорѣй же въ погоню. Казачьи лошади притомлены и далеко ускакать не могли. Не надо терять времени...

Смотрятъ казаки и видятъ, какъ отъ фанзы карьеромъ несутся японскіе всадники. Быстро несутся хорошо раскормлен-

ные кони. Всѣ они темныхъ мастей. гнѣдые, вороные, рыжіе. Широко идетъ казачій слѣдъ черезъ долину и уходитъ въ узкое каменистое ущелье. Всего въ какихъ-нибудь ста саженьяхъ разстоянія проносятся японцы мимо притаившихся за деревьями казаковъ и исчезаютъ за поворотомъ ущелья.

Теперь и казакамъ терять времени не приходится. Они торопливо выѣзжаютъ изъ гостепріимно-укрывшаго ихъ лѣса и крупной рысью ѣдутъ въ обратную сторону той, куда поѣхали японцы. Въ тотъ же день поздно вечеромъ хорунжій Батуричъ благополучно присоединился къ отряду генер. Ренненкампа, не потерявъ ни одного человѣка, ни одной лошади, но передъ тѣмъ какъ присоединиться, онъ дѣлается невольнымъ зрителемъ того, что дѣлалось въ тылу у японцевъ въ то время, когда генераль Ренненкампа сбивалъ ихъ съ позиціи на позицію.

Взобравшись на крутую, заросшую лѣсомъ гору, онъ какъ изъ театральной ложи видѣлъ, какъ японская пѣхотная цѣпь, не выдержавшая нашихъ залповъ, торопливо отступала съ главной дороги, какъ неслись назадъ японскіе кавалеристы, раздавая приказанія, какъ, не пробуя даже вступить въ бой, торопливой рысью отходили эскадроны японской кавалеріи, трусливо скрываясь за свою пѣхоту. Наконецъ, при послѣднемъ отступленіи хорунжій Батуричъ видѣлъ и считалъ число носилокъ, на которыхъ несли убитыхъ и раненыхъ. Носилокъ всего было двадцать. Этимъ выяснилось, что потери японцевъ 3 мая были гораздо значительнѣе нашихъ, чѣмъ и объясняется ихъ быстрое отступление.

Всѣ эти свѣдѣнія хорунжій Батуричъ въ тотъ же день доложилъ генералу, предъявивъ ему и взятые въ бою трофеи. («Новое Время» № 10.148. Корреспонденція Эффе).

„Умру—а доведу!“

Одинъ изъ очевидцевъ описываетъ примѣры мужества нашихъ воиновъ и сестеръ милосердія въ бояхъ на Дальнемъ Востоѣ. Вотъ подъѣзжаетъ къ передовому госпиталю казакъ Одарченко; вся лѣвая рука въ крови. Снимаютъ его съ лошади. Оказывается, шрапнелью разорвало плечевой мускулъ, кость задѣта и раздробилась. Послѣ серьезной перевязки онъ самъ натягиваетъ окровавленный рукавъ своей рубашки.—Погоди, сейчасъ тебѣ надѣнуть чистое бѣлье и халатъ,—говорятъ ему.—Нѣтъ, я поѣду!—говоритъ казакъ.—Куда тебѣ ѣхать? Свалишься.—Хоть умру, а доведу приказаніе генерала въ часть.—Погоди, другого пошлемъ.—Хоть умру, а самъ доведу!—Влѣзъ на табуретъ, а съ него на сѣдло—и былъ таковъ.

«Бир. Вѣд.»

Казакъ Аксеновъ.

Какъ вы находите нашихъ казаковъ? — спросилъ кор. «Нов. времени» Ю. Елецъ генерала Ренненкампа.

— Молодцы, что и говорить! Да вотъ вамъ недавній примѣръ, пришедшій мнѣ на память.

Въ дѣлѣ, 22-го іюня 1904 г., подъ Сыгоулиномъ, казакъ 6-й сотни Нерчинскаго полка Аксеновъ шелъ пѣшимъ въ правомъ доворѣ. Японцы отступали. Передъ Аксеновымъ какъ разъ отходилъ японскій доворъ изъ трехъ солдатъ. Казака вдругъ задоръ взялъ: какъ бы это изловчиться, всѣхъ трехъ въ плѣнъ забрать. Не долго думая принялся онъ ихъ догонять и пропустилъ во весь духъ. Подбѣжалъ къ японцамъ совсѣмъ близко. Они, увидѣвъ, что онъ одинъ, конечно въ штыки.

Тогда онъ изловчился и одного изъ нихъ уложилъ шашкой, другого же поранилъ, но самъ въ это время успѣлъ получить три штыковые раны и шашку у него изъ рукъ выбили.

Тогда Аксеновъ сгребъ уцѣлѣвшаго японца, рѣшивъ, что приходится удовольствоваться только однимъ трофеемъ. Тотъ въ свою очередь сталъ отбиваться и началась борьба. Другіе казаки, видя эту картину, поспѣшили на помощь, но пока они бѣжали, японецъ отгрызъ Аксенову палецъ, прокусилъ шею и оба упали. Казакъ ослабѣлъ отъ пяти ранъ и японецъ успѣлъ извернуться и бѣжать. Аксенова я представилъ за это къ кресту. Всѣ раны его быстро зажили, теперь онъ опять въ строю, и казаки его дразнятъ «безпалымъ».

Смѣлая развѣдка въ тылу японцевъ.

Нарвскаго драгунскаго полка ротмистръ Дроздовскій съ корнетомъ Гудіевымъ и съ семью забайкальскими казаками, всѣ пѣшкомъ, были посланы на развѣдку тыла японской арміи Куроки. Дроздовскій двинулся глухими ущельями, скрываясь отъ повсюду кишѣвшихъ разѣздовъ врага.

Шпіонъ-китаецъ, высланный японцами, все время слѣдилъ за нашими развѣдчиками и на второй день ночью привелъ къ ихъ бивуаку взводъ пѣхоты, полѣзшій по скаламъ, окружая нашихъ съ трехъ сторонъ. Наши развѣдчики ускользнули отъ нихъ въ ущелье и почти по отвѣснымъ скаламъ выбрались на другую сторону хребта, все путаясь въ ліанахъ, дикомъ виноградѣ, колючихъ кустахъ и пробивая дорогу шашками. Остатокъ ночи до самаго разсвѣта наши смѣльчаки провели подъ проливнымъ дождемъ, голодные и холодные. Спускъ въ долину былъ головокрумный: скатывались на спинахъ, обдираясь въ кровь, оставляя клочья одежды на терновникѣ. Со-

бравъ свѣдѣнія и прорекогносцировавъ мѣстность близъ Дану, Дроздовскій двинулся далѣе. На привалѣ, на вершинѣ сосѣдней горы опять увидѣли подозрительную фигуру китайца, который слонялся тамъ уже нѣсколько часовъ. Ночью часовой разбудилъ Дроздовскаго и доложилъ, что въ ущелье прокрадывается японскій разъѣздъ въ 12 человекъ, ведя коней въ поводу. Въ эту минуту прибѣжалъ китаецъ-проводникъ съ сообщеніемъ, что и съ другой стороны ущелье тоже занято; тогда Дроздовскій спустился съ казаками на спинахъ прямо къ рѣкѣ, по которой двинулись впередъ, обманувъ японцевъ, оставшихся ждать ихъ въ ущельѣ.

Собравъ свѣдѣнія у жителей о японцахъ, Дроздовскій узналъ, что наша конница у Сянь-Ямыня, и онъ рѣшилъ кружнымъ путемъ до нея добраться. Ночлегъ былъ выбранъ въ дѣвственномъ ущельѣ, покрытомъ дубомъ, тополями, дикимъ виноградомъ, орхидеями, жасминомъ. Едва расположились на бивуакѣ, какъ къ казакамъ подошелъ какой-то китаецъ и одинъ изъ казаковъ призналъ въ немъ человека, наблюдавшаго за отрядомъ съ сопки. Его задержали и допросили. Онъ признался, что онъ шпионилъ. На обязанности его было ходить впереди разъѣзда, предупреждать разъѣздъ объ опасностяхъ и собирать свѣдѣнія о русскихъ. Три дня онъ слѣдилъ за Дроздовскимъ и два раза приводилъ японцевъ. Шпионъ ждалъ смерти, но Дроздовскій не тронулъ его и приказалъ дать ему поѣсть. Тогда тронутый этимъ китаецъ сообщилъ, что японцы близко и скоро будетъ нападеніе. Всѣ приготовились, занявъ одинокую фанзу, обнесенную каменнымъ заборомъ и обращенную къ узкому ущелью. Была лунная ночь. Скоро послышался шумъ катящихся изъ-подъ ногъ камней и показались человекъ двадцать японскихъ солдатъ; изъ фанзы грянулъ залпъ, другой, третій, — попадало на землю нѣсколько

японцевъ, остальные пріостановились, ошеломленные неожиданной встрѣчей. Этимъ моментомъ воспользовался Дроздовскій и скользнулъ съ казаками въ ущелье. Притаившись въ кустахъ, онъ пересчиталъ людей: недоставало казака Парфенова. Но вотъ послышался чей-то бѣгъ и Парфеновъ присоединился къ отряду. На распеканія Дроздовскаго, казакъ запыхавшись виновато отвѣчалъ: «Такъ... что въ фанзу вернулся... вспомнилъ, поросеночекъ тамъ остался... Мы уже его поджаривать начали, такъ жалко стало»...

Послѣ сутокъ утомительнаго пути, переваливъ высокій скалистый хребетъ, Дроздовскій, добывъ цѣнныя свѣдѣнія, присоединился къ отряду, не потерявъ ни одного человѣка. Ловкость, смѣлость и энергія Дроздовскаго тѣмъ болѣе изумительны, что у него только одна рука. (№ 10.161 «Нов. Врем.»).

Славный подвигъ сотника Юрасовскаго.

Сотникъ Юрасовскій 13-го сентября выѣхалъ со взводомъ четвертаго сибирскаго казачьяго полка на развѣдки въ тылъ японскаго расположенія, чтобы выяснитъ силы врага, и благополучно пройдя цѣпь передовыхъ японскихъ постовъ, вечеромъ занялъ ровъ у первой деревни. Вдругъ прискакалъ дозорный. Оказалось, что въ полуверстѣ—тревога въ японскомъ лагерѣ. Увѣдомленный заставами съ сопокъ, отрядъ уже сажился на коней. Юрасовскій собралъ взводъ и началъ отступать къ нашимъ позиціямъ. Пройдя двѣ версты, наши замѣтили впереди конную часть японцевъ и китайцевъ. Развѣздъ оказался окруженнымъ отовсюду: съ юга шло на него два эскадрона, на

востокъ и западъ высились недоступные отвѣсы съ японскими часовыми, сигнализировавшими своимъ; путь на сѣверъ преграждали встрѣчные отряды. Засвистали пули, послышалась команда: — «Пики, шашки къ бою, маршъ, маршъ!» Казаки ринулись на сѣверъ въ гаолянъ. Проскакавъ его, они наткнулись на японскій выючный транспортъ подъ командой кавалеристовъ. Лошадей и муловъ было больше ста. Китайцы-погонщики завопили и кинулись назадъ. Дѣло разыгралось въ равнинѣ среди двухъ передовыхъ линій—нашей и японской. Впереди въ ужасѣ неся транспортъ, сзади наши 16 казаковъ, а за ними два японскихъ эскадрона. Наши передовые посты подняли тревогу. Увидя это, японскій конвой, сопровождавшій транспортъ, ускаялъ на фланги въ гаолянъ. Эскадроны стали отступать и черезъ цѣпь нашихъ постовъ пронеслись китайцы-погонщики съ выюками, а за ними Юрасовскій. Казаки охватили транспортъ съ флангомъ и, сбивъ его въ кучу, погнали, къ своей дивизіи, куда и доставили поздно ночью. У японцевъ были потери, наши всѣ цѣлы и невредимы».

Немировичъ-Данченко. «Рус. Сл.»

Храбрый сотникъ Грикопуло.

Казачій офицеръ Грикопуло находился въ отрядѣ генерала Мищенко. Этотъ человекъ, какъ сообщалъ въ «Нов. Времени» Эфте, можно сказать, живмя жилъ среди японцевъ. Имѣя подъ своимъ начальствомъ отъ 7—12 казаковъ, Грикопуло при отступленіи отряда остается въ какомъ-нибудь селеніи и затѣмъ начинаетъ блуждать изъ селенія въ селеніе. Остановится гдѣ-нибудь на часъ на два, собираетъ свѣдѣнія. Узнаетъ, что японцы подходятъ, уходитъ въ другое селеніе или прямо въ горы и оттуда съ вершинокъ наблюдаетъ за непріателемъ. Случалось, что отъ него по нѣскольку дней не

приходило никакихъ вѣстей и его считали погибшимъ, но вдругъ является казакъ и приноситъ донесеніе.

— Отъ кого?

— Отъ сотника Грикопуло.

— А онъ еще живъ?

— Такъ точно, слава Богу.

— Гдѣ же онъ?

Казакъ называетъ селеніе гдѣ-нибудь версть за 10—12, а японцы всего въ 5—6 верстахъ.

— Да какъ вы тамъ держитесь,—изумляются всѣ,—вѣдь тамъ вездѣ японцы?!

— Такъ точно,—ухмыляется казакъ,—вчерашнюю ночь мы съ ихнимъ разъѣздомъ почитай что рядомъ ночевали. Японцы—въ селеніи, а мы—возлѣ, въ «подушечкѣ», всего въ какихъ-нибудь 30 саженьяхъ.

И такъ постоянно.

Какіе желѣзные нервы, замѣчаетъ Эфте, надо имѣть, чтобы выдержать подобное напряженіе въ теченіе многихъ дней.

Подвигъ геройства и человѣколюбія развѣдчиковъ.

Взводъ 1-й сотни Читинскаго полка (въ отрядѣ генерала Ренненкампа) служилъ заставою на перевалѣ Сандалинѣ. Разъѣздъ изъ четырехъ человѣкъ этого взвода неожиданно встрѣтилъ сильный отрядъ японцевъ, убившихъ одного изъ нихъ и ранившихъ другого. Оставшіеся въ живыхъ подхватили раненаго и подъ градомъ пуль привезли его на заставу. Въ заставѣ оставалось всего 10 казаковъ, полкъ находился въ 15 верстахъ, а впереди большія непріятельскія силы. Тѣмъ не менѣе казаки ни за что не хотѣли оставить

трупъ убитаго, къ которому уже подходилъ цѣлый эскадронъ. Казаки нѣсколькими удачными залпами заставили повернуть непріятеля обратно, въ свою очередь убивъ у него нѣсколько человѣкъ и затѣмъ, раздѣлившись двумя группами, ползкомъ добрались до убитаго Бочкарева и подъ залпами японцевъ благополучно вернулись на заставу, а потомъ честно, по христіански похоронили убитаго.

«Забайк. вѣдом.»

Развѣдчикъ Муратовъ.

Изъ селенія Саймадзы, 8 мая 1904 г., выступила подъ начальствомъ корнета Роговскаго партія развѣдчиковъ-казакъ 1-го Аргунскаго полка, человѣкъ девять. Въ числѣ ихъ былъ и Муратовъ. Партія направилась по пути къ Фынхуан-чену, уже въ то время прочно занятому японцами. Такъ какъ уже вскорѣ по выходѣ изъ Саймадзы нашимъ развѣдчикамъ начали попадаться на пути все болѣе и болѣе многочисленныя непріятельскіе развѣзды и развѣдочныя партіи, то рѣшено было, бросивъ дорогу, итти горными дикими тропами, останавливаясь, время отъ времени, на высокихъ вершинахъ и оттуда дѣлать наблюденія. Въ началѣ все шло благополучно. Осторожно, гдѣ ползкомъ, гдѣ на четверенькахъ, гдѣ прячась за кусты, камни и деревья, медленно подвигались наши развѣдчики, ночуя въ лѣсу, питаясь захваченными съ собою въ дорогу консервами солонины, и кукурузными лепешками. На третій день утромъ они уже находились въ самомъ центрѣ японскаго расположенія. Куда бы развѣдчики ни бросили свой взоръ, всюду глазъ ихъ натыкался на расположенныя въ шахматномъ порядкѣ непріятельскія заставы. Нѣсколько разъ имъ приходилось пробираться всего въ нѣсколькихъ саженьяхъ

отъ японскихъ часовыхъ. Нѣсколько разъ только чудомъ удавалось казакамъ скрываться отъ проходившихъ мимо нихъ патрулей. Особенно ночью, когда на всѣхъ сосѣднихъ вершинахъ и глубоко внизу въ долинахъ ярко загорались непріятельскіе костры, зловѣще мигавшіе въ ночномъ мракѣ, наши развѣдчики чувствовали себя какъ бы замкнутыми въ кольцахъ вражескихъ войскъ, изъ которыхъ, казалось, нѣтъ выхода. Эти огненные точки, подобно глазамъ какого-то стоокаго чудовища, какъ бы сторожили, высматривали своими сверкающими зрачками небольшую горсточку русскихъ людей, отважно забравшихся въ страну, кишашую непріятельскими солдатами.

Несмотря однако на такую жуткую близость враговъ, развѣдчики смѣло продолжали свой путь, зорко отмѣчая, гдѣ какія войска стоятъ, сколько ихъ, какія деревни заняты, какія нѣтъ, по какимъ дорогамъ преимущественно двигаются войска, и т. п. свѣдѣнія, которыя иногда, являются для начальника откровеніемъ, яркимъ лучемъ въ непроглядной тмѣ всевозможныхъ догадокъ и предположеній.

Три дня шли развѣдчики. Зная вѣроломство китайцевъ, они старались какъ можно рѣже пользоваться ихъ услугами и, выходя изъ селеній и одинокихъ фанзъ, всякій разъ принимали всѣ мѣры къ тому, чтобы ввести китайцевъ въ заблужденіе относительно того, какое направленіе ими выбрано, но трудно перехитрить хитрыхъ сыновъ Небесной имперіи: они очень скоро и вѣрно успѣвали выслѣдить русскихъ и затѣмъ немедленно сообщали японцамъ. Развѣдчики наши должны были очень скоро въ этомъ убѣдиться... На третій день въ полдень усталые, измученные, голодные, полубосые, они рѣшились наконецъ дать себѣ дневной отдыхъ. Для этой цѣли была выбрана одинокая, полуразрушенная фанза, затерявшаяся въ глубокой впадинѣ, среди такой дѣвственной трушобы, гдѣ,

казалось, отъ сотворенія міра не бывало людей иныхъ, кромѣ обитателей этой одинокой фанзы. На рѣшеніе хорунжаго Роговскаго выбрать своимъ пріютомъ именно эту фанзу повліяло, помимо ея уединенности, еще и завѣренія китайцевъ, увѣрявшихъ, что сюда японцы никогда не заходятъ, да и вообще ихъ по близости не имѣется. Забравшись въ фанзу, развѣдчики, не теряя времени, принялись за варку чая и курицы, купленной у хозяевъ, но не прошло и получаса времени, какъ раздался тревожный свистъ выставленнаго у воротъ часового... Всѣ бросились къ окну, и глазамъ ихъ представилась невеселая картина: съ обѣихъ сторонъ къ фанзѣ по вершинамъ горокъ, окружавшихъ ее, быстро подходила японская пѣхота. Одинъ въ затылокъ другому, длинной вереницей, держа ружья наготовѣ, легкимъ шагомъ шли японскіе солдаты, прямо направляясь къ фанзѣ, очевидно хорошо и точно освѣдомленные не только о мѣстопребываніи, но и о числѣ русскихъ... Японцевъ было не меньше роты.

Число слишкомъ достаточное, чтобы сломить упорство десяти человѣкъ, захваченныхъ врасплохъ, едва живыхъ отъ усталости и голода...

Отрѣзанные съ обѣихъ сторонъ развѣдчики однако не потерялись и, недолго думая, выскочивъ одинъ за другимъ въ окно, бросились бѣжать по крутому подъему высокой горы, у подножія которой стояла фанза... Тотчасъ же имъ вслѣдъ загремѣли выстрѣлы... Японцы патроновъ не жалѣютъ и когда начинаютъ стрѣлять, то стрѣльба эта дѣлается просто какой-то захлебывающейся, ни на секунду не смолкаемой трескотней.

Преслѣдуемые по пятамъ, развѣдчики быстро рассыпались по всему склону горы, инстинктивно понимая, что по одиночкѣ имъ сподручнѣе уйти отъ преслѣдователей и въ то время, когда Роговскій съ семьёю человѣками полѣзъ выше встрѣтивъ

шагося на пути оврага, рассчитывая перевалить через вершину, Муратовъ и его товарищъ Шестаковъ напротивъ успѣшно соскочили на дно оврага и со всею быстротой, на которую были способны ихъ израненныя, стертые ноги, побѣжали по дну оврага, въ надеждѣ укрыться отъ взоровъ японцевъ, но надежда ихъ не сбылась. Въ то время, какъ часть враговъ продолжала преслѣдовать Роговскаго, остальные броислись за Муратовымъ и Шестаковымъ, быстро окружили и, угрожая, направленными въ упоръ дулами, потребовали сдачи. Надо сказать, что убѣгая изъ фанзы, казаки сбросили съ себя пашки, путавшіяся въ нихъ и мѣшавшія имъ бѣжать, и забросили ихъ въ кусты... Теперь, имѣя въ рукахъ незаряженные ружья они очутились вполнѣ безоружными передъ въ двадцать разъ сильнѣйшимъ непріятелемъ, но все же сдаваться не хотѣли, думая защищаться хотя бы прикладами, но японцы не дали имъ опомниться, сразу бросились со всѣхъ сторонъ— «точно собачня»—по выраженію Муратова, вырвали у нихъ изъ рукъ винтовки и, схвативъ за руки и плечи, съ торжествующими криками повели обратно къ фанзѣ. Въ эту минуту наверху шла самая ожесточенная стрѣльба, очевидно и тамъ японцы успѣли окружить русскихъ, часть перебить, а часть захватить живыми.

Всю дорогу японцы, ведшіе Муратова и Шестакова, весело болтали между собой, кричали, смѣялись, скаля зубы и радостно похлопывая другъ друга по плечамъ. Поимка двухъ казаковъ очевидно приводила ихъ въ неописуемый восторгъ... Нѣсколько разъ они наперерывъ принимались о чемъ-то расспрашивать своихъ плѣнниковъ, но тѣ, разумѣется, ничего не понимали, да и вообще не имѣли никакого желанія вступать въ бесѣду съ «поганью».

Приведя казаковъ въ фанзу, японцы быстро снова ушли,

оставивъ при плѣнникахъ только двухъ часовыхъ, которые, показавъ знаками казакамъ сѣсть на канъ, сами съ жадностью набросились на ѣду, на ту самую курицу, которая варилась для ихъ теперешнихъ плѣнниковъ. Увлеченные ѣдой и разговоромъ съ китайцами, которыхъ набралось въ фанзу множество, точно они впервые видѣли русскихъ, японцы совершенно не обращали вниманія на своихъ плѣнниковъ, очевидно далекіе отъ мысли, что тѣ могутъ куда-нибудь убѣжать.

— Шестаковъ,—шопотомъ проговорилъ Муратовъ,—бѣжимъ, братъ, вишь дьяволы жрутъ и не смотрятъ...

— Опасно, братъ, у нихъ ружья, догонять—застрѣлять.

— Э, вздоръ, двумъ смертямъ не бывать, одной не миновать, не хотишь—сиди, а я бѣгу. Прощай.

И, сказавъ это, Муратовъ, на глазахъ десятка китайцевъ въ двухъ шагахъ отъ вооруженныхъ винтовками японскихъ часовыхъ, съ быстротой кошки ринулся въ открытое окно, быстро обѣжалъ фанзу, съ неимоверной ловкостью ухватился за стропила крыши, однимъ прыжкомъ вскочилъ на нее и забился въ солому. На его счастье фанза состояла въ сущности изъ двухъ построекъ, связанныхъ вмѣстѣ, причемъ одна постройка была выше другой, отчего и крыша ея была выше. Отъ ветхости крыша болѣе высокой постройки завалилась, осунулась и нагромоздилась на другую крышу, образовавъ какъ бы соломенный заторъ, въ середину котораго Муратовъ и успѣлъ залѣзть. Сидя въ своемъ убѣжищѣ, онъ видѣлъ, какъ съ ружьемъ въ рукахъ и глупо растеряннымъ лицомъ пробѣжалъ часовой, устремляясь къ горѣ, куда по его мнѣнію долженъ былъ направиться бѣглець. Вскорѣ онъ встрѣтился съ нѣсколькими изъ своихъ товарищей, съ которыми и вернулся въ фанзу.

Съ полчаса рыскали японцы по всѣхъ направленіямъ, сно-

вали по двору, слезили на ближайшія вершинки, только на крышу ни одинъ изъ нихъ не догадался взглянуть, да и взглянувъ, пожалуй ничего не увидѣлъ бы: такъ ловко укрылся казакъ ворохами ржавой соломы. Убѣдясь наконецъ въ тщетности всѣхъ своихъ поисковъ, японцы рѣшились наконецъ покинуть фанзу, было уже поздно, смеркалось, и они очевидно спѣшили къ своимъ частямъ. Изъ своего наблюдательнаго пункта Муратовъ видѣлъ, какъ повели бѣднаго Шестакова, но, къ удивленію его, попрежнему несвязаннаго, а только подъ конвоемъ двухъ специально приставленныхъ къ нему часовыхъ. Шестаковъ шелъ понуря голову, съ самодѣльной папироской въ зубахъ... Что онъ думалъ въ эту минуту—одному Богу извѣстно, но лицо его было грустно и мрачно... Можетъ быть онъ упрекалъ себя, что не послѣдовалъ примѣру товарища, можетъ быть, считая его убитымъ, былъ доволенъ своей выдержкой, можетъ быть, обдумывалъ планъ бѣгства?.. Кто знаетъ.

Ровно въ полночь спустился Муратовъ съ крыши и, незамѣченный никѣмъ изъ китайцевъ-хозяевъ, торопливо углубился въ горы. Прежде всего онъ пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ въ кустахъ была имъ запрятана его шашка, нашелъ ее, надѣлъ и только тогда пошелъ дальше. Тяжелый путь предстоялъ ему. Опасаясь измѣны китайцевъ, онъ рѣшилъ итти по ночамъ, ориентирясь по звѣздамъ и держа направленіе на востокъ, гдѣ онъ зналъ находится отрядъ генерала Миценко.

Забираясь днемъ въ непроходимые дебри, жуя отъ голода траву, Муратовъ только ночью выходилъ изъ своего логова и брелъ по горамъ, выбирая самыя дикія, безлюдныя тропинки. Обувь его скоро износилась и онъ, по его выраженію «обосовѣлъ». Израненныя камнями ноги точили кровь, отъ голода кружилась голова, силы быстро покидали его... Все чаще и

чаще приходилось ему ложиться, чтобы отдыхать, но, не смотря на все это, онъ настойчиво продолжалъ путь. Наконецъ, убѣдясь, что все равно и такъ и такъ ему грозитъ гибель, Муратовъ на четвертый день рѣшился зайти въ одну изъ встрѣтившихся ему на пути одинокихъ фанзъ и попросилъ китайцевъ накормить его. По счастью японцевъ вблизи не было, а на казака была пашка, слѣдовательно китайцу не было расчета быть вѣроломнымъ; онъ не только охотно накормилъ Муратова, но и объяснилъ ему куда ему идти, чтобы скорѣе встрѣтить русскихъ. Подкрѣпивъ свои силы ѣдой и захвативъ на дорогу кукурузную лепешку, Муратовъ двинулся дальше... Еще цѣлыхъ двое сутокъ шелъ Муратовъ по странѣ, занятой японцами, и только въ концѣ вторыхъ сутокъ вышелъ наконецъ къ Суяню, къ русской заставѣ... Тутъ силы измѣнили ему и онъ въ полномъ изнеможеніи упалъ на землю. (Эфте. «Нов. Вр.» № 10.215).

Развѣдчикъ Рогалевъ.

Молодецкій поступокъ Муратова не можетъ не возбуждать удивленія. Но еще больше удивленія вызываетъ поступокъ другого героя, казака 1-го Читинскаго полка Ивана Рогалева, который, будучи раненъ двумя пулями, сумѣлъ освободиться изъ плѣна, перерѣзавъ веревки, связывавшія его, убить часового его же собственнымъ ружьемъ и благополучно возвратиться обратно. Что-то легендарное, напоминающее подвиги нашихъ древне-русскихъ витязей, вѣетъ отъ разсказа этого героя, на видъ такого скромнаго и сѣренькаго. Подробности этого подвига со словъ самого Рогалева переданы въ «Нов. Времени» (№ 10.216) тѣмъ же корреспондентомъ Эфте, который сообщилъ и о подвигѣ Муратова.

Въ началѣ іюня 1904 г. отъ 6-ой сотни Читинскаго полка были посланы въ развѣдку четыре казака, въ томъ числѣ и Иванъ Рогалевъ. Тутъ умѣстно будетъ сказать, что Рогалевъ еще совсѣмъ молодой казакъ, только въ этомъ году принятый на службу.

Путь развѣдчиковъ лежалъ черезъ деревню Хашинтоу въ долину Хатугоу, занятую по слухамъ японцами.

Казаки шли пѣшими, по горамъ, выбирая самыя безлюдныя, дикія тропы. Скоро они замѣтили на склонѣ одной изъ горъ японскую заставу. Желая точнѣе провѣрить число и расположеніе враговъ, казаки легли на землю и поползли какъ змѣи, не производя ни малѣйшаго шума. Подползши шаговъ на 60, они хорошо увидѣли, что японцевъ человѣкъ 70 и кромѣ нихъ другихъ не имѣется. Удостоверившись въ этомъ, они стали медленно отползать, но одно неловкое движеніе, камень, сорвавшійся изъ-подъ ноги, и все пропало... Японцы всполошились, повскакали со своихъ мѣстъ и бросились во всѣ стороны... Не прошло и минуты, какъ непрошенныя гости были открыты, и по нимъ устроена правильная охота. Осыпаемые дождемъ пуль, казаки раздѣлились; трое, изъ которыхъ одинъ былъ раненъ, бросились назадъ, прыгая съ камня на камень подъ кручу, а четвертый Рогалевъ, получившій двѣ раны въ руку и въ бокъ, поползъ вправо, къ кустарникамъ, въ надеждѣ тамъ спрятаться. Доползши до кустовъ и залѣзши въ самую чащу, Рогалевъ снялъ рубаху и началъ разглядывать полученныя имъ раны, но въ эту минуту на него со всѣхъ сторонъ набросились японцы, сбили его съ ногъ, скрутили веревками по ногамъ и рукамъ и торжествующе понесли въ стоявшую неподалеку фанзу.

Истекая кровью, Рогалевъ и не думалъ сопротивляться.

— Видно помирать время приходить!—рѣшилъ онъ и ео стоицизмомъ русскаго человѣка покорился своей участи.

Однако умирать ему было не суждено.

Принеся Рогалева въ фанзу, одинъ изъ японцевъ, очевидно фельдшеръ, внимательно осмотрѣлъ его раны, и затѣмъ ловко и тщательно перевязалъ ихъ. Послѣ этого другой солдатъ принесъ чашку куринаго супа, очень вкусно приготовленнаго, и какую-то кисло-сладкую лепешку. Лепешка эта особенно понравилась Рогалеву, настолько понравилась, что онъ рѣшилъ попросить другую. Потому ли, что японцы его не поняли или у нихъ у самихъ была недостача этихъ лепешекъ, по другимъ ли какимъ соображеніямъ, но только второй лепешки Рогалевъ отъ нихъ не получилъ, а вмѣсто того японцы связали ему снова руки и ноги и, уложивъ на канъ, приставили къ нему китаецъ-караульщика.

Лежа на канѣ и чувствуя себя послѣ перевязки и сытнаго обѣда гораздо лучше, Рогалевъ сталъ подумывать, какъ бы ему удрать.

Постепенно началъ онъ осторожно пошевеливать руками, стараясь ослабить веревки, но караульщикъ-китаецъ скоро замѣтилъ это и, крикнувъ солдатъ-японцевъ, сообщилъ имъ о попыткѣ казака освободиться отъ своихъ путъ.

Извѣстіе это привело японцевъ въ ярость, съ громкими криками набросились они на Рогалева и, размахивая передъ его глазами кинжалами, служащими имъ штыками, стали угрожать ему смертью, если только онъ еще разъ сдѣлаетъ попытку развязываться.

Дѣлать нечего, пришлось покориться.

Такъ прошла ночь. На слѣдующій день японцы снова накормили Рогалева куринымъ супомъ и столь понравившейся ему лепешкой. Вообще Рогалевъ не могъ пожаловаться на обра-

шеніе съ нимъ японцевъ, оно было дружественное. Нѣсколько разъ то одинъ, то другой изъ японцевъ подходилъ къ нему и, добродушно скаля зубы, подсаживался къ нему на канъ и принимался болтать, но о чемъ, Рогалевъ не могъ понять, да очень и не интересовался, потому что все—одна ихъ глупость и ничего больше.

День клонился къ вечеру.

Вдругъ гдѣ-то загремѣли выстрѣлы. Японцы всполошились, похватали ружья, и скоро вся застава, всѣ 70 человекъ ушли въ цѣпь, гдѣ стрѣльба разгоралась все сильнѣй и сильнѣй. Передъ уходомъ они вынесли Рогалева изъ фанзы, положили на землю невдалекѣ отъ нея, причѣмъ оставшійся при немъ часовой длинной веревкой привязалъ его къ своей ногѣ.

Наступила ночь. Стрѣльба стихла. Рогалевъ лежалъ, и сердце его учащенно билось... Русскіе выстрѣлы напомнили ему съ особой живостью то, что онъ утратилъ... Вспомнилъ онъ свою станицу, вспомнилъ товарищей, оставленныхъ имъ въ полку, вспомнилъ вольную волюшку, и нестерпимое желаніе уйти, избавиться отъ ненавистнаго плѣна охватило душу казака.

Онъ осторожно повернулъ голову и посмотрѣлъ на своего часового. О, радость, японецъ, отложивъ ружье въ сторону, лежалъ свернувшись калачикомъ и крѣпко спалъ, подложивъ подъ голову свою руку.

— Вотъ такъ часовой! Спать!!—удивился Рогалевъ.

Желая убѣдиться, на сколько крѣпко сонъ его сторожа, Рогалевъ осторожно дернулъ веревку, которой былъ привязанъ къ ногѣ часового. Тотъ не пошевелился. Тогда Рогалевъ, не теряя минуты, энергично заработалъ руками, возможность близкой свободы придавала ему силы; онъ забылъ боль въ раненой рукѣ, забылъ слабость, помнилъ только одно, что если

освободиться, то только теперь или никогда... Ужась долгаго плѣна, страхъ передъ неизвѣстнымъ будущимъ въ чужой, басурманской странѣ сдѣлали то, что казалось невозможнымъ... Рогалевъ натужился, напрягая и сдирая кожу съ рукъ, сорвалъ веревки. Но это пока еще поль-дѣла... Надо развязать ноги. Раненая рука плохо слушается, нестерпимая боль туманить голову, но страстная жажда свободы все побѣждаетъ... Еще минута-другая и Рогалевъ свободенъ... Въ эту минуту японецъ во снѣ что-то невнятно пробормоталъ, вздохнулъ и медленно перевернулся на спину. Рогалевъ трепетно замеръ. Прошла минута-другая тягостнаго ожиданія, японецъ попрежнему спитъ крѣпкимъ, непробуднымъ сномъ.

Видно здорово умурился за день...

Осторожно, беззвучно поползъ Рогалевъ къ часовому и слегка толкнулъ его кулакомъ въ бокъ, японецъ не откликнулся. Рогалевъ вторично толкнулъ, посильнѣе, тотъ же результатъ... Только храпѣть сталъ сильнѣе.

— Ишь дрыхнетъ, чортъ проклятый—съ неожиданно проснувшейся злобой подумалъ Рогалевъ,—ну, постой же, я тебя...

Быстро подымается казакъ на ноги, еще быстрѣе хватается положенное подлѣ часоваго ружье его, съ примкнутымъ къ дулу кинжаломъ, высоко заноситъ надъ головой и со всего размаха глубоко погружаетъ въ грудь спящаго врага. На диво отточенный кинжалъ проникаетъ въ тѣло, какъ «въ масло»...

Отбросивъ ружье, Рогалевъ, не оглядываясь, пустился бѣжать, думая только объ одномъ, чтобы какъ-нибудь не сбиться съ пути и не наткнуться на японцевъ... Что-то безумное было въ этомъ бѣгѣ, что-то сверхъестественное. Раненый двумя пулями, обезсиленный потерей крови и пережитыми впечатлѣнiями, Рогалевъ точно вдохнулъ въ себя невѣдомо откуда

взявшійся притокъ свѣжихъ силъ, и силы эти какъ на крыльяхъ несли его, заставляя забывать его и не чувствовать ни боли, ни усталости.

— Стой, кто идетъ?—раздается грозный окликъ и на встрѣчу изъ чащи кустовъ выходитъ бородатый казакъ-часовой.

— Свой, братцы, свой!—не своимъ голосомъ кричить Рогалевъ и, мгновенно теряя сознание, какъ подкошенный падаетъ къ ногамъ невольно удивленного и опѣшеннаго такой неожиданностью товарища-однополченца.

Черезъ часъ Рогалевъ, успокоенный и обласканный генераломъ Мищенко, уже лежалъ на наскоро устроенной изъ всего, что попало, мягкой постели, безконечно счастливый, что онъ опять среди своихъ, опять на всей полной вольной-волюшкѣ. А тамъ, далеко на горѣ, ошеломленные японцы испуганнымъ стадомъ толпились около убитаго товарища, не понимая, какъ могъ связанный по рукамъ и ногамъ, ослабѣвшій отъ потери крови казакъ отнять у здороваго ихъ солдата его ружье и имъ же заколотъ его, заколотъ и убѣжать.

Если японцы вѣрятъ въ чорта, то навѣрно они въ этомъ случаѣ не преминули заподозрить участіе врага рода человѣческаго.

Только это одно и могло послужить имъ нѣкоторымъ утѣшеніемъ.

Въ плѣну у японцевъ.

(Разсказъ казака 1 сотни Аргунскаго полка Боровскаго).

— Былъ, значить, я съ братаномъ въ дозорныхъ отъ разъѣзда, что отъ сотни его высокоблагородія есаула Энгельгардта шелъ... Шли сопками и вдругъ лѣсомъ видимъ: японецъ на насъ бѣжить. Много его, цѣлая рота. Повернули мы на-

задь, они стрѣлять начали. Товарищъ мой ускакалъ, а подо мною коня убили. И конь такой добрый былъ, большія деньги плочены за него. Ну, я побѣжалъ пѣшій, схоронился въ кустахъ. Жду—выглядываю, что онъ дѣлать будетъ.

Онъ, значить, это цѣпь густую распустилъ и надвигается на меня. А сзади у него конные. Вижу—нѣтъ выхода. Вотъ это я винтовку, пашку и патроны, значить, снялъ и схоронилъ подъ камнями, а самъ всталъ и вышелъ къ ему; иду тихо. Они загалдѣли, схватили меня, закружили, веревку къ рукѣ навязали, шумять — рады, значить, что русскаго чело-вѣка въ плѣнъ захватили. Повели меня подъ гору и такъ версты двѣ, не болѣе того, прошли, стали мнѣ глаза завязывать и повели, какъ слѣпца, въ свой лагерь. Тамъ слышно у нихъ говоръ большой, много народа собрано... Однако привели меня на самый край, посадили спиной къ бивуаку и привязали меня веревкой, словно собаку, къ колесу телѣги. Часовой сталъ—маленькій такой, щуплый, не стоящій чело-вѣкъ.

— Однако, прошло немного времени, приходитъ ко мнѣ солдатъ ихній и начинаетъ со мною говорить по-русски. Хорошо такъ, складно говорить.

— Ты,—спрашиваетъ меня японецъ,—кто такой будешь?

— Казакъ,—отвѣчаю я.

— Ладно, — говоритъ японецъ, — а гдѣ твое ружье и пашка?

— Про то, говорю, я не знаю, — такъ ходилъ, заблудился въ лѣсу, а винтовки у меня и не было.

— Это, говоритъ, ты врешь.

— Однако, говорю я ему, чтобы оттянуть разговоръ, который былъ промежъ насъ, — гдѣ ты, милый чело-вѣкъ, научился такъ шибко и хорошо по-русски говорить?

— Я, говорить, во Владивостокъ былъ.

— Бойкой (на Дальнемъ Востокъ такъ зовуть туземныхъ слугъ)—вѣрно служилъ?

— Это, говорить, не твое дѣло, казакъ,—и такъ видно стало мнѣ, что онъ на мои слова осерчалъ мало-мало.

Тутъ подошли господа офицеры ихніе такъ чисто, исправно одѣтые, при сабляхъ, и стали говорить своему солдату что-то, а онъ мнѣ переводить.

— Скажи, говорить, добромъ, гдѣ твое ружье и шашка?

— Я отвѣчаю—не знаю, молъ, что вы такое спрашиваете, не было у меня ни ружья, ни шашки. И сталъ я запираться. Или вовсе молчу, или такъ зря болтаю. Покрутились, покрутились они такъ подлѣ и ушли... Остался я одинъ. Ъсть мнѣ ничего не даютъ, голодъ осиливаетъ, а какъ уйти—этого не знаю. Часовой тутъ сидитъ подлѣ и не дремлетъ. Стало вечерѣть. Опять пришелъ тотъ же солдатъ, что по-русски говорилъ:

— Ну что, гвворить, казакъ, надумалъ сказать намъ, гдѣ спряталъ винтовку и шашку?

Я молчу. Подошли къ переводчику ихъ еще солдаты и съ ними какъ-бы унтеръ-офицеръ ихній.

— Сознавайся, а то, говорить, шибко плохо тебѣ будетъ. Будемъ пытать.

Призвалъ я на себя милосердіе Божіе, вспомнилъ великихъ мучениковъ Господнихъ и говорю—пытайте же, я вотъ военно-плѣнный, на все воля ваша. Видно мнѣ стало, что они ожесточились на меня за мое упорство. Былъ у нихъ маленькій солдатишко, надо полагать, барабанщикъ ихній, юркій такой мальчишка, вотъ онъ сейчасъ смотался къ своему ранцу и принесъ такіе тупые крючечки и маленькій молоточекъ.

— Ну, говорить бойка, послѣдній разъ тебя спрашиваю, гдѣ ружье и сабля?

Я молчу. Надоѣли они мнѣ въ тѣ поры, ваше благородіе, просто словъ нѣтъ. Думаю, только-бы отвязались.

— Ну, хорошо, говорить бойка, мало-мало пытатъ тебя будемъ—и такъ шибко по-русски выругался—видно это дѣло тонко изучилъ. И вотъ стали они, ваше благородіе, мнѣ эти тупые крючечки подъ ногти загонять. Загонять, а потомъ еще молоточкомъ сверху пристукнуть, чтобы больнѣе стало. Больно; однако, терпѣть можно. Помучатъ, помучатъ и спрашиваютъ: ну что, молъ, скажешь, гдѣ винтовка и шашка? А я молчу. Подателю силъ молюсь, чтобы помогъ мнѣ дотерпѣть до конца—такъ какъ сказано въ Писаніи—«претерпѣвый до конца—той спасенъ будетъ».

Потомъ стали они, ваше благородіе, тупымъ ножичкомъ ладонь мнѣ рѣзать—порѣзали немного и бросили—видно самимъ надоѣло...

Настала между тѣмъ ночь. Японецъ разошелся по фанзамъ. Часовой сидѣлъ подлѣ, бѣжать невозможно. А голодъ меня шибко мучить, потому что въ этотъ день, какъ мы очень рано выступили, ни чаевать мнѣ не пришлось, ни поѣсть ничего не припало.

На утро задремалъ я маленько, потомъ проснулся, пришелъ опять бойка, офицеры ихніе, и опять меня спрашивали, а я теперь все молчалъ—тупость на меня напала какая-то. Сняли они съ меня рубаху и штаны, оставили въ одномъ бѣльѣ. Ъсть опять за цѣлый день ничего не давали, да такъ замѣтилъ я, что и сами они не шибко много чего ѣли. Опять меня мало-мало пытали, но дѣлали это больше шуткой, будто пугали только и все спрашивали про винтовку и шашку, а

и молчалъ и какъ песъ голодный сидѣлъ на веревкѣ. Въ эту ночь я бѣжалъ...

— Какъ же ты бѣжалъ? — спросилъ кто-то изъ насъ.

— Да такъ, ваше благородіе, часовой ихъ, что сторожилъ меня, мало-мало уснулъ. Я попробовалъ, значить, крѣпки-ли японскія веревки, потянулъ ихъ, а узелъ, значить, и подался, видно Господь милосердный услышалъ мои молитвы. Вышелъ я тихонько изъ лагеря и пошелъ въ горы. Поднялся я на сопку, тутъ луна ярко, такъ хорошо свѣтила, я это мѣсто и опозналъ, гдѣ винтовку и шашку схоронилъ и вотъ направился я туда, отыскалъ ихъ подъ камнями и пошелъ горами на западъ, потому что мы то, значить, съ западнаго края шли. Поутру спустился въ китайскую деревушку. Китайцы приняли меня ласково, дали мнѣ поѣсть, чаемъ напоили и, такъ какъ я былъ въ одномъ нижнемъ бѣлѣ, то попросилъ я, чтобы они дали мнѣ во что одѣться. Дали они мнѣ синюю курму и штаны ихніе. Одѣлся я, обогрѣлся немного и спрашиваю у нихъ, гдѣ русскіе. Китаецъ мнѣ объясняетъ, что у насъ тутъ было сраженіе и, что русскіе ушли на Саймацзы, и проводили меня на большую дорогу. Цѣлый день я шелъ по ней и такъ уже въ послѣобѣденное время дошелъ до нашихъ постовъ. Часовой окликнулъ меня по-русски — я такъ обрадовался, явился дежурному, рассказалъ, какъ дѣло было. Докторъ руки мои осмотрѣлъ... Ну только они теперь совсѣмъ не болятъ, и думаю я такъ, что японцы меня не въ серьезъ пытали, а больше страшали, думали, что я укажу имъ, гдѣ спрятана винтовка... («Годъ войны» П. Краснова, том. I. изд. Дм. Дубенскаго).

Въ дозорѣ.

«Есаулъ Арсеньевъ сдѣлалъ расчетъ людямъ, отдѣлилъ коноводовъ, и они подъ командой сотника Хвошинскаго отошли на версту, приблизительно, назадъ. Мы-же со спѣшенными казаками полѣзли на верхъ къ перевалу и заняли командующую высоту, спрятавшись по эту сторону горы, и лишь два казака легли на самой вершинѣ вмѣстѣ съ нами, чтобы наблюдать за врагомъ. Передъ нами впереди раскинулась долина, сдавленная съ боковъ высокими горами. Ясно и отчетливо въ какой-нибудь полуверстѣ намъ виденъ былъ японскій бивуакъ крупной воинской части. Нервы наши были напряжены до послѣдней возможности. Что-то задумываетъ врагъ, какія его мысли, не намѣренъ-ли онъ произвести ночного нападенія? Въдъ наша задача была очень отвѣтственна; мы были здѣсь, чтобы дать возможность цѣлому отряду отдохнуть и спать спокойно, мы были его ушами и глазами. Зорко приходилось слѣдить за каждымъ движеніемъ врага, чтобы ни на минутку не отвлечься отъ него и, такимъ образомъ, не позволить напасть врасплохъ.

До насъ донеслись гдѣ-то лѣвѣе, но недалеко, громкое «ура! ура! ура!». «Неужели это наши гдѣ-нибудь сошлись въ штыки?—шепотомъ спросилъ я. «Не можетъ быть!» — услышалъ я такой-же тихій отвѣтъ. Стали вглядываться въ ночную мглу, и, дѣйствительно, оказалось, что въ штыки никто не сходится. Это японцы кричали наше «ура» и что-то старательно копошились на горахъ.

Скоро вполне опредѣлилось, въ чемъ дѣло—японцы втащивали на позицію орудіе, но такъ и осталось покрытымъ мракомъ неизвѣстности, зачѣмъ они измѣнили своему національному крику «банзай» для нашего «ура»; не хотѣли ли

они обмануть насъ и заставить подумать, что это работаютъ свои? Но нѣтъ, это имъ не удалось-бы. Это было не могущественное, воодушевленное русское «ура!», какъ умѣютъ его кричать только нашъ старый труженикъ-солдатъ. Это не то «ура», которое заставляетъ трепетать врага, въ которомъ столько мощи, столько неудержимой желѣзной силы.

Томительно долго тянулась эта тревожная, безсонная ночь, глаза ломило, и начинала болѣть голова отъ этого пытливаго взглядыванія въ пространство и ожиданія нападенія. Но вотъ посвѣжѣло, туманъ началъ окутывать горы, и пронизывающая сырость пробирала до костей.

Близко утро, слава Богу... но вотъ тутъ-то и начинается настоящая работа; скоро начнется, по всей вѣроятности, наступленіе японцевъ. Все свѣтлѣе и свѣтлѣе.

Уже можно различить дорогу на перевалъ.

«Смотри, идутъ» — шепотомъ проговорилъ сотенный командиръ.

По дорогѣ на перевалъ дѣйствительно надвигались японцы большою колонной.

«Ваше высокоблагородіе, ишь ты ихъ сколько повысыпало, черно стало, ровно какъ грязь!» — замѣтилъ рядомъ лежащій казакъ. Ихъ, правда, было много, не менѣе бригады пѣхоты.

Мы продолжали наши наблюденія, какъ вдругъ замѣтили: на сопкахъ справа и слѣва отъ насъ по самому гребню высypало тоже изрядное количество японцевъ.

Они, видимо, хотѣли насъ охватить со всѣхъ сторонъ и все шли и шли, загибая кругъ своимъ правымъ флангомъ, сжимая понемногу своею цѣпью, видимо — стараясь захватить нашу горетку казаковъ въ свой желѣзный кругъ. «Отведи, пожалуйста, людей назадъ, я останусь здѣсь съ 3-мя казаками», — приказалъ мнѣ сотенный командиръ. Я долженъ былъ

это исполнить, но отошелъ всего на 100 шаговъ, спрятался за сопку, чтобы въ каждый данный моментъ имѣть возможность поддержать его.

Когда онъ присоединился къ намъ, то немедленно, гдѣ по пади, гдѣ по сопкамъ, по долинамъ мы отходили, ни на минутку не теряя связи съ противникомъ и, конечно, все время посылая донесенія. Это была травля за нами: мы были звѣремъ, котораго преслѣдовали по пятамъ, выражаясь охотничьимъ языкомъ — гнали японцы по зрячему. Я поражаюсь прямо ихъ способностью передвигаться по горамъ: они лазали какъ козы, быстро и спокойно вмѣстѣ съ тѣмъ; они торопились, видимо, желая, во что бы то ни стало не выпустить насъ. Но увы, судьба намъ улыбнулась: мы вывернулись изъ рукъ, не потерявъ ни единого человѣка. Дошли до коноводовъ сѣли на коней и рысью отошли назадъ.

(„Харб. Вѣстн.“).

Какъ японцы пытали нашего казака.

«Въ Самайдзы прибылъ казакъ, переодѣтый китайцемъ, въ сопровожденіи старика, который помогъ ему спастись. Нѣсколько дней тому назадъ казакъ попалъ въ плѣнъ, но, уже окруженный врагами, успѣлъ спрятать ружье, патроны и шашку, а короткій ножъ—въ поясъ.

«Приведенный на допросъ къ японскому офицеру, онъ отказался дать какія бы то ни было свѣдѣнія. Офицеръ поѣхалъ своей дорогой, а продолженіе допроса предоставилъ переводчику.

«Этотъ послѣдній прибѣгъ къ пыткамъ. Руки были изрѣзаны, особенно же досталось ногтямъ, которые частью были почти совершенно сорваны съ пальцевъ. Въ концѣ концовъ пришлось,

однако, оставить и эту попытку вымучить какія-нибудь свѣдѣнія, и японцы покинули казака, связаннаго по рукамъ и ногамъ, подъ карауломъ двухъ часовыхъ.

«Ночью пошелъ дождь. Одинъ часовой забрался подъ повозку, другой прилежъ у костра и заснулъ. Казакъ воспользовался этимъ случаемъ, ухитрился добыть ножъ изъ пояса, перерѣзалъ веревки и выбрался за линію охраненія.

«Первымъ дѣломъ онъ розыскалъ свое оружіе и затѣмъ отправился на розыски своей сотни. Истомленный потерю крови и голодомъ—японцы не подумали накормить его, ограничившись ничтожнымъ количествомъ риса—казакъ тѣмъ не менѣе на слѣдующій день добрался до китайскаго селенія въ надеждѣ получить помощь. Мужчины отказались, но женщины помогли,—перевязали раны и накормили; потомъ одинъ старикъ взялся показать ему дорогу.

«Въ награду старикъ получилъ 50 рублей отъ подполковника Квитко и 20 рублей отъ лица неизвѣстнаго. Старика оставили пока здѣсь, опасаясь мести со стороны китайцевъ за то, что онъ помогъ русскому.

(„Бир. Вѣд.“ 26 Іюня 1904 г.).

Мостъ взорвали.

Подъ командою офицера Путинцева былъ совершенъ лихой набѣгъ на японскія позиціи съ цѣлью взорвать желѣзнодорожный мостъ.

Команда сняла часовыхъ и уже проникла въ черту японскаго лагеря.

Отрядъ снова двинулся впередъ. Еще нѣсколько сажень,—и громадное желѣзное чудовище было все на виду. Часовой,

низенького роста въ кэпи съ желтымъ околышемъ стоялъ, прижавшись плечами къ столбу, и смотрѣлъ на сѣро-желтыя гребни волнъ. По всему видно было, что онъ считалъ себя въ безопасности и не придавалъ серьезнаго значенія своему посту. Да и на самомъ дѣлѣ, кто сюда проберется, развѣ птица, а русскіе летать еще не научились, впереди нѣсколько цѣпей часовыхъ, дозоры, внутри разъѣзды и караулы, сзади и съ боковъ окопы, цѣпи, траншеи, ложементы; самъ злой духъ, и тотъ не сразу проберется.

А злой духъ въ образѣ пластуна уже подкрадывался. Не успѣлъ онъ открыть ротъ, чтобы крикнуть, какъ тяжелая, желѣзная рука сжала ему горло тисками. Взмахнувъ нѣсколько разъ руками, онъ беззвучно опустился на землю. Пластунъ всталъ, подошли и остальные. Путинцевъ похвалилъ вполголоса уральца и освѣтилъ потайнымъ фонаремъ мѣсто работы.

Закипѣло лихорадочное, спѣшное дѣло. Работали тихо, осторожно, избѣгая малѣйшаго шума. Ковыряли ножами въ твердомъ, въ мягкомъ работали лопатами, встрѣчавшіеся камни вынимали осторожно руками и клали въ сторону. Путинцевъ копалъ безъ отдыха, слипшіеся отъ пота волосы торчали изъ-подъ фуражки во все стороны. Курить хотѣлось до истомы. Работа быстро близилась къ концу, — уже докопались до большого четырехугольнаго камня, который надо было вынуть.

А лагерь враговъ безмолвствовалъ; костры, догорая, сыпали искры, взвиваясь къ небу лиловыми струйками. Мелькали вдали конные разъѣзды, изрѣдка раздавались окрики часовыхъ, и снова все замирало. Измученные нравственно и физически, казаки выбивались изъ послѣднихъ силъ, — страшно тяжелый четырехугольный камень подорвалъ при подъемѣ послѣднія

силы. А неумолимое время бѣжало и бѣжало. До луны осталось не болѣе часа, а при ней все погибло.

Путинцевъ не подгонялъ работающихъ, это было излишне, всякій изъ нихъ понималъ, что его ожидаетъ въ случаѣ поминки, и работалъ на столько, на сколько хватало силъ.

Рыть перестали и теперь въ получившееся пустое мѣсто закладывали длинные бѣлые свертки, которые раньше были разсованы у каждаго казака по карманамъ, размотали электрическій проводникъ и заделали дыру.

Съ другого берега послышался окрикъ часового и сиротливо замеръ вдали. Путинцевъ, а за нимъ вся команда вздрогнули: всѣмъ стало ясно, что часовой съ того берега окликаетъ товарища на этомъ концѣ. «Все пропало!». Не успѣла эта мысль промелькнуть въ головѣ, какъ съ ихняго берега пронесся хрипло-гортанный отвѣтный окрикъ. Пораженные какъ громомъ, всѣ остолбенѣли, а въ сторонѣ, улыбаясь во весь ротъ, стоялъ пластунъ: всѣ поняли, чей это былъ крикъ, и успокоились. Успокоился и часовой на той сторонѣ. Теперь вся задача заключалась въ томъ, чтобы, пройдя возможно дальше впередъ ближе къ своему лагерю, сдѣлать взрывъ и спастись уже, какъ кто сумѣетъ. До первой цѣпи чуть не бѣжали, потомъ пошли все тише и тише, стараясь держаться по старому пути. На небѣ показалось дымчато-бѣлое пятно — признакъ скорого появленія луны. Съ радостно бьющимся сердцемъ возвращались молодцы, гордясь въ душѣ трудностью совершеннаго ими подвига, съ каждымъ шагомъ приближаясь къ роднымъ палаткамъ, чуть видѣвшимся въ черной мглѣ. Стали подходить къ снятому во второй цѣпи часовому. Только пройти это мѣсто, и электрическая искра съ быстротой молніи понесется навадъ — къ желѣзному чудовищу, и страшный взрывъ разбросаетъ его мощные члены, какъ щепки!

Вдругъ всѣ, какъ по командѣ, остановились. Вдоль второй сторожевой цѣпи, къ мѣсту снятаго часового, быстро приближалась смѣна изъ 10—12 японцевъ. Путинцевъ весь обратился въ зрѣніе; правая рука нервно сжала проводникъ. Подойдя къ мѣсту, гдѣ долженъ былъ находиться часовой и не найдя его, японцы стали окликать. Вдругъ одинъ изъ нихъ нагнулся. Послышался рѣзкій крикъ испуга; на крикъ сбѣжались остальные, и вдругъ ночную тишину пронизали рокошующіе выстрѣлы.

— Спасайся, ребята?—шепнулъ казакамъ Путинцевъ и нажалъ проводникъ.

Страшный, ужасающій взрывъ покрылъ собою все вокругъ, дрогнула земля и словно ослѣла. Пораженные ужасомъ, какъ безумные, заметались по сторонамъ японцы.

Путинцевъ и вся команда мчались впередъ; мѣшавшія бѣгу лопаты и кирки были брошены, въ рукахъ блестѣли револьверы и кинжалы. Попадавшіе навстрѣчу обезумѣвшіе отъ страха враги падали подъ ударами казаковъ.

Наконецъ, японцы поняли истину и стали посылать залпы въ спину бѣжавшимъ. Послышалась погоня, мимо Путинцева пронеслись двѣ яростно рычавшія собаки, и одна изъ нихъ впила зубами въ ногу передняго казака. Путинцевъ услышалъ крикъ и глухой ударъ по чему-то мягкому, послѣ котораго раздался протяжный, жалобный вой. Вдругъ стороною пронеслись нѣсколько человѣкъ на лошадяхъ. Послышались гортанные крики.

Измученные, запыхавшіеся, они уже не бѣжали, а шли ускореннымъ шагомъ; ноги ихъ заплетались, подкашивались и то и дѣло спотыкались въ темнотѣ о камни. А свои были все ближе и ближе. Въ цѣпи не стрѣляли, боясь попасть въ своихъ. Стукъ лошадиныхъ копытъ прекратился совсѣмъ; видимо, преслѣдователи прислушивались. Раненая собака виз-

жала около солдатъ, открывая своимъ воємъ мѣсто ихъ нахожденія. Луна медленно выходила изъ-за тучъ, бросая по сторонамъ матовые лучи свѣта; одинъ изъ нихъ освѣтилъ бѣглецовъ, и тѣ бросились къ виднѣвшимся не болѣе какъ въ ста шагахъ окопамъ. Наперерѣзъ имъ понеслись японскіе гусары, стрѣляя насакау изъ револьверовъ. Свирѣпыя крики «банзай» смѣшались съ топотомъ копытъ.

Путинцевъ и казаки перекрестились. Вдругъ изъ окоповъ съ громовымъ «ура» ураганомъ понеслась навстрѣчу японцамъ казацкая полусотня.

Путинцева подхватили подъ руки выскочившіе изъ окоповъ стрѣлки, онъ былъ раненъ въ ногу на-вылетъ и въ плечо. Изъ пяти солдатъ двое были убиты, остальные довольно легко ранены.

Путинцевъ вернулъ потерянное. Казаки были награждены георгіями и лично отъ начальника отряда получили денежные награды.

(„Русскій Лист.“).

Казакъ Елена Михайловна Смолко.

«Михаилъ Николаевичъ Смолко, казакъ 3-й сотни 2-го Нерчинскаго полка».

Михаилъ Николаевичъ Смолко, болѣе извѣстный среди офицеровъ и солдатъ подъ прозвищемъ «Миши-переводчика», не кто иная, какъ молодая, двадцати съ небольшимъ лѣтъ женщина, и настоящее ея имя Елена Михайловна Смолко. Четыре неприяТЕЛЬскія раны огнестрѣльнымъ и холоднымъ оружіемъ лучшее доказательство ея боевыхъ заслугъ, о которыхъ время отъ времени сообщалось въ повременной печати, въ корреспонден-

денціяхъ съ театра военныхъ дѣйствій (см. «Русскій Инвалидъ», кор. П. Краснова). Знающая прекрасно китайскій языкъ, Смолко приноситъ также большую пользу нашимъ войскамъ при сношеніяхъ ихъ съ мѣстнымъ китайскимъ населеніемъ. Въ предлагаемой замѣткѣ мы, со словъ самой Е. М. Смолко, познакомимъ читателей съ краткими біографическими свѣдѣніями этой незаурядной личности.

Родилась Елена Михайловна Смолко въ зажиточной караимской семьѣ, причемъ отецъ ея, «николаевскій» солдатъ, прослужившій 25 лѣтъ въ рядахъ войска, умеръ только въ февралѣ мѣсяцѣ 1904 г., 80 лѣтъ отъ роду. Въ настоящее время у Елены Михайловны жива мать, старуха 60 лѣтъ, и есть сестра, 17-лѣтняя дѣвушка. Семья живетъ въ Никольско-Уссурийскомъ, но на Елену Михайловну смотреть крайне недружелюбно, считая ее чужою за перемѣну исповѣдуемой въ семьѣ караимской вѣры.

Съ самыхъ юныхъ лѣтъ Елена Михайловна была представлена самой себѣ. У нея была нянька-китаянка, отъ которой Смолко научилась китайскому языку, по ея словамъ, съ 3-лѣтняго возраста. Шестнадцати лѣтъ Елена Михайловна по убѣжденію принимаетъ православіе, и тутъ происходитъ разрывъ ея съ семьей. Неудавшееся замужество, кончившееся разводомъ черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы, удары судьбы, щедро посылаемые одинъ за другимъ, все это, Богъ знаетъ, чѣмъ могло бы кончиться, если бы живая, подвижная натура Елены Михайловны не нашла себѣ выхода въ боевой дѣятельности во время вспыхнувшаго возстанія въ Китаѣ въ 1900 году. Въ концѣ этого года, послѣ многихъ хлопотъ Смолко поступаетъ на службу переводчикомъ китайскаго языка въ Амурскій казачій полкъ. Въ нѣсколькихъ бояхъ она проявляетъ рѣдкое хладнокровіе и храбрость, а въ одной изъ стычекъ въ руко-

пашномъ бою ее ранить хунхузъ штыкомъ въ шею. Однажды хунхузы задумали напасть врасплохъ на русскихъ, въ числѣ которыхъ была Смолко, и замыселъ ихъ удался бы, если бы Елена Михайловна, узнавъ объ этомъ во-время отъ одного китаецъ-католика, не предупредила своихъ, приготовившихся достойнымъ образомъ встрѣтить противника. За это «переводчикъ» Смолко получилъ благодарность въ приказѣ, а отъ командира полка, полковника Печенкина, ей была подарена серебряная шпага съ надписью «за храбрость». Елена Михайловна Смолко имѣетъ серебряную медаль за походъ въ Китай въ 1900—1901 годахъ.

Съ началомъ русско-японской войны Е. М. Смолко подала прошеніе о принятіи ея на военную службу и лично обращалась во Владивостокъ къ военному губернатору ген.-м. Колюбакину, но ей, какъ женщинѣ, было отказано. Тогда Елена Михайловна добирается до Харбина и здѣсь является къ временно-командовавшему войсками, генералу Волкову, отъ котораго получаетъ предложеніе остаться при немъ переводчикомъ. Но ей хочется, во чтобы то ни стало, попасть скорѣе на театръ военныхъ дѣйствій и она, вмѣсто спокойной жизни въ тылу арміи, рвется всѣми силами туда. Тогда былъ уже запрещенъ проѣздъ женщинамъ въ штабъ арміи, но запрещеніе это не могло остановить ее, полную энергіи и страстнаго желанія быть и работать подъ огнемъ непріятеля. Переодѣвшись мужчиной, въ товарномъ вагонѣ, тщательно скрывая свое инкогнито, добралась она до Ляояна. Здѣсь, наконецъ она достигаетъ желаемого и сразу же ѣдетъ на развѣдку съ 20-ю казаками, подъ командой подбесаула Вишнякова. Развѣдка эта сопровождалась труднымъ походомъ, и съ перваго же раза Елена Михайловна принесла здѣсь громадную пользу. Когда развѣздъ достигъ города Кондинсяна, мѣстный фудутунъ, сторонникъ

японцевъ, тайно далъ знать имъ о прибытіи русскихъ. Японцы въ большихъ силахъ находились невдалекѣ, и русскій развѣздъ погибъ бы, если бы Смолко, узнавъ о грозящей опасности, не выручила своихъ, опять, какъ и въ китайскую кампанію, во-время предупредивъ объ этомъ. Нашимъ едва удалось уйти, потерявъ въ стычкѣ въ воротахъ города убитымъ казака Соснина. Кромѣ того одинъ казакъ былъ раненъ. Елена Михайловна Смолко была зачислена кавалеристомъ-развѣдчикомъ въ 3-ю сотню 2-го Нерчинскаго полка и тутъ участвовала въ бояхъ подъ Лун-ваномъ и Дан-ваномъ. Затѣмъ въ глубокой развѣдкѣ, въ которой принималъ участіе братъ сербскаго короля, князь Карагеоргіевичъ, Елена Михайловна была ранена въ бою близъ селенія Фундяпузы въ грудь пулей. За боевыя отличія Е. М. Смолко нѣсколько разъ была представлена къ наградѣ за храбрость. Была она одно время въ отрядѣ генерала Мищенко, а также у генерала Ренненкампафа. Въ настоящее время Елена Михайловна Смолко состоитъ переводчикомъ въ Чембарскомъ пѣхотномъ полку, изъ рядовъ котораго вышелъ безсмертный герой-патріотъ Василій Рябовъ.

(*Полуярославцевъ. „Нов. Вр.“*).

Поискъ на д. Чжань-Тань.

Въ половинѣ сентября охраненіе и развѣдываніе на крайнемъ правомъ флангѣ нашей арміи, въ пространствѣ между рѣками Хуньхэ и Ляо-хэ, было возложено на конный отрядъ полковника Плаутина, состоявшій изъ командуемаго имъ Терско-Кубанскаго коннаго полка и баталіона 215-го пѣхотнаго Бузулукскаго полка. Отрядъ этотъ былъ выдвинутъ впередъ на 20 верстъ въ д. Падіентай, на правомъ берегу р. Хун-хэ.

Японская кавалерія въ это время стала обнаруживать не-
свойственную ей предприимчивость, и ея разъѣзды зачастую до-
ходили до нашихъ заставъ. Мѣстность между рѣками Хунь-хэ
и Ляо-хэ представляетъ собою плоскую равнину, весьма удоб-
ную для дѣйствія конницы. Противъ нашего небольшого отряда
мы имѣли, какъ выяснилось впоследствии, цѣлую японскую
конную бригаду съ придачей небольшихъ частей пѣхоты.

Терско-Кубанскій конный полкъ, какъ извѣстно, сформиро-
ванъ изъ туземныхъ жителей передняго Кавказа — кабардин-
цевъ, осетинъ, ингушей и другихъ племенъ, съ придачей не-
большого кадра изъ казаковъ-урядниковъ Терскаго и Кубанскаго
войска. Храбрые, прекрасные наѣзники, сидящіе на прекрас-
ныхъ, сухихъ и кровныхъ кабардинцахъ, предводимые нашими
лучшими офицерами гвардейской и армейской кавалеріи, всад-
ники Терско-Кубанскаго полка представляли собой незамѣни-
мый матеріалъ для лихихъ набѣговъ, поисковъ и развѣдки.

23-го сентября командующій коннымъ отрядомъ, согласно
полученнымъ свыше инструкціямъ, рѣшилъ выслать сильный
разъѣздъ, съ цѣлью занятія большой торговой деревни Чжань-
Тань, расположенной на правомъ берегу р. Хунь-хэ, гдѣ рѣка
эта дѣлаетъ большую излучину. По свѣдѣніямъ, добытымъ
нашими разъѣздами, а также и доставленнымъ китайцами-ла-
зутчиками, дер. Чжань-Тань состояла изъ 600—700 дворовъ,
обнесенныхъ высокими глинобитными стѣнами и глубокими
рвами.

Входы въ деревню перекопаны. Сама деревня была занята
японской кавалерійской заставой человекъ въ 50, съ придачей
такого же числа пѣхотинцевъ. Въ $3\frac{1}{2}$ верстахъ на западъ
на лѣвомъ берегу рѣки въ дер. Сан-де-пу находился японскій
отрядъ въ $3\frac{1}{2}$ тысячи пѣхоты съ артиллеріей и кавалеріей.
Въ 4—5 верстахъ на юго-западъ всѣ ближайшія деревни были

заняты японскими эскадронами. Дер. Чжань-Тань находилась въ 20-ти верстахъ отъ нашихъ передовыхъ конныхъ частей, близъ нея находилась пристань для торговыхъ шаландъ и удобное мѣсто для переправы войскъ. Японцы видимо старались собрать здѣсь большое количество шаландъ съ цѣлью устроить на нихъ переправу.

Въ разѣздъ была назначена 4-я (кабардинская) сотня и команда охотниковъ 215-го пѣхотнаго Бузулукскаго полка при офицерахъ: генеральнаго штаба капитанъ С., командиръ сотни есаулъ К., его двухъ младшихъ офицерахъ и начальникъ охотничьей команды. Смѣна сотни въ д. Чжань-Тань была обѣщана только на слѣдующій день.

18-го сентября съ разсвѣтомъ выступили охотники, а въ 8 часовъ утра двинулась и сотня. Утро было сырое и туманное, и въ 5 шагахъ нельзя было ничего видѣть. Въ утренней тишинѣ весело раздавалось фырканье бодрыхъ лошадей и гортанный говоръ всадниковъ-кабардинцевъ. Быстро и неслышно по влажной землѣ вынесся впередъ головной разѣздъ сотни, въ обязанность котораго входилъ осмотръ лежащихъ по дорогѣ деревень и закрытыхъ мѣстъ. Дозоры справа и слѣва ловко пробирались по вскопанному грядами и мѣстами снятому гао-лянному полю, съ торчащими на четверть острыми остатками его, толстыхъ въ два пальца стволровъ.

Вскорѣ туманъ разсѣялся подъ лучами блестящаго, хотя и осенняго маньчжурскаго солнца; пройдя версть 12, мы увидѣли нашихъ охотниковъ, отдохавшихъ на берегу веселой маленькой рѣчюшки Сихэ. Сотня спѣшила, чтобы дать передохнуть конямъ и поправить сѣдловку. Рѣшено было двигаться дальше вдоль рѣчки, пустивъ пѣшихъ охотниковъ вдоль ея русла, что давало возможность скрытно, пользуясь образуемымъ

ею оврагомъ, подвести пѣхоту незамѣтно, возможно ближе къ с. Чжань-Тань.

Сотня пошла впередъ, скрываясь въ густомъ гаолянѣ. Впередъ въ $1\frac{1}{2}$ верстахъ возвышался высокій конусообразный курганъ, на вершинѣ котораго можно было видѣть простыми глазками какую-то фигуру въ китайскомъ платьѣ, а въ бинокль было ясно видно, какъ фигура эта, имѣя руки, сложенными впередъ, съ наклоненной головой, подавала противнику ручнымъ гелиографомъ (приспособленнымъ для сигнализациі зеркала) сигналы, вѣроятно о нашемъ появленіи.

Отрядъ нашъ пріостановился, чтобы не выдать себя, а къ кургану были посланы 3 молодца охотника-пѣхотинца и 2 всадника, чтобы захватить этого непрошеннаго сигнальщика. Всадники галопомъ пустились въ обходъ, а пѣхотинцы скрылись въ гаолянѣ. Прошло минутъ 10—15, а таинственная фигура все проектировалась на голубомъ, ясномъ небѣ на вершинѣ кургана, какъ вдругъ, видимо замѣтивъ опасность, быстро сбѣжала внизъ. Вскорѣ прискакалъ всадникъ съ донесеніемъ, что захватить въ плѣнъ сигнальщика не удалось, но что во время бѣгства его, онъ былъ зарубленъ ударомъ шашки по головѣ. Около кургана былъ найденъ небольшой ручной гелиографъ. Китаецъ оказался переодѣтымъ японцемъ съ привязанной косой.

Необходимо было торопиться, чтобы предательскіе сигналы не произвели своего дѣйствія. Сотня двинулась на рысяхъ впередъ. Пройдя верстъ 5, былъ обнаруженъ небольшой японскій разъѣздъ, который открылъ огонь по сотнѣ. Оттѣснивъ его и обративъ въ бѣгство, сотня увидала наконецъ цѣль своего движенія—с. Чжань-Тань съ его высокими глинобитными стѣнами и рвами. Головной разъѣздъ полнымъ ходомъ бросился впередъ, и было видно, какъ, подскакавъ къ деревнѣ,

онъ раздѣлился и обѣ половины бросились изслѣдовать деревню и искать, можетъ быть, еще скрывавшагося въ фанзахъ хитраго врага. Послышалось нѣсколько одиночныхъ выстрѣловъ; еще минута томительнаго ожиданія, сотня поскакала впередъ и деревня была занята.

Вдали еще слышалась рѣдкая перестрѣлка, это головной разѣздъ преслѣдовалъ усакавшихъ японцевъ. Немедленно были высланы разѣзды въ наиболѣе важныхъ направленіяхъ и сотня, во главѣ съ офицерами, прыгая и перелѣзая черезъ канавы и валы, которыми была перекопана дорога, бросилась къ пристани съ цѣлью захватить шаланды и притянуть ихъ къ своему берегу. Подтянувшіеся пѣхотинцы-охотники расположились въ серединѣ деревни, выставивъ посты къ выходамъ. Сотня расположилась на отдыхъ сзади, въ большомъ дворѣ.

Офицеры внимательно наблюдали въ бинокли противоположный берегъ рѣки, низменный и плоскій, поросшій кустарникомъ, который незамѣтно переходилъ въ сплошную стѣну высокаго гаоляна. Все вниманіе офицеровъ было устремлено на тотъ берегъ, гдѣ тамъ и сямъ въ гаолянѣ замѣтны были какія-то быстро мелькавшія фигуры. Но вотъ, къ удивленію всѣхъ, на берегу рѣки показалась странная фигура, въ короткой китайской курмѣ, конусообразной соломенной шляпѣ и ружьемъ на плечѣ, которая нисколько не стѣсняясь высокими барашковыми папахами нашихъ всадниковъ, высматривавшихъ изъ-за глиняныхъ стѣнъ Чжань-Таня, мѣрнымъ и спокойнымъ шагомъ начала свою прогулку вдоль самой воды рѣки, шагахъ въ 200 отъ нашего берега. Стрѣлять не было приказано. Высмотрѣвъ, видимо, что нужно, фигура эта такимъ же мѣрнымъ шагомъ скрылась въ кустарникахъ.

А вотъ противъ сѣверной оконечности деревни, быстро мелькая на темномъ фонѣ, одинъ за другимъ стали перебѣгать

какіе-то маленькіе, одѣтые во все желтое, человѣчки. Вдругъ послышалось какое-то гнѣвное восклицаніе на кавказскомъ нарѣчій, мелькнула, какъ стрѣла, фигура въ черкескѣ, послышался отчаянный крикъ и паденіе чего то тяжелого въ воду. Обтирая хладнокровно свой кинжалъ о полу черкески съ еще сверкающими отъ волненія глазами, черкесъ на ломанномъ русскомъ языкѣ просилъ посмотрѣть изъ-за стѣны. Взглянувъ внизъ съ крутого обрывистаго берега, можно было видѣть расходившіеся круги на ровной, какъ стекло, поверхности воды, мелькнулъ китайскій сапогъ на бѣлой подошвѣ, и все скрылось. А переведа взглядъ на непріятельскій берегъ, были видны скачущіе по прогалинѣ гаоляна отсталые всадники японскаго развѣзда. Несмотря на всю тягость впечатлѣнія отъ этой мимолетной драмы, нельзя было поступить иначе. Нашъ маленький отрядъ былъ на 20 верстъ оторванъ отъ своихъ войскъ и находился почти въ серединѣ японскаго расположенія. Шпіонство такого рода строго карается въ Маньчжурской арміи.

Однако нужно было принять мѣры къ развѣдкѣ противоположнаго берега. Вызваны были охотники изъ пѣшей команды. Нашлись три молодца, которые, снявъ сапоги и высоко засучивъ шаровары, съ ружьями на плечѣ, безстрашно зашагали въ бродъ на лѣвый берегъ рѣки, гдѣ все казалось такъ предательски тихо. Съ волненіемъ и страхомъ за жизнь храбрецовъ-охотниковъ слѣдили ихъ остальные товарищи изъ-за высокихъ стѣнъ деревни. Все ждали выстрѣловъ и сами приготовились поддержать огнемъ охотниковъ, но какимъ-то чудомъ имъ удалось перебраться на другой берегъ, высоко держа въ рукахъ винтовки, чтобы не замочить ихъ. Сбѣвъ тутъ же смѣло на берегу и надѣвъ сапоги, три смѣльчака безшумно скользнули въ гаолянъ и скрылись. Наступила томительная тишина. День приближался къ концу.

Къ вечеру пришло отъ охотниковъ донесеніе, въ которомъ

они сообщали, что, пробравшись черезъ гаолянъ незамѣтными, они залегли въ канавѣ около дороги и видѣли, какъ мимо нихъ прошелъ японскій эскадронъ, въ хвостѣ котораго было человѣкъ 30 вооруженныхъ хунхузовъ.

Между тѣмъ почти уже стемнѣло. Нетерпѣніе маленькаго отряда все росло, и росло. Всѣ были увѣрены, что японцы, пользуясь изолированнымъ его положеніемъ, попытаются окружить его, или же выбить и заставить покинуть столь выгодный наблюдательный пунктъ у важной переправы черезъ р. Хунь-хэ. Всѣмъ хотѣлось, чтобы поскорѣ раздалась столь знакомая глухая трескотня японскихъ винтовокъ. Приказанія всѣ были отданы. Бдительность и расположеніе постовъ вновь провѣрены. Но и тутъ вновь подтвердилась крайняя осторожность японцевъ. Видимо, отряду удалось проскользнуть въ д. Чжань-Тань совершенно незамѣтно, а шпионство было прекращено тѣмъ, что всѣ немногочисленные оставшіеся въ деревнѣ жители-китайцы были собраны въ нѣсколько фанзъ на площади и къ нимъ приставленъ караулъ.

Наконецъ, часу въ 8-мъ вечера послышалась стрѣльба у южнаго выхода изъ деревни. По звуку выстрѣловъ—стрѣляли японцы. Ихъ выстрѣлы какъ-то суше и отрывистѣе нашихъ. Нашимъ охотникамъ запрещено было стрѣлять, чтобы не обнаруживать слабыя силы отряда, да къ тому же они хорошо были укрыты толстыми глиняными стѣнами. Запыхавшійся охотникъ съ поста доложилъ, что японскіе пѣхотинцы, переправившіеся въ бродъ съ лѣваго берега рѣки, залегли въ гаолянѣ и обстрѣливаютъ постъ. Съ западной же стороны то и дѣло подсакиваютъ японскіе разъѣзды и открываютъ съ коня стрѣльбу. Быстро, не суетясь, въ полной тишинѣ, резервъ отряда разобралъ ружья и въ порядкѣ двинулся на выстрѣлы.

Прошло около четверти часа. Японская стрѣльба не прекра-

шалась. Наконецъ раздался первый русскій залпъ, столь ненавистный уху японцевъ. За нимъ еще нѣсколько залповъ, и японцы прекратили стрѣльбу.

Все вновь затихло и замерло кругомъ. Ночной мракъ окончательно окуталъ своимъ непроницаемымъ покровомъ и деревню, и окружающія окрестности. Гдѣ-то теперь вновь появятся япоцы? Въ особенности нужно было опасаться за единственный путь отступленія отряда—за проходъ, сдѣланный въ стѣнѣ у сѣверной опушки селенія.

Вскорѣ опять затрещали японскія винтовки уже въ другомъ мѣстѣ, но теперь уже достаточно выяснилось, что нападенія ждать ночью нечего, а съ разсвѣтомъ нужно быть готовыми на все. Офицеры, собравшись въ одной изъ фанзъ, не раздѣваясь, конечно, и не снимая съ себя оружія, прилегли отдохнуть. До разсвѣта оставалось нѣсколько часовъ.

Съ ранняго утра опять то здѣсь, то тамъ слышалась назойливая трескотня японцевъ, но дѣло только этимъ и ограничивалось. На противоположномъ берегу все было спокойно, непріятель себя видимо не хотѣлъ обнаруживать. Въ 7 часовъ утра лихой 4-й сотнѣ Терцевъ приказано было изготovitъся, а черезъ четверть часа, сотня, во главѣ съ офицерами, справа по три, на рысяхъ, выходила изъ деревни, чтобы смѣлымъ поискомъ проникнуть еще дальше вглубь японскаго расположенія и дать своимъ главнымъ силамъ столь ожидаемыя и цѣнныя свѣдѣнія, не имѣются ли на правомъ берегу р. Хунъ-хэ значительныя японскія силы. При предстоявшемъ тогда переходѣ въ наступленіе всей нашей арміи эти японскіе отряды могли бы угрожать обходомъ нашему правому флангу.

Въ д. Чжань-Тань остались пѣшіе охотники, которымъ было приказано при невозможности удержать деревню, отходить медленно съ боемъ на сѣверъ. По свѣдѣніямъ отъ посланныхъ

наканунѣ китайцевъ-лазутчиковъ, къ югу и югу-западу отъ покинутой сотней дер. Чжань-Тань въ деревняхъ Тутхайза, Хуаилатхоа и Цыютхоа находились значительныя конныя части японцевъ. Вотъ тутъ-то и двинулась смѣло кавказская сотня, забирая на западъ, чтобы обойти съ этой стороны японцевъ и, въ случаѣ неудачи, не быть ими окруженной.

Взявъ направленіе по компасу и подвигаясь подъ прикрытіемъ еще мѣстами неснятаго гаоляна, сотня каждую минуту рисковала наткнуться на засаду, и неожиданный залпъ непріятеля могъ-бы повлечь за собою большія жертвы. На бѣду, лошадь въ лѣвомъ дозорѣ все время перекликалась ржаніемъ съ сотней. Впереди шель небольшой разъѣздъ, подъ начальствомъ храбраго молодца-урядника Кубанскаго казака Рыбакина.

Такъ, скрываясь все время за высокой стѣной густого гаоляна и наметомъ проскакивая открытыя мѣста, сотня подвигалась впередъ, готовая ежеминутно наткнуться на врага. Двигались будто въ густомъ лѣсу. Впереди, кромѣ 1¹/₂ саженаго гаоляна, да небольшихъ лужаекъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ былъ снятъ, ничего не было видно. Вдругъ откуда то спереди и сбоку совсѣмъ близко послышалась трескотня японскихъ выстрѣловъ. Нѣсколько пуль, съ жужаніемъ шмелей, пролетѣло надъ нашими головами, срѣзая верхушки гаоляна. Послышался впереди крикъ: «Японцы! за мной!» И головной разъѣздъ сотни карьеромъ поѣхалъ по дорогѣ.

Сотня пошла за нимъ широкимъ наметомъ, и видно было, какъ человѣкъ 6—8 японцевъ, одѣтыхъ въ желтыя коротенькія куртки, пригнувшись къ лукамъ сѣделъ, поскакали по дорогѣ. Съ каждой секундой однако разстояніе между ними и урядникомъ Рыбакинымъ, вырвавшимся впередъ на своемъ сѣромъ кровномъ кабардинцѣ, становилось все меньше. Вотъ уже онъ настигаетъ задняго. Японцы въ своей бѣшеной скачкѣ продол-

жали отстрѣливаться, положи свои карабины на плечо. Конечно эта стрѣльба была на воздухъ. Рыбакинъ на всемъ скаку, только придерживая поводья, скидываетъ изъ-за спины винтовку, цѣлится на скаку, и задній японецъ падаетъ съ лошади съ прострѣленнымъ затылкомъ.

Вновь закинувъ винтовку за спину и не останавливаясь, храбрый джигитъ догоняетъ слѣдующаго японца и наноситъ ему страшный ударъ шашкой, разрубая плечевой суставъ лѣвой руки. Японецъ, падая съ лошади и желая зарубить своего врага, саблей наноситъ рану лошади Рыбакина въ шею у дыхательнаго горла. Оставивъ раненаго, Рыбакинъ мчится дальше и разрубаетъ черепъ третьему японцу. Шашка, скользя въ ранѣ, снимаетъ кожу съ половины головы. Наконецъ послѣдняго японца герой-казакъ ссаживаетъ съ лошади ударомъ шашки по головѣ.

Видя вдали всю эту геройскую борьбу и слыша трескотню выстрѣловъ, сотня усиливаетъ аллюръ. Съ невольнымъ мучительнымъ любопытствомъ вглядываются люди въ извилистую въ гаолянѣ дорогу, ожидая и боясь найти на дорогѣ въ жертвахъ борьбы, происходящей впереди, своихъ товарищей. Но нѣтъ. Вотъ, раскинувъ руки, на животѣ, лежитъ маленькая фигурка японца-кавалериста въ желтомъ хаки. У него прострѣлена голова. Дальше, дальше! лошади горячатся и рвутся впередъ. Все позабыто: и опасность засады, и близость большихъ силъ противника. Только глаза какъ бы удвоили свою остроту. Все,—всѣ мысли впереди.

Вотъ еще одинъ трупъ на дорогѣ. Кажется, не нашъ. Опять японецъ съ окровавленной головой. А тамъ впереди виднѣются кучки спѣшившихся всадниковъ. Захватили въ плѣнъ двухъ раненыхъ японцевъ. Вотъ, скачетъ всадникъ во весь опоръ съ донесеніемъ, что шагахъ въ 500 отъ сотни,

флангомъ къ ней, двигается шагомъ эскадронъ японцевъ въ 104 коня, на рыжихъ лошадяхъ.

✓ «За мной!» слышится команда старшаго офицера. Со всѣхъ сторонъ собираются всадники, ведущіе за собой 4-хъ отбитыхъ японскихъ лошадей, плѣнныхъ сажаютъ верхомъ. «Мы атакуемъ японцевъ», раздается спокойный и громкій голосъ. «Рысю—маршъ». Не успѣла сотня тронуться, какъ лѣвофланговый дозоръ, подавая знаки папахой остановиться, скачетъ съ донесеніемъ, что слѣва сотню обходить другой японскій эскадронъ, который совершенно скрытъ отъ взоровъ сотни гаоляномъ. «Налѣво кругомъ—маршъ! Рысю, короче рысь!» Слышится команда, и сотня поворачиваетъ фронтъ въ новомъ направленіи.

Эскадронъ появился со стороны дер. Чжань-Тань; насъ могутъ отрѣзать отъ нашихъ плѣшихъ охотниковъ,—появились опасенія у многихъ; но спокойный видъ начальника, который, идя во главѣ сотни, сократилъ рысь своей лошади почти до шага, отрезвляютъ впечатлительныя головы горцевъ. Но что-же дѣлать съ раненымъ японцемъ, который, распластавшись на животѣ, съ раскинутыми безпомощно руками и окровавленной головой, въ лужѣ крови лежитъ на дорогѣ? Вотъ онъ чуть пошевелинулся. Состраданье сдѣлало свое и, несмотря на угрожавшую со всѣхъ сторонъ опасность, сотня остановилась, пока соскочившій съ лошади фельдшеръ не сдѣлалъ наскоро перевязку.

Оставивъ на дорогѣ раненаго съ забинтованной головой, сотня той-же маленькой рысцей двинулась дальше, съ цѣлью соединиться съ охотниками. Зорко вглядывались глаза въ густую стѣну гаоляна, откуда ежеминутно могъ грянуть почти въ упоръ залпъ. Но вотъ уже показались высокія деревья Чжань-Таня. Осталось пройти еще съ четверть версты. Горизонтъ открылся, все впереди было спокойно. Сотня пошла ша-

гомъ. Провѣрили людей, всё-ли цѣлы и на мѣстахъ. Всѣ были на лицо, и никто не раненъ. Только герой дня, урядникъ Рыбакинъ, сидя на отбитомъ японскомъ конѣ, велъ въ поводу свою чудную лошадь, у которой обильно струилась кровь изъ большой сабельной раны. У нея было разсѣчено продольнымъ ударомъ горло.

Однако, сотня еще не была въ безопасности. Оставалось до деревни нѣсколько сотъ шаговъ. Вдругъ, какъ горохъ, посыпались непріятельскіе выстрѣлы. Пули со свистомъ летѣли вокругъ. Въ первую минуту никто не могъ сообразить, откуда угрожаетъ невидимый противникъ. Оказалось, что сотня шла по берегамъ рѣки и японцы съ противоположнаго берега открыли ожесточенную стрѣльбу. Чуть разомкнувъ ряды, рысью прошла сотня опасное пространство. Вотъ первый взводъ уже подъ прикрытіемъ деревни, офицеры и люди цѣлы, проходить второй—тоже благополучно. Въ третьемъ ранена на вылетъ лошадь.

Возвратившись съ триумфомъ въ деревню, было рѣшено дать людямъ и лошадямъ отдохнуть и повторить развѣдку, чтобы, удалившись еще далѣе на западъ, обойти японцевъ и проникнуть поглубже въ ихъ расположеніе.

Только что плѣннымъ была окончена перевязка, какъ японцы начали усиленно обстрѣливать деревню со всѣхъ сторонъ. Пришло донесеніе, что японская рота съ лѣваго берега перешла на правый и начинаетъ тѣснить наши посты. Японцы какъ-бы рѣшились жестоко отомстить смѣлому отрядцу, который не довольствовался тѣмъ, что забрался въ середину ихъ расположенія, а еще захватилъ плѣнныхъ и убилъ нѣсколько человекъ. Плѣнные, устроенные подъ тѣнистымъ деревомъ, отъ ружейной перестрѣлки воспрянули духомъ, какъ отъ лучшей музыки, и начали оживленно разговаривать. Видимо, они надеялись на освобожденіе изъ плѣна.

Между тѣмъ, виновникъ ихъ несчастья, урядникъ Рыбакинъ со свойственной казакамъ сметливостью собственноручно зашилъ иглой огромную рану на шеѣ своего любимого боевого коня, обмоталъ бинтами и повелъ поить. На вопросъ сотеннаго командира, пила-ли его лошадь, Рыбакинъ отвѣтилъ, что пила хорошо, но что «вода малость сквозь горло протекаетъ». Однако, впоследствии оказалось, что лошадь поправилась и до сихъ поръ служить своему молодцу-хозяину.

Вскорѣ на смѣну въ Чжань-Тань прибыла другая сотня того-же полка, и 4-я сотня къ вечеру прибыла въ штабъ отряда. Уряднику Рыбакину приказано было сопровождать плѣнныхъ въ штабъ арміи, гдѣ командующій арміей, поблагодаривъ лихого казака за его геройскій подвигъ, собственноручно навѣсилъ на него именной Георгій.

(„Русск. Инв.“ ЛЕЛ 40 и 42. Ротмистръ С.).

У ген. Мищенко.

Во время набѣга ген. Мищенко подъесаулъ Мистуловъ наткнулся со своимъ отрядомъ на обозъ японцевъ, окопавшійся въ деревушкѣ. Сотня Эльдарова, пытавшаяся атаковать непріятеля, была отбита, самъ сотникъ Эльдаровъ убитъ. Къ нему бросились на помощь его казаки и вѣстовой. Но вынести тѣло Эльдарова не представлялось ни малѣйшей возможности. Казаки получаютъ пулю въ грудь на вылетъ. Вѣстовой снимаетъ съ покойнаго сотника поясъ и кинжалъ, чтобы передать ихъ роднымъ сотника, какъ память, и оба ползкомъ добираются до своихъ, оставивъ тѣло князя передъ окопами. Тогда Мистуловъ предлагаетъ желающимъ, подъ его командою пожертвовать собою, выбить японцевъ изъ окоповъ

или умереть. Первымъ вышелъ урядникъ Даміанъ Коваль. Вслѣдъ за нимъ выступило впередъ еще 14 охотниковъ. Указавъ хорунжему Толстому держаться пока въ рощѣ, а потомъ дѣйствовать въ зависимости отъ обстановки боя, Мистуловъ приказалъ всадникамъ разомкнуться. Почти одновременно блеснули шашки на солнцѣ... Вихремъ вылетѣли изъ рощи эти смѣльчаки на своихъ горныхъ лошадяхъ. Впереди всѣхъ мчался на своемъ кровномъ жеребцѣ Мистуловъ. Между тѣмъ японцы, по мѣрѣ приближенія нашихъ всадниковъ, развили бѣшеный огонь. Разстояніе между противниками быстро сокращалось. Вотъ наши казаки у самыхъ окоповъ... Японцы (около 30 чел.) не выдержали и бросились бѣжать, но, остановленные своимъ офицеромъ, начали беспорядочную ружейную трескотню... Въ самую середину противника врѣзались терцы и начали крошить направо и налево. Не смотря на раны отъ двухъ пуль, Мистуловъ продолжалъ рубить японцевъ, пока отъ шашки осталась въ рукахъ одна головка эфеса. Тогда, выхвативъ револьверъ, онъ выпустилъ всѣ семь пуль въ раненыхъ японцевъ, пытавшихся убѣжать. Но роковой кругъ уже сомкнулся, и только немногимъ японцамъ удалось ускользнуть. Отчаянно рубился и урядникъ Коваль, успѣвшій зарубить троихъ японцевъ, пока не упалъ, сраженный пулей въ животъ. Двое всадниковъ валялись убитыми, пятеро ранеными, немного дальше двое терцевъ барахтались подъ убитыми лошадьми, сѣлаясь освободить свои придавленные ноги... А отъ рѣки Хунхэ къ японцамъ приближалось подкрѣпленіе, которое во время было замѣчено хорунжимъ Толстымъ. Послѣдній быстро занялъ позицію правѣ деревни и разсыпалъ цѣпь, огнемъ которой японцы обстрѣливались съ фланга. Это смѣлое движеніе Толстого дало возможность подобрать убитыхъ и ране-

ныхъ, взять тѣло сотника Эльдарова и отойти въ рошу, захвативъ японскія ружья.

(„Биржесв. Вѣд.“).

Казачи подъ Ляояномъ.

Долго еще будутъ сообщаться дополнительные свѣдѣнія о боѣ подъ Ляояномъ, растянувшемся на громадное пространство и богатомъ отдѣльными эпизодами. Такъ, никто не телеграфировалъ еще о выдающейся и почетной роли, которую играла въ этомъ сраженіи сибирская казачья дивизія, съ 18-го по 25-е августа дравшаяся не только какъ кавалерія, но и какъ пѣхота. Командующій арміей направилъ ее, въ составѣ 19 сотенъ и шести орудій третьей забайкальской батареи, вечеромъ къ каменноугольнымъ копямъ Янтая, приказавъ немедленно занять ихъ и обезпечить нашъ лѣвый флангъ, и если онѣ уже захвачены японцами, — взять эту позицію и во что бы то ни стало на ней удержаться. При этомъ генераль Самсоновъ назначенъ былъ начальникомъ отряда. Выступили въ зловѣщій, казавшійся безлюднымъ просторъ. Въ четыре часа утра пятый Сибирскій полкъ быстро расположился въ коняхъ, а черезъ два часа сюда стянулся весь отрядъ, предупредивъ, такимъ образомъ, противника. Девятнадцатаго августа подошелъ генераль Орловъ.

Не теряя времени, Самсоновъ выслалъ развѣдку къ югу въ красивую, потонувшую въ зелени и полную мирныхъ, цвѣтущихъ деревень долину Тайцзыхе опредѣлить, гдѣ за рощами и садами кроются на правомъ берегу японскіе отряды и не направляются-ли они къ Мукдену. Казачи широкимъ крыломъ обошли все это пространство и застали небольшія

силы противника въ указанномъ мѣстѣ. Стоянка самсоновскаго отряда была далеко небезопасна. Сыквантунъ обстрѣливался японскими орудіями, и надо было постоянно ожидать неожиданныхъ рейдовъ непріятеля. Двадцатаго, Самсоновъ разбросалъ перомъ маленькіе отряды, нащупывая противника, начинавшаго наступленіе. Выяснилось, что онъ правымъ флангомъ идетъ къ высокой сопкѣ, гдѣ стоялъ нашъ лѣвый флангъ, на Янтай и на копи.

Диспозиція на этотъ день Самсонову не была доставлена. Надо было самому угадывать, какъ дѣйствовать. Генераль Орловъ рѣшилъ сегодня отбить японцевъ отъ Сыквантуна. Старшій чиномъ, онъ просилъ казачій отрядъ обезпечить его лѣвый флангъ и передать въ его отрядъ третью забайкальскую батарею и три сотни казаковъ. Седьмой сибирскій казачій полкъ сталъ такъ, чтобы быть готовымъ тотчасъ же занять правый берегъ Тайцзыхэ, а три сотни восьмого полка прикрыли батарею. Противникъ, точно угадывая цѣли отряда, въ десять часовъ утра внезапно осыпалъ гранатами и шрапнелями южную позицію «Янтай-копи». Огонь, какъ всегда, когда они сосредоточиваютъ его по извѣстному квадрату, былъ ужасенъ. Тамъ стояли казаки и ихъ батарея, а позади по скату раскинулись цѣпи и резервы Инсарскаго батальона и двухъ Срѣтенскихъ ротъ сторожевого охраненія. Сибирскіе казаки назначались занять мѣсто инсарцевъ, когда ихъ двинутъ отсюда. Въ одиннадцать часовъ утра Орловъ увѣдомилъ о началѣ своей атаки изъ Сыквантуна. Казаки спѣшились, стали на флангахъ артиллеріи, которая не могла отвѣчать японцамъ. Стоя на гребнѣ, она имѣла передъ собою мертвое пространство при наступленіи Орлова, а по другую сторону сопки—японскую батарею. Если бы японцы перешли сами въ атаку, не казачьему слабому охраненію можно было сдержать ихъ. Поэтому подъ ливнемъ шрапнели и частыми

ударами, фугасныхъ гранатъ, не теряясь, казаки восьмого сибирскаго полка, подъ наблюденіемъ подполковника генеральнаго штаба Посохова, спускали орудія на рукахъ къ передкамъ. Здѣсь убитъ хорунжій Иванъ Бейнингенъ. Казаки Самсоновъ, Шкурыгинъ, Грязновъ и Ѳедоровъ бросились въ жесточайшій огонь и вынесли тѣло начальника. У нихъ японцы перебили лошадей, но они окончили дѣло пѣшкомъ. Раненые были отправлены на носилкахъ, трупы убраны, и только тогда казаки восьмого сибирскаго полка ушли отсюда къ коноводамъ. Гребень нѣсколько минутъ спустя покрылся японскими цѣпами. Надо прибавить, что Орловъ предложилъ было Самсонову поддержать его атаку коннымъ набѣгомъ на пѣхоту съ праваго фланга, но генераль рѣшительно отказался сдѣлать это раньше развѣдки, такъ какъ полки Орлова, неиспытанные, не знающіе артиллерійскаго огня, представлялись ненадежными. Надо было прежде выяснитъ составъ наступающаго противника. Осторожность оправдалась послѣдствіями. Кавалерійская дивизія вся бы погибла при этомъ. Изъ орудій три были повреждены. Когда батарея была спасена, наступленіе японцевъ приняло угрожающій характеръ. Генералу Орлову пришлось съ одинадцати часовъ утра отходить. Японцы шли какъ на нашу сопку, такъ и на его колонны на нашемъ правомъ флангѣ. Надо было, чего бы это ни стоило, удержать лѣвый флангъ «Копи-Янтай». Седьмой сибирскій казачій полкъ и оставшіяся сотни четвертаго, пятаго и восьмого полковъ спѣшились, быстро заняли гребень своей горы, отогнавъ японскія цѣпи, и открыли по нимъ убійственный огонь. Въ это время была доставлена диспозиція. По ея смыслу ожидалось возвращеніе Орлова на позицію, но онъ приказалъ отступать на станцію «Янтай» и очистить копи. Видя, что роты Срѣтенскаго полка отходятъ, Самсоновъ приказалъ орудіямъ перейти на двѣ съ половиной

версты къ западу, а казакамъ отходить, но въ эту роковую минуту прискакалъ генеральнаго штаба полковникъ Запольскій объявить о приближеніи на помощь перваго Сибирскаго корпуса съ цѣлю атаковать японцевъ. Казаки тотчасъ же стремительно кинулись къ оставленному гребню, а за отступавшими срѣтенцами поскакали офицеры, и руководить ими поручено было генеральнаго штаба есаулу Пороу. Можно было подъ яркимъ сегодня солнцемъ различить развертывающіеся впереди пять японскихъ батальоновъ въ золотистыхъ облакахъ пыли, и съ ними 19 горныхъ орудій. Положеніе оказалось исключительное. На югѣ позиціи противникъ развернулся на западъ, а на сѣверѣ ея казаки и срѣтенцы—фронтомъ на востокъ и югъ. Наши орудія начали бой. Видны были разрывы снарядовъ въ гущѣ непріятельскихъ колоннъ. Шрапнели поражали ихъ подходившія вновь части. Такъ длилось долго. Въ половинѣ пятаго боя на правомъ флангѣ затихалъ. Первый корпусъ не появлялся. Держаться кавалеріи подъ напоромъ пѣхоты нельзя было, и казаковъ отвели назадъ. Нельзя не отмѣтить тутъ подвига вольноопредѣляющагося Арцишевскаго и казаковъ Башкирцева и Королькова. Подъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ они бросились въ копи и тамъ зажгли продовольственные запасы. Казаки прикрыли стрѣтенцевъ и сами отошли налѣво, гдѣ встрѣтили двѣ роты инсарцевъ, уходившія отъ прикрываемой ими артиллеріи, обстрѣливаемой противникомъ отовсюду. Направленіе перваго корпуса измѣнилось. Сюда двигались для защиты лѣваго крыла два стрѣлковыхъ батальона и четыре орудія съ подполковникомъ Запольскимъ. Генераль Самсоновъ рѣшился до послѣдней крайности удерживать позицію кавалеріей. Ночью расположились бивакомъ, но утромъ ни срѣтенцевъ, ни инсарцевъ здѣсь не оказалось. Генераль передалъ казачью батарею и пять ротъ пѣхоты Запольскому,

а самъ передвинулся къ сѣверу, гдѣ легче прикрывалось лѣвое крыло арміи. Началось опять освѣщеніе деревень и долинъ развѣдками. Надо было узнать, не идетъ-ли непріятель на сѣверъ; но оказалось, что японцы укрѣпляютъ «Янтай-копи». Ясно, что японцы остановлены были слѣшившимися казаками, упорно дравшимися съ ихъ пѣхотой, отходившими въ аріергардѣ, отбрасывавшими стремительно наступавшаго противника. Самсоновъ свидѣтельствуешь, что казаки дрались съ величайшимъ хладнокровіемъ и такимъ мужествомъ, что японская пѣхота не разъ останавливалась передъ этой живою и грозной силой. Руководившій стрѣлками Егоровъ уходилъ послѣднимъ, выпуская остатокъ патроновъ въ непріятеля и подбирая раненыхъ.

Задачею 21 августа было обезпечить выходъ нашихъ войскъ, дравшихся на ляоянскихъ фортахъ, къ сѣверу. Сибирская казачья дивизія принимала въ этомъ развѣдкой, боемъ и набѣгами самое дѣятельное участіе. Съ утра получились свѣдѣнія, что японцы, занявъ дорогу, куда направлялись казаки, окапываются на ней и ставятъ на сѣверо-востокъ отъ «Янтай-копей» батареи, затѣмъ, что они готовы атаковать и обойти нашъ лѣвый флангъ сѣвернѣе горы Тумипузы-Матаунъ. Быстро полковникъ Даниловъ, догнавшій Самсонова, уѣхавшаго къ командующему арміей, рѣшилъ предупредить противника, переброситься на лѣвый флангъ у Тумипузы и здѣсь остановить начавшійся обходъ на сѣверной оконечности высотъ. Батарея двинулась впередъ къ востоку за Кіуцейхай. Седьмой полкъ слѣшилъ лѣвѣе и части пятого полка—правѣе. Такъ началась казачья атака. Занявъ вершину горы и границу гаоляноваго поля, бросились на японскія цѣпи. Сюда же пошла вторая казачья бригада, дравшаяся съ противникомъ у Паулипузы. Возвращавшійся отъ Куропаткина Самсоновъ занялъ слѣщен-

ными сотнями гребень къ юго-востоку отъ Тумупузы и тоже открылъ огонь. Движеніе японцевъ пріостановилось. До глубокой ночи казаки удерживали позиціи и, желая бороться до послѣднихъ силъ, взяли пики, чтобы отбрасывать непріятеля со склоновъ. Тѣмъ временемъ наши корпуса должны были митновать полосу японскаго обхода. Казаки стойко удерживали этотъ гребень до прибытія стрѣлковъ. 23-го августа казаки собрались у Сантайдзы, гдѣ и переночевали, а 25-го ушли за рѣку Хунь въ деревню Тунлипузы, но на пути смѣнили генерала Любавина. Рядомъ блестящихъ дѣйствій этихъ дней сибирскіе казаки показали себя, наконецъ, такими, какими мы ожидали ихъ видѣть здѣсь со времени ихъ прибытія въ Манчжурію. Потомъ казачья дивизія несла передовую службу у мукденскихъ позицій, вездѣ слѣдя за движеніями японцевъ.

В. Немировичъ-Данченко.

Въ отрядѣ генерала Самсонова.

Скоро Рождество—праздникъ будущаго поколѣнія. Въ такіе дни невольно ищешь, гдѣ бы хоть немного, на сколько это возможно въ данномъ случаѣ на войнѣ, отдохнуть душой. Много приходилось слышать, что въ отрядѣ генерала Самсонова установились особенно теплыя отношенія, благодаря исключительной сердечности его къ подчиненнымъ; эта сердечная простота, искреннія теплыя отношенія создали въ отрядѣ особую атмосферу, смягчающую и облегчающую трудную службу въ тѣснинахъ впереди южнаго Янтайзана.

Пользуясь оказіей, 20-го декабря, я выѣхалъ изъ Чанса-

мутуня въ отрядъ съ командующимъ 8-мъ сибирскимъ казачьимъ полкомъ, войсковымъ старшиной гр. Стенбокомъ; съ графомъ ѣхалъ въ отрядъ на два дня адъютантъ главнокомандующаго кн. Урусовъ. Сдѣлавъ около 70 верстъ и перебравшись черезъ нѣсколько трудныхъ переваловъ, къ вечеру мы добрались до Янтайзана въ восьмой полкъ. Онъ только что возвратился изъ «сторожовки», т. е. съ передовыхъ постовъ, которые держитъ, мѣняясь съ пятымъ сибирскимъ казачьимъ полкомъ каждые четыре дня. Въ просторной фанзѣ организовано офицерское собраніе, столъ сдѣланъ изъ составленныхъ китайскихъ сундуковъ. На стѣнахъ остались еще украшенія, которыми убрана была фанза въ день полкового праздника. Почти всѣ офицеры были въ сборѣ. Война сгруппировала коренныхъ сибиряковъ съ драгунами и гвардейцами подъ одно знамя. Здѣсь же былъ священникъ о. Иванъ Голубевъ.

Кн. Урусовъ привезъ въ полкъ георгіевскій крестъ для старшаго урядника Сергѣева; по этому случаю вышло маленькое торжество. Потребовали Сергѣева, трубачей и привѣтствовали новаго кавалера, впрочемъ двѣ низшихъ степени знака отличія Сергѣевъ уже имѣлъ за подвиги въ бояхъ.

Какъ особо отрадное явленіе, я не могу не отмѣтить полной умѣренности по части вина не только въ восьмомъ полку, но и вообще въ отрядѣ, въ чемъ я убѣдился, проживъ въ Янтайзанѣ нѣсколько дней. — Чаепитіе, пѣніе, трубачи, оживленные бесѣды, рассказы неистощимаго комика, сотника Андреева, въ восьмомъ полку, изрѣдка стаканъ вина въ антрактахъ между «сторожовками», въ штабѣ винтъ по тысячной, фотографическія работы — помогаютъ янтайзанцамъ коротать время.

На другой день утромъ былъ молебенъ по случаю отправленія трехъ партій въ тыловую къ японцамъ развѣдку. Въ каждую партію назначено было по 50-ти казаковъ, а въ одну изъ

нихъ еще нѣсколько конныхъ стрѣлковъ. Начальниками партій были 5-го сибирскаго казачьяго полка есаулъ Панфиловъ, того же полка, причисленный къ генеральному штабу, есаулъ Егоровъ и 8-го сибирскаго казачьяго полка шт.-ротм. Апсентовъ. Передъ выступленіемъ генераль Самсоновъ обратился къ казакамъ, приблизительно, со слѣдующими словами:

«Съ Богомъ, братцы, дай Богъ успѣха; береги коня— безъ него пропадешь; не тронь чужого; больше всего бойтесь вина; берегите офицеровъ».

Казаки скрылись въ горахъ, а собравшіеся проводить, среди которыхъ былъ также американскій военный агентъ, долго еще стояли, обсуждая текуція дѣла. Парадъ и проводы были около «батареи», состоящей изъ двухъ крошечныхъ китайскихъ пушекъ, называемыхъ здѣсь «лягушками», а поручика пограничной стражи, завѣдывающаго ими, величали фельдцейхмейстеромъ.

На слѣдующій день, я съ кн. Урусовымъ и подъесауломъ Араповымъ поѣхали на «сторожевку». Дорога пролежала живописнымъ ущельемъ по берегу горной рѣчки, по льду которой пришлось переѣзжать безчисленное количество разъ. Верстахъ въ шести за Янтайзаемъ въ фанзѣ размѣщенъ былъ резервъ передовыхъ постовъ. Мы заѣхали туда и застали печальную церемонію. Отецъ Иванъ Голубевъ хоронилъ убитаго казака; около могилы стояли офицеры 5-го сибирскаго казачьяго полка. Казаки сдѣлали убитому товарищу гробъ, оклеили его бѣлой бумагой, тѣло завернули въ полотно, сколотили большой крестъ и написали на немъ: «Здѣсь погребено тѣло казака 5-го сибирскаго казачьяго полка Михаила Костина, станицы Вознесенской, убитъ 22-го декабря 1904 года при д. Сяозяхецзы».

Бѣднягу сразило пять японскихъ пуль во время фуражировки; кромѣ Костина троихъ ранили, убили двухъ лошадей.

Раненые были уже отправлены въ тылъ, но одинъ изъ нихъ, казакъ Цѣлыхъ, по дорогѣ скончался: его возвратили и похоронили рядомъ съ Костинымъ.

По дорогѣ на передовые посты, ѣхавшій за нами штаб-трубачъ 8-го сибирскаго полка Николай Великановъ показалъ намъ мѣсто, гдѣ былъ убитъ командиръ этого полка, полковникъ Панковъ. По словамъ Великанова, несчастіе случилось такъ:

«Полковникъ поѣхали на передовые посты, я ѣхалъ за ними; генералъ Самсоновъ не совѣтовали имъ ѣхать безъ конвоя, но полковникъ сказали, что впередъ отъ полка ушли два разъѣзда, что онъ ихъ догонить. Ёхали мы неторопясь. Глядимъ налѣво, вонъ тамъ на горѣ, корнетъ Ильинскій машетъ намъ шапкой. Полковникъ послалъ адъютанта Шевченку узнать, въ чемъ дѣло, а сами стали смотрѣть въ бинокль. Не доѣхали полковникъ до тѣхъ двухъ вербъ около рѣчки, какъ раздался выстрѣлъ, полковникъ пошатнулись въ сѣдлѣ, я подскочилъ помочь, но командиръ уже валился съ лошади и упалъ головой около самой рѣчки: «убили» — только и сказалъ. Изъ рта шла кровь. Подбѣжали адъютантъ, корнетъ Ильинскій, а меня послали доложить генералу Самсонову; тотчасъ же была выслана сотня съ кн. Витгенштейномъ и тѣло привезли въ Янтайзанъ».

Слушая грустный разсказъ словоохотливаго Великанова, мы подвигались далѣе на самый южный пунктъ нашихъ передовыхъ постовъ. На посту насъ встрѣтили начальникъ его, подѣсаулъ Шмонинъ, и офицеры, подѣсаулы Ползиковъ и Самойленко. Последніе двое бывшіе лейбъ-драгуны; въ полку они служили въ одномъ эскадронѣ, и теперь судьба свела товарищей въ одной сотнѣ. Застава стояла подъ высокой сопкой, а постъ на вершинѣ ея. Не мало усилій употребили мы, пока взобрались туда, скользя по запорошенной снѣгомъ крутой отло-

гости сопки. Съ вершины открылась красивая панорама. Рѣка Тай-цзы-хе ледяной змѣей огибала выдавшійся почти отвѣсный громадный массивъ, налѣво на опушкѣ раскинулась д. Мицзы, а далѣе опять ущелье, опять горы; направо гряда высокихъ мохнатыхъ сопокъ, занятыхъ японцами, передній массивъ также занятъ ими, а на низинѣ версты полторы отъ нашего поста вчера былъ убитъ Костинъ во время фуражировки. Ниже, верстахъ въ трехъ, японцами переброшенъ чрезъ рѣку мостъ, на немъ совершенно отчетливо видны отдѣльные всадники, идущіе выюки. По полю у д. Мицзы два японца тащили чумизу.

— Скажите пожалуйста, поинтересовался я, часто васъ японцы беспокоятъ.

— Каждый день во время смѣны постовъ, — пояснилъ одинъ изъ провожавшихъ насъ офицеровъ. — Вотъ ихъ постъ, а вотъ нашъ, они видятъ, когда къ нашему подходить смѣна, мы видимъ, что у нихъ дѣлается. Пострѣляемъ и опять притихнемъ; такъ почти ежедневно.

Начинало уже вечерѣть. Намъ предстояло проѣхать назадъ верстъ четырнадцать. Простившись съ защитниками самаго южнаго пункта нашего передового расположенія, мы двинулись въ Янтайзанъ, куда пріѣхали, когда стало уже совершенно темно. Забравъ въ штабъ, я узналъ отъ исполняющаго должность начальника штаба, подполковника А. А. Посохова, что генералъ Самсоновъ телеграммой экстренно вызванъ въ главную квартиру, что приказано взять лошадей и т. д. Не оставалось сомнѣнія, что генералъ вызывался для какого либо экстреннаго боевого назначенія. Подполковникъ Посоховъ ѣхалъ также.

— Очевидно, — замѣтилъ бригадный генералъ князь Тумановъ, — устраивается давно задуманный набѣгъ кавалеріи.

Я рѣшилъ также ѣхать. На другой день рано утромъ мы

выѣхали изъ Янтайзана и къ вечеру прибыли въ Чансамутунъ. Дѣйствительно, рѣшено было огромную кавалерійскую массу съ конными батареями бросить на флангъ и тылъ японцевъ. Подробности держались въ секретѣ. Всѣмъ отрядомъ командовать назначенъ былъ генераль-адъютантъ Мищенко. Генералу Самсонову вручалась сводная драгунская дивизія. Выступить приказано 26-го декабря утромъ.

Завтра Рождество. Въ нѣсколько часовъ мнѣ предстояло изготовиться, перековать лошадей, устроить выюкъ и озаботиться о другихъ деталяхъ для предстоявшаго труднаго движенія. Къ вечеру надо было прибыть въ отрядъ генерала Мищенко, а до него отъ Чансамутуня еще около 25 верстъ.

Событіе выдающееся. Пропустить его нельзя, а тамъ, что Богъ дастъ...

(„Русск. Инв.“. К. Алафоновъ).

НАШИ КАЗАКИ

НА

ДАЛЬНЕМЪ ВОСТОКЪ.

СБОРНИКЪ РАЗСКАЗОВЪ

ВЫПУСКЪ II.

Собралъ *М. Понкоховъ*.

Складъ у *В. А. Березовскаго,*

КОМИССІОНЕРЪ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ

С.-Петербургъ, Колокольная 14.

1910.

2198.

Крѣпко охраняйте боевыя традиции, пріобрѣтенныя войсками. Не теряйте времени, чтобы въ каждой ротѣ, сотнѣ, батареѣ сохранить въ вѣчной памяти подвиги своей части и отдельныхъ лицъ.

(Прощальное обращеніе генерала Куропаткина къ офицерамъ „Русск. Инв.“ 1906 г. № 52).

Предисловіе къ 2-му выпуску.

Первый выпускъ сборника рассказовъ подъ заглавіемъ „Наши казаки на Дальнемъ Востокѣ“, изд. 1907 г., былъ встрѣченъ весьма сочувственными отзывами печати. Книга имѣла значительный успѣхъ, найдя для себя обширный кругъ читателей, какъ среди войсковыхъ частей разнаго рода оружія, такъ и среди казачьяго населенія. Намъ извѣстно, что сборникъ былъ пріобрѣтенъ для многихъ станичныхъ и поселковыхъ казачьихъ школъ.

Успѣхъ перваго выпуска сборника рассказовъ о казакахъ побудилъ насъ къ изданію второго выпуска подъ тѣмъ же заглавіемъ.

Въ настоящую книжку вошли рассказы и стихотворенія, рисующіе боевую жизнь нашихъ казаковъ во время русско-японской войны. Рассказы эти взяты, какъ и для перваго выпуска, изъ различныхъ періодическихъ изданій и отдѣльных книгъ. Многіе изъ рассказовъ принадлежатъ извѣстному талантливому писателю П. Н. Краснову, любезно давшему намъ свое разрѣшеніе на помѣщеніе его рассказовъ въ сборникѣ.

И. Тонконоговъ.

Отзывы печати о первомъ выпускѣ сборника.

I.

Въ печати былъ въ свое время поднять вопросъ объ изданіи описаній подвиговъ, совершенныхъ во время послѣдней войны, и указывалось на важное значеніе такого описанія. Въ силу этого нельзя не привѣтствовать почина И. Тонконогова собрать рассказы, рисующіе доблесть казаковъ, хотя, конечно, было бы лучше, если бы онъ раздвинулъ рамки своего труда, включивъ въ него повѣствованіе о доблестныхъ дѣйствіяхъ и другихъ родовъ войска. Тогда его книга была бы полнѣе и принесла бы большую пользу. Однако спасибо ему и за то, что онъ далъ, тѣмъ болѣе, что его сборникъ можетъ съ интересомъ читаться въ любой ротѣ, эскадронѣ и батареѣ, служа богатымъ матеріаломъ для бесѣды. Изъ него можетъ быть извлечено много примѣровъ исполненія долга на войнѣ.

„Вѣстовой“. 1907 г. № 132.

II.

... Книжка читается съ интересомъ и рекомендуется для чтенія войсковымъ частямъ.

Такія книги родятъ благородныя мысли и начала тѣхъ силъ, которыя живутъ въ душѣ человѣка до случая двинуть его на великія дѣла, воскрешая въ націи героевъ, а потому появленію такихъ изданій можно только радоваться и желать ихъ самаго широкаго распространенія.

... Книжка издана на хорошей бумагѣ и напечатана шрифтомъ, пригоднымъ для чтенія и простолюдина; при теперешней же дороговизнѣ печатнаго дѣла, цѣна этой книги (50 коп.) не дорогая.

Ф. Я. „Вѣстникъ Русской Конницы“ 1907 г. № 13.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Раненый	9
Забайкальская казачья батарея	12
Развѣдка донскихъ казаковъ.	17
Урядникъ Петровъ.	23
Геройская атака уральцевъ	24
Одинъ на пятерыхъ	29
Набѣгъ казаковъ	33
Засада	38
Изъ боевой жизни сибирскихъ казаковъ	42
На казачьихъ аванпостахъ	48
Изъ разсказовъ о казакахъ	51
Набѣгъ коннаго отряда ген. Мищенко въ маѣ 1905 г. на Факу- мынь-Синминтинъ	— 54
Стихотворенія: Не орелъ, весной улетаая въ высь	81
За Шахе—рѣкой средь Манчжуріи	—
Боевая казачья пѣсня	82
Завѣтъ казачки.	83
Пѣсня о боѣ казачьей дивизіи ген. Самсонова	84
Атака	86

Раненый.

.....
.....
Я только что повернулъ лошадь, чтобы ѣхать назадъ, какъ услышалъ сбоку въ гаолянѣ стоны и шорохъ раздвигаемыхъ стеблей.

Два казака несли третьяго, четвертый велъ ихъ лошадей. Раненый сильно стоналъ. Его лѣвая нога была вся разбита осколкомъ гранаты и, окровавленная, безжизненно моталась.

— Ой, моченьки моей нѣтъ, лучше, пари, бросьте, силъ моихъ нѣтъ дальше терпѣть, ой, святая Богородица!

— И то чтоль, куда его потащимъ, — сурово кинулъ казакъ. — Какіе тутъ лазареты, когда слышно японецъ уже станцію занимаетъ! Только замучимъ его, да и сами въ плѣнъ попадемся.

— А что-жъ такъ бросать — тоже хорошо что-ли? Нѣтъ уже взяли, такъ понесемъ...

Дорога, на которую они вышли, спустилась подъ горку, переехала мелкій ручей и выбралась въ деревню. Здѣсь, на улицѣ, стояли двуколки подъ парусиновымъ тентомъ съ краснымъ крестомъ, видны были приморскіе драгуны, докторъ, священникъ и молодая сестра въ амазонкѣ цвѣта хаки и въ круглой тропиче-

ской шляпѣ. И такъ было странно видѣть подъ деревомъ, въ этой боевой обстановкѣ лошадь, посѣдланную дамскимъ сѣдломъ.

— Вишь и попали... — обрадовался казакъ, — а ты говоришь бросить — чорта съ два бросить — тебя бы самого этакъ...

— Раненаго принесли, — обратился одинъ изъ драгунъ къ сестрѣ.

Что прикажете дѣлать?

— Давайте носилки... приказала сестра.

Голосъ у нея былъ негромкій, мелодичный, но въ ноткахъ этого голоса чувствовалась и привычка и умѣнье командовать и приказывать.

— Барыня, японцы видать уже станцію заняли, — озабоченно доложилъ ей рослый драгунъ съ георгіевскими крестами на груди. И въ этомъ обращеніи — «барыня», а не «сестра», или «сестрица» виднѣлось уваженіе, а не жалостливость, которую обыкновенно испытываетъ нашъ солдатъ при видѣ сестры.

— Ну такъ что же? Не бросить же его! — Драгунъ промолчалъ. Подошелъ докторъ, фельдшеръ, разрѣзали и сняли сапогъ.

— Раздробленіе кости, — покачавъ головой, проговорилъ докторъ и началъ медленно и осторожно размывать рану и готовить бинты. А въ двухъ верстахъ отъ нихъ трещали выстрѣлы, и наши залпы все рѣже и рѣже имъ отвѣчали; видно было, что казаки отходили. Но вотъ перевязка кончена. Сестра приготовила воду съ виномъ и дала казаку, который примолкъ было во время перевязки.

— Ахъ хорошо, сестричка, вотъ хорошо, — заговорилъ онъ. Теперь мнѣ съ товарищами бы проститься.

— Подойдите, казаки, — проговорила сестра, — можетъ то варищъ вамъ скажетъ что-нибудь.

Драгуны тѣмъ временемъ втягивали носилки на двуколку и укрѣпляли ихъ на ремняхъ.

Казаки, оставивъ лошадей, подошли къ двуколку.

— Передайте командиру сотни, — проговорилъ съ разстанов-

Казачья засада въ Гаюляхъ.

кой казакъ, — что, моль, меня ранили. Граната разорвалась и перебила мнѣ ногу. Что прошу его, чтобы коня моего-товарища

поберегли, правильный конь. А ранили через то, что за вещами его благородія хорунжія ѣздили. Кабы не вещи... Я его не виню, а такъ, ежели спросить, зачѣмъ, молъ, поѣхалъ. Я выздоравлию опять служить буду

(Изъ „Года войны“ П. Краснова, т. I.)

Забайкальская казачья батарея.

Въ книжкѣ Д. И. Аничкова «Пять недѣль въ отрядѣ генерала Мищенко» разсказывается между прочимъ о томъ, какъ работала на войнѣ Забайкальская казачья батарея.

Отряду генерала Мищенко, въ составъ котораго входила названная батарея, поручено было прикрывать отступленіе нашихъ войскъ къ Хайчену.

Отрядъ занялъ позицію близъ ущелья, выходящаго на долину Саньченцы.

Часамъ къ одиннадцати на полныхъ рысяхъ прибыла забайкальская батарея. Заглянувъ въ карту, измѣривъ разстояніе циркулемъ, войсковой старшина Гавриловъ командовалъ «огонь».

Рывнуло первое орудіе, —недолетъ. Рывнуло второе, —перелетъ. Третій снарядъ уже разорвался надъ головами японцевъ, о чемъ сейчасъ же донесли сигнальщики, наблюдавшіе съ высокой сопки за паденіемъ нашихъ снарядовъ. А черезъ часъ загрохотали и непріятельскія пушки, и на насъ посыпались горныя гранаты, а затѣмъ и крупныя «шимозы», вздымавшія при разрывѣ цѣлые столбы черного, удушливаго дыма. Съ нестерпимымъ шипѣніемъ и воемъ летѣли эти «шимозы» черезъ наши головы, поразая все пространство позади насъ и разрываясь то въ самомъ ущельи, то между горами, и тогда особенно гулко отдавались эти страшные оглушительные разрывы. Казачьи полки, стоявшіе въ

резервъ за нашимъ флангомъ, стали терпѣть отъ снарядовъ, и ихъ пришлось отвести; наши коноводы (штабные), пріютившіеся было въ оврагъ позади насъ, также должны были перемѣнить нѣсколько разъ мѣсто, чтобы не нести напрасныхъ потерь. Лошади, напуганные гуломъ «шимозъ», вырывались изъ рукъ и, задравъ кверху хвосты, носились по ущелью.

Дѣйствительно, эффектъ отъ разрыва «шимозъ» очень сильный; но дѣйствіе ихъ, весьма разрушительное при попаданіи въ постройки, или окопы, мало дѣйствительно, если поражать приходится стрѣлковыя цѣпи, отдѣльно стоящія батареи и т. д. Дѣйствіе разрыва фугасное, т.-е. осколки разбрасываются очень мало въ стороны и летятъ фонтаномъ кверху. Но видъ разрыва отъ вылетающаго клуба густого черного дыма очень страшенъ и производитъ весьма непріятное впечатлѣніе.

Подъ этимъ непріятнымъ впечатлѣніемъ шимознаго огня намъ пришлось пробыть цѣлый день вплоть до сумерекъ, при чемъ солнце жгло насъ немилосердно, и мы совершенно изнемогали отъ его палящихъ лучей. Некуда было укрыться отъ невыносимой жары, потому что вблизи не было ни одного кустика, и мы кое-какъ прятались подъ растянутыми на пикахъ двумя-тремя полотнищами казачьихъ палатокъ.

Но, несмотря на очень сильный огонь, потерь въ нашихъ батареяхъ за весь день почти не было благодаря очень искусному ихъ расположенію и тщательной маскировкѣ. Лишь два снаряда попали въ забайкальскую батарею, но по какой-то необыкновенно счастливой случайности все обошлось благополучно. Одинъ снарядъ «шимоза» упалъ впереди батареи въ нѣсколькихъ шагахъ отъ орудій и не разорвался; другой попалъ подъ самое дуло одной изъ пушекъ и также не разорвался, но лишь поднялъ громадный столбъ пыли и камней, при чемъ однимъ камнемъ ушибло артиллерииста, только-что собиравшагося дать вы-

стрѣль. Казакъ упалъ отъ удара, но тотчасъ же вскочилъ, снова схватился а шнуръ и дернулъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Между тѣмъ впечатлѣніе отъ паденія этого снаряда было ужасное, и мы, стоя на сосѣднемъ холмикѣ, принявъ черную пыль за столбъ дыма, одно мгновеніе думали, что батарея разлетѣлась въ клочья. Но вотъ пыль разсѣялась, и мы увидали всѣхъ артиллеристовъ на своихъ мѣстахъ, совершенно хладнокровно продолжавшими свое дѣло, какъ будто около нихъ ничего не произошло. Войсковой старшина Гавриловъ, сидя около перваго орудія съ папирской въ зубахъ, тѣмъ же спокойнымъ тономъ продолжалъ подавать команды.

Генералъ пришелъ въ восторгъ отъ этой удивительной храбрости батареи. Ни одинъ человекъ не шевельнулся съ мѣста, не нагнулся, не присѣлъ! Только ушибленный, свалившись отъ удара, выпустилъ шнурокъ изъ рукъ. Но черезъ минуту, оправившись, онъ уже далъ выстрѣлъ...

— Спасибо, молодцы-забайкальцы! — крикнулъ генералъ, и на лицѣ его заиграла довольная улыбка.

Да, этими людьми можно было гордиться! Гавриловъ и всѣ офицеры и нижніе чины 1-й забайкальской батареи были истинными героями во всѣхъ бояхъ, гдѣ имъ приходилось участвовать. Они не знали, что значить бояться и не исполнить своего долга. Подъ самымъ страшнымъ огнемъ они работали у своихъ орудій такъ же хладнокровно, какъ на смотре или маневрахъ; батарейный командиръ, не обращая никакого вниманія на лопавшіеся около него снаряды, никогда не возвышалъ голоса, не волновался и совершенно спокойно командовалъ прицѣлъ и трубку.

Развѣдка донскихъ казаковъ.

17-е октября—день чудеснаго спасенія Ихъ Императорскихъ Величествъ отъ грозившей имъ опасности при крушеніи поѣзда и день войскового праздника войска Донскаго. Въ этотъ день въ Новочеркасскѣ совершается церемонія круга, выносятъ старыя знамена, штандарты и регалии, станичники молятся за казаковъ, убитыхъ за честь и славу Тихаго Дона, молятся и за тѣхъ, кто призванъ въ новую тяжелую войну послужить этой великой славы донской. Въ этотъ день у насъ въ тылу позиціи совершалось передвиженіе корпусовъ съ одного фланга на другой и для того, чтобы отвлечь вниманіе японцевъ отъ этого движенія, донской казачьей дивизіи въ составѣ 19-го, 24-го 25-го полковъ и 3-го донскаго артиллерійскаго дивизиона, подъ общимъ начальствомъ генерала Телешева, было приказано усилить развѣдки и возможно больше беспокоить непріятеля на его лѣвомъ флангѣ. Въ 7 часовъ утра донцы собрались въ деревнѣ Сюлюбтай и двинулись на деревни Ямандапу, Фудядуанза и Лидіантунь. У деревни Ямандапу въ небольшой балочкѣ отрядъ остановился и полковники и войсковые старшины были собраны для полученія приказаній.

— «Непріятель занимаетъ линію укрѣпленныхъ деревень къ югу отъ насъ отрядами изъ трехъ родовъ оружія,—сказалъ генералъ и, поднявъ густыя черныя брови, пытливо оглядѣлъ своихъ сотрудниковъ. Они стояли молча и слушали внимательно. Красавецъ генералъ Абрамовъ съ сѣдыми волнистыми бакенбардами задумчиво разглаживалъ ихъ холеной рукою. Командиръ 19-го полка, плотный чернобородый мужчина, былъ весь вниманіе—его сотни были въ авангардѣ, немного поодаль стояли полковникъ М. и войсковой старшина П. Рѣчь начальника дивизіи лилась медленно и спокойно. Казалось, онъ выяснялъ обстановку ма-

невра, который вотъ-вотъ долженъ разыгратъ между этихъ сѣ-рыхъ деревень въ поляхъ тихо колышущагося гаоляна.

— Вы, — обратился начальникъ дивизіи къ командиру 19-го полка, — спѣшите три сотни и наступайте на деревню Фудядуанзу. Одна сотня атакуетъ съ сѣвера, а двѣ съ востока. Вы, — указалъ генералъ Телешовъ войсковому старшинѣ П., — спѣшите двѣ сотни

На сторожевомъ посту.

и наступайте восточнѣе д. Подсентунъ на деревню Цинзянтунъ и, обойдя ее, завладѣйте ею. Артиллерія, — обратился начальникъ дивизіи къ полковнику К., — станетъ между полками и обстрѣляетъ сначала деревню Фудядуанзу, а послѣ ея очищенія непріателемъ пусть перенесетъ огонь на деревню Лидіантунъ. 26-му полку быть въ резервѣ. Обезпеченіе лѣваго фланга — на заставу, бывшую въ деревнѣ Кулитдай, праваго фланга на 24-й полкъ.»

Былъ девятый часъ утра чуднаго теплаго осенняго дня, когда казаки 19-го полка, согнувшись, съ винтовками на пере-

вѣсь, вошли въ поля гаоляна и черными точками разсѣялись по равнинѣ. Затаракхѣли выстрѣлы и на поддержку имъ заскрипѣла, мощно раздвигая воздухъ, жестокая шрапнель донскихъ батарей. Донцы наступали, какъ на маневрѣ. Быстро обстрѣлявъ деревню, изъ которой имъ отвѣчали пачками двѣ роты пѣхоты и два орудія, они начали подъ сильнымъ огнемъ перебѣжки и подошли къ деревнѣ. Японцы скоро утихли, они поспѣшно покидали деревню и спѣшенные казаки вошли въ нее. Она еще носила слѣды боя и отступленія. Казалось, что она еще была теплая отъ жизни, бывшей въ ней лихорадочнымъ пульсомъ, отъ вражьей крови, улившей тамъ и тамъ стѣнки окоповъ. Биноклъ валялся на дорогѣ; двѣ пары сапоговъ со шпорами остались увязши въ болотѣ; недоѣденная коробка консервовъ съ рисомъ и рыбой, патроны и наръзанныя для обѣда порціи мяса и жареной говядины лежали между фанзъ. Жизнь, устроившаяся здѣсь, прочно кипѣла въ этой деревнѣ обычнымъ порядкомъ. Нападеніе было неожиданно. Отступление поспѣшное.

Спѣшенные казаки заняли опушку деревни, а войсковой старшина П. вызвалъ охотниковъ пойти на развѣдку деревни Лидіантунъ. Охотниковъ вышло по 8 человекъ отъ сотни; съ ними пошелъ хорунжій Полковниковъ. Быстро подкрался охотники на 150 шаговъ къ деревнѣ и залегли, разсматривая стѣнки деревни, фанзы, улицы. Тамъ слышался шорохъ, чужая команда на незнакомомъ языкѣ, разговоръ, виднѣлись черныя шапки съ желтыми околышами, ружья. Большой отрядъ пѣхоты, силою до двухъ баталіоновъ, занималъ поспѣшно окопы: два орудія стояли на позиціи, къ нимъ быстро подвезли еще шесть орудій. Одинъ изъ охотниковъ, казакъ Февралева, пробрался въ самую деревню, пересчиталъ орудія и опредѣлилъ точно ихъ мѣсто расположенія.

Хорунжій Полковниковъ тоже подкрался къ самой деревнѣ и, видя недостатки нашихъ снарядовъ, вернулся къ батарее и указалъ ей точно мѣсто стоянки непріятеля.

Подъ огнемъ нашихъ батарей японцы начали очищать и деревню Лидіантунъ и постепенно выводить изъ нея свои орудія. Тогда генераль Т. приказалъ постараться, если возможно охватить отступавшія орудія. Войсковою старшина П., получивъ это приказаніе, направилъ 3-ю сотню есаула Косоротова въ обходъ и нѣсколько въ тылъ непріятелю. Съ есауломъ Косоротовымъ было три взвода и ни одного офицера. Одинъ взводъ у него при офицерѣ былъ на заставѣ—на охраненіи фланговъ, а второй офицеръ ушелъ въ разѣздъ.

Тихо, склонивши дротики на бедро, разсыпалась по густому гаолянѣ сотня есаула Косоротова. Укрытая высокими стеблями, она незамѣтно подавалась впередъ и впередъ и вдругъ увидали на опушкѣ деревни на дорогѣ два орудія, стоявшія, какъ показалось есаулу Косоротову, безъ прикрытія. Есауль Косоротовъ изъ старыхъ есауловъ, невидный, спокойный, хорошій хозяинъ; онъ, казалось, былъ человѣкомъ неспособнымъ уже на молодой порывъ, на отчаянный подвигъ. Но текла въ немъ кровь казачья. Текла и кипѣла, и бурлила, и волновалась, и не могла эта кровь не пробудиться при видѣ вражескихъ орудій. Ударилъ нагайкой подъ шебенекъ своего машака Косоротовъ и съ крикомъ «на батарею!» вынесся впередъ. Ураганомъ полетѣла за нимъ сотня. Они неслись «какъ сумасшедшіе»,—разсказывалъ мнѣ очевидецъ этой атаки, бывшій со спѣшенными людьми, командиръ пятой сотни есауль Леоновъ,—ничто не могло ихъ удержать. Пѣхота, бывшая за каменными стѣнками китайской деревни, открыла сильный огонь по лавѣ, заговорили картечью и орудія. По силѣ огня казалось, что никто не дойдетъ до цѣли,—все погибнуть. Но точно эта атака была на маневрахъ, будто холостыми патронами стрѣляли японцы; цѣлая и невредимая летѣла бѣшеная лава...

Бодрые легкіе кони перепрыгнули черезъ два стрѣлковыхъ окопа, изъ которыхъ одинъ былъ занятъ стрѣлявшей пѣхотой.

Уже не больше полутора ста шаговъ оставалось до батареи. Орудія перестали стрѣлять и передки подлетали къ нимъ. Но не судилъ, видно, Богъ даровать казакамъ въ ихъ войсковой праздникъ блестящую побѣду...

Упалъ вѣрный конь подъ есауломъ Косоротовымъ. Казакъ Власовъ подвелъ ему свою лошадь, а самъ остался сзади, но едва командиръ сотни сѣлъ на него, какъ и этотъ конь былъ убитъ и самъ есауль Косоротовъ раненъ въ обѣ ноги... Казакъ Власовъ взялъ его подъ руки и велъ въ гаюлянъ, къ нему подѣхалъ находившійся въ разѣздѣ казакъ Ашининъ и вывезъ его изъ боя.

Потерявшая своего командира лава неслась еще нѣсколько секундъ на деревню, руководимая вахмистромъ. Но послѣдній выстрѣлъ изъ орудія стаканомъ разорвавшейся шрапнели перебилъ его пополамъ. Въ это же время лѣвофланговый взводъ запутался въ проволочной сѣти — и произошло замѣшательство, раздались крики «назадъ, тутъ проволока», — произошла заминка. А въ такомъ дѣлѣ, какъ кавалерійская атака, не должно быть заминки.

— И вотъ остановились... остановились въ ста шагахъ отъ брошенныхъ орудій... и повернули...

Разбѣжавшаяся было прислуга вернулась къ орудіямъ, пѣхота залегла въ цѣпи и снова открыла огонь. Лихая атака была отбита. Все больше и больше поле стало покрываться пѣшими, медленно идущими казаками и тѣлами убитыхъ. Въ проволокахъ лежали темныя массы убитыхъ людей и лошадей.

32 казака было ранено и 15 осталось въ проволокахъ, неизвѣстно убитые или раненые. Лошадей было ранено 37, убито 33.

Такъ неудачей окончилась эта лихая атака, полная кавалерійскаго порыва, смѣлости и отчаянія... Но прошло день, два и стало крѣпнуть среди казаковъ убѣжденіе, что атаковать въ конномъ строю можно. И стали ждать станичники удобнаго момента, и эти жертвы казачьей удали пошли на пользу казачьему дѣлу.

Многіе раненые уже вернулись въ строй, на-дняхъ ожидается и есаулъ Косоротовъ, совершенно излѣчившійся отъ своихъ ранъ. Сейчасъ по отбитіи нашей атаки, японская батарея, вновь усилившись шестью орудіями, перенесла огонь на коноводовъ, которые стояли у деревни Фудядуанза, и коноводовъ пришлось отвести въ сторону. Между тѣмъ, полковникъ К. переѣхалъ на новую позицію и открылъ сильный огонь по деревнѣ Лидіантунъ, ему отвѣчали непріятельскія батареи бомбами шимозе и шрапнелями, но, благодаря ровикамъ, которые казаки успѣли вырыть подлѣ орудій, на батареѣ было легко ранено только два казака, несмотря на то, что японцы быстро пристрѣлялись и перешли на шрапнель и на пораженіе.

Въ это же время двѣ сотни 24-го донскаго полка подвигались впередъ въ пѣшемъ строю къ деревнѣ Цинзятунъ. Когда онѣ были въ 500 шагахъ отъ деревни, сотни были встрѣчены огнемъ спѣшенныхъ японскихъ драгунъ. Сотни начали перебѣжки и вскорѣ вытѣснили японцевъ и изъ этой деревни. При преслѣдованіи казаками японской конницы, вахмистромъ 2-й сотни Даниловымъ въ занятой нами деревнѣ была найдена полевая сумка японскаго кавалерійскаго офицера съ планами, записками и пр. Стѣны деревни противъ бойницъ были покрыты кровью. Японская 4-хъ орудійная батарея, стоявшая южнѣе деревни Цинзятунъ, одно время обстрѣливала эту деревню, еще занятую японцами, потомъ, вѣроятно замѣтивъ свою ошибку, перенесла огонь дальше.

Было около трехъ часовъ дня. Уже шестой часъ длился стрѣлковый бой донцовъ. Обстановка для генерала Т. становилась все яснѣе и яснѣе. Японцы были отвлечены къ мѣсту боя, и корпуса, передвигавшіеся съ фланга на флангъ, оканчивали свои передвиженія.

Сыграли сборъ и вернулись въ свои деревни...

(Красновъ. «Русск. Инв.»).

Урядникъ Петровъ.

Во время сраженія подъ Дашичао командиръ 1 корпуса генералъ Штакельбергъ находился со своею свитою на артиллерійской позиціи, расположенной на высокой сопкѣ.

4-я сотня 8-го сибирскаго казачьяго полка, входившая въ составъ резерва, была расположена у подошвы сопки въ углубленной долинь.

Разстояніе между этой сотней и артиллерійской позиціей, сажень въ 200, безпрестанно обстрѣливалось японцами орудійнымъ огнемъ.

День былъ невыносимо жаркій; люди изнемогали отъ духоты и жажды.

Вдругъ, въ самый разгаръ боя, на открытомъ склонѣ горы показался человѣкъ, который, несмотря на градъ снарядовъ, медленно поднимался на артиллерійскую позицію.

Командиръ корпуса и вся свита, заинтересовавшись смѣльчакомъ, наблюдали за его движеніемъ.

Когда человѣкъ поднялся на позицію и подошелъ ближе, то находившійся въ числѣ свиты командиръ 4 сотни есаулъ Долженко узналъ въ немъ урядника своей сотни Петрова.

Петровъ несъ въ одной рукѣ котелокъ, а въ другой чайникъ.

— Петровъ! зачѣмъ сюда?—окликнулъ его есаулъ Долженко.

— Принесъ, вотъ, чайку для г.г. офицеровъ да водицы, ваше выдѣ.

— Кто послалъ?

— Такъ что я самъ... Вижу, значитъ, жара, а воды на верху не достать. Вскипятить я чайку, а въ котелокъ взять водицы и понесъ сюда. Кушайте на здоровье.

Генералъ Штакельбергъ, наблюдавшій эту сцену и слышавшій докладъ Петрова, привѣтливо крикнулъ ему:

— Спасибо, голубчикъ, молодецъ!

— Радъ стараться, ваше превосходительство, какъ-то нерѣшительно отвѣтилъ Петровъ, очевидно недоумѣвая, за что собственно благодарить его генераль.

Молодецъ-урядникъ, изъ побужденія своего добраго сердца, заботясь о своихъ офицерахъ, даже и не подозрѣвалъ, что онъ совершаетъ геройскій подвигъ.

И. Тонковъ.

Геройская атака уральцевъ.

Въ журналѣ «Вѣстникъ Русской Конницы» извѣстный талантливый писатель П. Н. Красновъ описываетъ лихой наѣздъ на японцевъ сотни уральскихъ казаковъ подъ командой подѣсаула Желѣзнава.

Это было 3 года тому назадъ—18 апрѣля 1905 г. Уральская казачья бригада—4-й и 5-й полки, согласно приказанію генералъ-адъютанта Мищенко, въ отрядъ котораго она входила, 18 апрѣля 1905 г. выступила изъ мѣстечка Ляоянь-вопынь на югъ.

Это были дни стоянки на Сыпингайской позиціи, дни, когда объ громадныя арміи послѣ 2-недѣльной потасовки подъ Мукденомъ разошлись и собирались съ силами; это было въ тѣ дни, когда на передовыхъ позиціяхъ не понимали, какъ все это вышло и почему произошло такое поспѣшное отступленіе и почему тамъ, гдѣ ожидалась побѣда, было пораженіе. Это было въ тѣ страшные дни, когда въ тылу проповѣдывали невозможность войны и настоятельную нужду заключить миръ.

Но бодро, дѣлая привычное дѣло, выступали уральцы. Впереди шелъ 5-й полкъ, выславшій въ авангардъ 2-ю сотню, подъ командой есаула Исѣева, за 5-мъ полкомъ шелъ 4-й, имѣя сотни въ порядкѣ номеровъ.

Сильный юго-западный вѣтеръ поднялъ тучи пыли и песку, слѣпилъ глаза и скрывалъ за сѣрой пеленою горизонтъ.

Шли поэтому осторожно и тихо, по компасу.

Верстахъ въ 14 отъ Ляоянъ-вопыня остановились и слѣзли. Былъ сдѣланъ привалъ. Людямъ разрѣшили варить чай. Офицеры забили въ пустую фанзу и наскоро закусывали, запивая чаемъ, быстро разогрѣтымъ расторопными вѣстовыми.

Вдругъ скрипнула дверь на деревянныхъ петляхъ и въ фанзу вошелъ командующій 4-мъ полкомъ войсковой старшина Мякушкинъ. Онъ подозвалъ къ себѣ командира 4-й сотни, подѣсаула Желѣзнова, и сказалъ ему:

— Командующій бригадой приказалъ вамъ идти съ вашей сотней въ обходъ впереди лежащей деревни, занятой противникомъ. О подробностяхъ узнаете у бригаднаго.

Командующій бригадой сообщилъ Желѣзнову слѣдующее:

— По свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ нашихъ разъѣздовъ, впереди лежащая деревня Цаудіюа занята 400 — 500 японскими кавалеристами, есть среди нихъ и хунхузы. Есть ли тамъ пѣхота—неизвѣстно. Идите съ сотней въ обходъ этой деревни съ западной стороны, съ восточной пойдетъ 4-я сотня 5-го полка. Дѣйствуйте по своему усмотрѣнію.

Подѣсаулъ Желѣзновъ, выйдя отъ командующаго бригадой, собралъ свою сотню и объявилъ казакамъ о полученномъ приказаніи. Бородатые, угрюмые, запорошенные пылью лица уральцевъ оживились. Въ глазахъ блеснулъ радостный огонекъ.

— Будетъ дѣло! не зря ходили!

— Ну, съ Богомъ! — говорили казаки, снимая фуражки и набожно крестясь.

Сотня сѣла на коней и тронулась.

Дойдя до авангардной сотни, есаулъ Желѣзновъ свернулъ на западъ и, отойдя рысью около версты, снова пошелъ на югъ.

Впереди, въ походной заставѣ, шелъ 1-й взводъ, подъ командой сотника Щепихина. Онъ шелъ лавою, строго держа направленіе на югъ. Порывы вѣтра то и дѣло скрывали его въ облакахъ желтой пыли и только туманные силуэты всадниковъ мелькали изрѣдка въ мутной кисей пыльного урагана. Сотня тоже разсыпалась въ лаву и по песчанымъ буграмъ скоро и ходко подавалась впередъ, по сторонамъ маячили дозоры.

Прошли версты 4 и никого не видали. На востокъ бухнуло 2—3 выстрѣла и тѣ какъ-то не произвели впечатлѣнія, заглушенные воемъ стремительнаго вѣтра и сумракомъ песчаного смерча.

Незамѣтно надвинулся длинный курганъ, тянувшійся съ сѣвера на югъ отъ юго-западной окраины деревни Цаудіона. Командиръ сотни остановилъ ее, далъ людямъ оправиться, а самъ сѣлъ писать донесеніе.

На минуту вѣтеръ стихъ. Стало виднѣе. Желѣзновъ вызвалъ лихова урядника Максима Хандохина, назначилъ ему 4-хъ казаковъ и приказалъ проѣхать черезъ деревню Цаудіона, южная окраина которой вдругъ стала видна сзади и слѣва.

Развѣздъ поскакалъ. Прошло 5—6 томительныхъ минутъ и изъ деревни примчался казакъ отъ Хандохина съ донесеніемъ на словахъ, что по улицѣ рысью ѣдетъ японская кавалерія, силою менѣе эскадрона, и направляется къ южному выходу.

Командиръ сотни сейчасъ же послалъ приказаніе на правый флангъ лавы:

— Возможно скорѣе заходить правымъ плечомъ, сотня атакуетъ непріятельскую кавалерію.

Лѣвый флангъ приказано было немного осадить, повернувши лаву фронтомъ на востокъ.

Между тѣмъ отъ Хандохина прискакалъ второй посланный съ донесеніемъ, что на другой улицѣ той же деревни идетъ еще ка-

валерія, но силы за бурей опредѣлить невозможно. Идутъ рысью на юго-востокъ.

И сейчасъ же въ проблескахъ песчаной бури стали показываться два темныхъ силуэта взводныхъ колоннъ, выходившихъ изъ деревни. Ближайшая къ лавѣ сотни часть была не менѣе эскадрона, немного дальше шла другая, нѣсколько меньшая. Обѣ шли рысью.

Японцы шли, повидимому, не подозрѣвая присутствія сотни у кургана. Когда голова японской колонны стала подходить къ краю сотни, сотникъ Щепихинъ, отчаянный молодецъ и лихой наѣздникъ, сорвался съ мѣста и, сопровождаемый приказнымъ Ѳедосѣемъ Вавилинымъ и казакомъ Иваномъ Дубовымъ, помчался на японцевъ. Всколыхнулась змѣею за ними и сотня и съ гикомъ вынеслась изъ-за кургана.

Японцы до того были поражены видомъ несущихся, какъ бы изъ земли выросшихъ казаковъ, что совершенно растерялись. Первый полуэскадронъ, не принявъ атаки, бросился въ разсыпную; вторая половина повернула было на сотню, но уже казаки напали на нее. Заработали уральскіе клинки, нанося тяжелые, смертельные удары, и посыпались японцы, какъ подкошенная трава на землю. Кое-кто изъ японцевъ успѣлъ соскочить съ лошади и открыть стрѣльбу, но эти смѣльчаки были тутъ же изрублены. Иные, не надѣясь на свои сабли, стрѣляли изъ револьверовъ.

Шедшая сзади часть японцевъ, увидя гибель товарищей, повернула на востокъ и помчалась удирать карьеромъ отъ казачьихъ пашекъ. Сотникъ Щепихинъ съ Вавилинымъ и Дубовымъ помчались наперерѣзъ уходившему командиру японскаго эскадрона и убили его. Уральцы гнали японцевъ 4 версты, пока не наткнулись на пѣхотныя части.

Въ это время лѣвый дозоръ донесъ, что съ востока рысью идетъ кавалерійская часть, но трудно разобрать — какая. Подсаулъ Желѣзновъ выслалъ навстрѣчу ей разъѣздъ и приказалъ

трубить сборъ. Но это оказалась 4 сотня 5-го полка, спѣшившая на выстрѣлы.

Въ этой смѣлой атакѣ у японцевъ убитъ эскадронный командиръ, одинъ младшій офицеръ и около полусотни нижнихъ чиновъ, взято въ плѣнъ 11 чел. и 96 лошадей съ сѣдлами, много винтовокъ и сабель.

4-я сотня имѣла въ строю въ этотъ день 75 чел. Убитыхъ въ ней не было, ранено 9, изъ нихъ 5 настолько легко, что остались въ строю, а изъ 4-хъ отправленныхъ въ госпиталь, 3 вернулись въ строй недѣли черезъ 3 и только 1 казакъ, раненный ружейною пулею въ ногу, былъ отправленъ на родину. Изъ 9 раненыхъ 7 были ранены саблями, 1 револьверной и 1 ружейной пулями. Лошадей убито 2—обѣ ружейными пулями.

Наскоро перевязавши раненыхъ, сотня пошла на присоединеніе къ бригадѣ.

На посланномъ объ этомъ дѣлѣ донесеніи генераль Мищенко написалъ:

«Благодарю лихую 4-ю сотню во главѣ съ командиромъ сотни и господами офицерами. Уральцамъ и буря не мѣшаетъ»...

Командиръ сотни былъ награжденъ за этотъ подвигъ орденомъ св. Георгія 4-й степени, офицеры: сотникъ Щепихинъ произведенъ за отличіе въ подьесаулы, сотникъ Голиковъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ, заурядъ-прапорщикъ Безбородковъ—знакомъ отличія военного ордена 2-й степени. Изъ наиболѣе отличившихся казаковъ — 23 чел. получили знаки отличія военного ордена, въ томъ числѣ урядникъ Хандохинъ, приказный Вавилинъ и казакъ Дубовъ.

Да, чтобы теперь ни говорили и ни писали, но русскіе воины были, какъ и всегда, героями и дѣлали свое дѣло. Побѣда наша была несомнѣнна, и если этой побѣды мы не получили, то въ этомъ виновата не доблестная русская армія.

Одинъ на пятерыхъ.

Во время войны съ Японіей Великій Сибирскій путь охранялся особыми отрядами. Отряды эти выставляли часовыхъ, посылали въ обѣ стороны пути казацкіе разъѣзды и сами находились въ постоянной готовности, чтобы отразить непріятеля, который не разъ пытался разрушить мосты и самый путь. Случалось, что и казацкіе разъѣзды, удалясь на значительное разстояніе отъ своихъ отрядовъ, подвергались нападенію хунхузовъ. Объ одномъ изъ такихъ нападеній на казачій разъѣздъ помѣщенъ въ журнала «Досугъ и Дѣло» за августъ 1907 г. интересный рассказъ Федора Чернаго.

Дѣло происходило зимою. Стояла темная ночь. На манджурскихъ поляхъ бѣшено крутила снѣжная буря.

«Одинъ изъ казацкихъ разъѣздовъ въ пять человекъ, рассказываетъ авторъ, находился въ эту ночь въ открытѣмъ полѣ далеко отъ полотна. Тьма мутная, непроглядная. Снѣгъ закидывалъ ихъ съ конями.

«Разъѣздъ всего менѣе ожидалъ нападенія въ такое время. Кто бы могъ отважиться на рискованное дѣло, гдѣ, кромѣ пуль отъ сильной охраны, пурга могла заживо похоронить смѣльчаковъ подъ сыпучимъ бѣлымъ саваномъ. Въ ближайшихъ манджурскихъ деревняхъ скрываться враги не могли, значитъ, ѣхать приходилось издалека, за 40—50 верстъ.

«Разъѣздъ вѣхалъ въ небольшую рощицу и спѣшилъ, чтобы хоть немного поразмять окоченѣвшіе члены.

— А что, братцы, если огонекъ развести?—предложилъ казакъ Варинь.

— Гдѣ ужъ тутъ съ огонькомъ! — возразили товарищи. — Тутъ на ногахъ не удержишься, а онъ тоже съ огнемъ.

— Сейчасъ васъ отогрѣю!—рѣшилъ казакъ Лыченко.

— Ничего не выйдетъ. Когда бы настоящій лѣсъ былъ, а то что?

— Сейчасъ отогрѣю!—повторилъ упрямо казакъ.

Дѣйствительно, вещь нелегкая — развести огонь въ снѣгу, когда вьюга залѣпляетъ глаза. Но для Лыченко, кажется, не было такого невозможнаго, чего бы онъ захотѣлъ сдѣлать и не сдѣлалъ,

Это былъ прямой потомокъ отважныхъ спутниковъ Ермака, которые въ числѣ пятисотъ человекъ завоевали пространство въ три раза болѣе тогдашней Россіи. Лыченко душой и тѣломъ — казакъ. Рослый, гибкій, увертливый; а удали, хладнокровія и хитрости—хоть отбавляй.

И конь у него подъ пару хозяину; голосъ Лыченка онъ отличалъ изъ цѣлой сотни. «Собака», какъ прозывался онъ, рвалъ и металъ подъ ловкимъ наѣздникомъ. На джигитовкѣ казакъ стрѣлялъ съ ушей «Собаки» на полномъ скаку.

Лыченко отличался угрюмымъ характеромъ. Рѣдко его видѣли веселымъ, разговорчивымъ. Съ однимъ своимъ конемъ онъ только и былъ ласковъ до нѣжности, какъ съ роднымъ дѣтищемъ. «Собака», должно быть, понималъ и цѣнилъ это.

Зная хорошо своего товарища, казаки избѣгали затрагивать его шутками и насмѣшками.

Лыченко спрыгнулъ съ коня, закинулъ поводъ на вѣтку и принялся шашкой рубить сухія сучья. Сильными ногами онъ раскидалъ снѣгъ до самой земли и съ помощью охапки сѣна разжегъ большой костеръ. Казаки окружили и окоченѣвшими руками хватали пышущее пламя. Нѣкоторые закурили, а Варинъ, вдѣвъ мерзлый кусокъ хлѣба на прутикъ, поджаривалъ его и ѣлъ.

— Грѣшно жечь хлѣбъ,—замѣтилъ Постниковъ.—Хлѣбъ—даръ Божій.

— Что грѣшно въ мирное время, то на войнѣ отпускается,—отвѣтилъ тотъ.

— А ну, ребята, нагрѣвайся, подгрѣпляйся, да и въ путь!—
сказаль урядникъ.

— Пусть немного утихнеть пурга, — отвѣчали ему. — Кого
нелегкая понесетъ въ такую погоду?

Иззябшимъ людямъ страшно не хотѣлось разставаться съ при-
вѣтливымъ огонькомъ. Они готовы были обманывать сами себя,
лишь бы провести минуту-другую у костра.

— Ручаться нельзя. Еще нарочито выберутъ такую ночь для
нападенія! — настаиваль урядникъ, которому тоже не хотѣлось
отходить. Но долгъ службы прежде всего.

— Только бы, черти проклятые, показались, мы ихъ пере-
стрѣляемъ, какъ куръ!

— Какъ же, черезъ нихъ мы мерзнемъ на такомъ холоду!

— Нѣтъ, не черезъ нихъ мы мерзнемъ, — началъ Постни-
ковъ, — а черезъ присягу. Сказано: «терпѣть холодъ и голодъ».
Какъ принимали ее, такъ и надо дѣлать.

Лыченко перевелъ свой тяжелый взоръ на говорившаго.

— Уйди, Постниковъ, отъ вѣтра! — сказалъ онъ. — Видишь,
дымъ крутить.

Его «Собака» услышала голосъ хозяина и привѣтливо тихо
откликнулась тѣмъ звукомъ, который лошади издають, встрѣчая
несущаго имъ кормъ. Лыченко обернулся къ ней, и поднимая
плеть, крикнулъ: «враги». «Собака» звѣрски оскалила зубы и
принялась брыкать задомъ въ пространство, порываясь при этомъ
бѣжать.

Къ такому маневру ее приучилъ казакъ съ тою цѣлью, чтобы
ее не могли увести конокрады. Онъ не утерпѣлъ не подойти къ
ней, не погладить и не отблагодарить за вниманіе кускомъ хлѣба.

— Добрый коняка! — говорили казаки, любуясь «Собакой».

— Умная скотина!

— Ученье все, значить!

— Поди ты, выучи другого, если онъ дуракъ!

— А всежъ таки выучиваютъ!

— Такъ-то такъ, а разница большая есть, какъ между людьми, такъ и скотиной.

— Какъ же нѣтъ разницы! — вмѣшался урядникъ. — Вонъ Крачинъ никакъ не можетъ выучиться говорить «амуниція». Крачинъ, скажи это слово.

Послѣдній стоялъ почти надъ костромъ, морщился отъ дыма и искръ и ловилъ вспыхивающее пламя распахнутыми полами шинели.

— Ну васъ, тутъ не до васъ! — отвѣчалъ онъ на шутку!

— Ну, мошенникъ, а то не въ очередь на работу пойдешь!

— Чего, право, ну, амур... амуриція!

— Ха-ха-ха! Вотъ чудакъ!

Огонекъ всѣхъ оживилъ. Хотѣлось веселиться и смѣяться, исключая Лыченко, на котораго, впрочемъ, не обращали вниманія.

— Что вы ржете! Мнѣ только отецъ поставилъ толстый языкъ, а я понимаю эту штуку. Ну, ремни разные, вотъ вамъ и аму... амудриція.

Новый хохотъ заглушилъ слова Крачина. Даже у Лыченки появились складки около угловъ рта.

Варинъ отошелъ отъ огня и прислушался.

— Что, мнѣ кажется все, будто кто идетъ по сугробу, — сказалъ онъ.

Всѣ оглянулись по сторонамъ; но взоры, отведенные отъ блеска костра, терялись въ темнотѣ. Прислушались — ничего не слышать. Одна пурга неистово завывала въ оголенныхъ деревьяхъ рощи.

— Какой тебѣ лѣшій лѣзетъ! Вѣтеръ шумить.

Веселья какъ не бывало. Тягостное молчаніе водворилось у костра. Варинъ прервалъ его, сказавъ:

— Ну, и ночка! Вотъ еслибы въ такую ночь напасть на деревню, гдѣ укрываются хунхузы, — была бы потѣха!

— Прямо кроши на обѣ руки! — отвѣтилъ ему Постниковъ, желая поддержать бодрое настроеніе.

Крачинъ опять прислушался.

— Стой... Да вѣдь вѣдутъ!

Всѣ выдернули винтовки изъ чехловъ и зарядили.

— На коней, ребята! — приказалъ урядникъ.

Но въ эту самую минуту во мглѣ пурги обрисовались зловѣщіе силуэты всадниковъ. Вслѣдъ затѣмъ раздались выстрѣлы и Постниковъ со стономъ упалъ на снѣгъ. Казаки отпрянули отъ костра за деревья и выстрѣлы затрещали.

Варинъ сгоряча вскочилъ было на лошадь; двое хунхузовъ окружили его. Одинъ ударилъ прикладомъ по головѣ и, когда онъ повалился, другой перенялъ его на свою лошадь. Пятеро изъ нихъ насадили на казаковъ, двое перерѣзали поводья у казацкихъ лошадей и уводили ихъ.

Хунхузы имѣли численное превосходство: ихъ напало восемь человѣкъ; темнота ночи и внезапность помогли имъ. Они, имѣя впереди плѣннаго Варина и четырехъ казацкихъ лошадей, удалялись. Выстрѣлы и съ той, и съ другой стороны не смолкали, хотя не мѣшали тѣмъ отступать. Двое китайцевъ лежали раненые въ снѣгу.

«Собака» Лыченки осталась нетронутая хунхузами, такъ какъ по крику хозяина «враги» взбѣсилась, оторвала вѣтку и убѣжала. Время не позволило заниматься ею.

Лишь только хунхузы скрылись изъ виду, какъ Лыченко поймалъ «Собаку» и вскочилъ въ сѣдло.

— Зря положишь голову, а коней не вернешь! — сказалъ урядникъ, замѣтя его намѣреніе. — Одинъ на пятерыхъ — не стоитъ соваться.

— За мной! — крикнуть въ отвѣтъ Лыченко и самъ помчался.

Голосъ его прозвучалъ такъ сурово, властно, что казаки, и

сознавъ всю нелѣпость погони пѣшими конныхъ, не могли послушаться его.

Лихой казакъ между тѣмъ догонялъ шайку. Онъ зналъ нѣсколько словъ по-китайски, и они ему пригодились въ настоящую минуту.

— Пѣшіе не догонять! — крикнулъ онъ имъ по ихнему. — Куда спѣшите?

Онъ близко не подъѣзжалъ. Тѣ, должно быть, приняли его за одного изъ оставшихся своихъ. Вой пурги помѣшалъ имъ разслушать интонацію голоса, а темнота не позволила разглядѣть одежду казака.

— Чего ждаты еще! — кинулъ ему, повидимому, старшій.

Казакъ не переставалъ ворчать по-китайски, придвигаясь все ближе и ближе къ нимъ. Хунхузы, не оборачивая закутанныхъ головъ, продолжали погонять лошадей, пряча ружья въ чехлы.

Безстрашный Лыченко присталъ сзади къ нимъ вплотную. Винтовка лежала поперекъ сѣдла, руки, согрѣтыя у костра, еще не успѣли застыть. Рукавицы онъ давно бросилъ на снѣгъ, какъ вещь, могущую стѣснять его. Глаза казака горѣли кровавымъ блескомъ.

Старшій, или начальникъ хунхузовъ, крикнулъ ему что-то, чего онъ не понялъ. Тотъ повернулъ лошадь къ нему... Рѣшительная минута. Лыченко въ отвѣтъ на его слова приложился... трахъ!.. Хунхузъ склонился безъ стона на бокъ и упалъ съ лошади. Второй тоже повалился, а онъ уже съ убійственнымъ хладнокровіемъ цѣдилъ въ третьяго, у котораго на сѣдлѣ лежалъ плѣнный казакъ.

— Уррра! — донеслось до него сзади. — Деррр-ржи, Лыченко!

— Сюда! — заоралъ онъ, стараясь перекричать бурю.

Въ то же время онъ спустилъ курокъ; третій хунхузъ склонился на шею лошади. Варинъ упалъ. Трое остальныхъ не вы-

держали, бросили захваченных лошадей и ударились въ разные стороны.

Все описанное произошло съ такой быстротой, что въ это время не было возможности вынуть винтовки изъ чехловъ.

— Скачите, чортъ съ вами!—проворчалъ казакъ, заарканивая одну изъ лошадей.

Вскорѣ прибѣжали его товарищи—урядникъ и Крачинъ. Передавъ послѣднему пойманную лошадь, Лыченко сталъ приводить въ чувство Варина.

Черезъ двадцать минутъ трое казаковъ возвращались на мѣсто первой схватки, около костра. Одинъ изъ китайцевъ еще дышалъ, другого занесло уже снѣгомъ. Постниковъ оказался легко раненымъ. Онъ хотѣлъ приколоть дышущаго китайца, Лыченко отвелъ его ударъ.

— Онъ ужъ зла не сдѣластъ никому,—сказалъ онъ.—Пусть его умретъ самъ.

Они отобрали все оружіе у побѣжденныхъ, поймали трехъ лошадей и, поднявъ Варина на лошадь, тронулись въ путь, чтобы донести кому нужно о своей побѣдѣ. Радость наполняла ихъ сердца. Одинъ Лыченко по-прежнему ѣхалъ угрюмъ и молчаливъ».

Набѣгъ казаковъ.

Корреспондентъ «Харбинскаго «Вѣстика» описываетъ одно изъ молодецкихъ дѣлъ нашихъ казаковъ.

Ночь съ 9 на 10 ноября. Небольшой отрядъ казаковъ въ 130 человекъ около дер. Матуранъ выстроился въ резервномъ порядкѣ. Казаки стоятъ по двумъ сторонамъ четырехъугольника. Ночь лунная. Въ маленькомъ отрядѣ глубокая тишина. Чувствуется торжественность момента. Раздается команда начальника

отряда подьесаула Сильнова (4 сотни 12 полка): «смирно, господа офицеры!»

При свѣтѣ луны еще издали можно было видѣть высокую фигуру приближавшагося генерала. — «Здорово, — молодцы!» «здравія желаемъ, вашество!» — глухо пронеслось по рядамъ казаковъ.

Генераль обратился къ отряду съ слѣдующей рѣчью:

— Вамъ предстоитъ молодецкое дѣло: сдѣлать набѣгъ на не-пріятеля. Ваша задача привести по возможности больше плѣнныхъ. Идите тихо, изъ ружей не стрѣляйте. Работайте только шашками и пиками. Подкрадитесь тихо, сдѣлайте свое дѣло и возвращайтесь назадъ. Все это вы должны сдѣлать въ 10 — 15 минутъ, — не-пріятеля не бойтесь! Ждать ему помощи неоткуда. Вы зайдете ему въ тылъ и по бокамъ. Надѣюсь, что задачу свою вы выполните хорошо.

— Постараемся, — глухоносится по отряду.

— Желаю вамъ успѣха, — закончилъ генераль. — Господа офицеры, пожалуйста! — Генераль пригласилъ офицеровъ подойти къ себѣ поближе. Нѣсколько словъ имъ, и генераль ушелъ къ себѣ. Послѣднія его слова были: а тамъ вы, господа, выработаете себѣ планъ нападеній въ деталяхъ.

— Дозоры впередъ.

— По конямъ, справа по три, маршъ впередъ, — и отрядъ тронулся. Шли быстрымъ казацкимъ ходомъ. Вотъ показалась дер. Синтанцзы, занятая нашей пѣхотой. Отъ нея повернули на югъ и пошли прямо къ нашимъ передовымъ постамъ.

Только изрѣдка слышны разговоры. Больше всего жалуются на луну.

— И зачѣмъ этотъ мѣсяцъ свѣтитъ, — простодушно заявляетъ одинъ казакъ.

По пути попалась маленькая деревушка. Въ ней ни души. Отрядъ на нѣсколько минутъ остановился. Казаки закурили. Иду отыскивать офицеровъ.

— Ну, какъ, господа, скоро будемъ у цѣли? — «Вотъ еще версты двѣ, и мы будемъ на нашей заставѣ». Разговоръ видимо не клеился. — Да, ты, Ванька, будешь моимъ замѣстителемъ, —

Казачій разъѣздъ.

обратился Сильновъ къ одному изъ офицеровъ. — Ахъ, виновать, вы, г. подесаулъ Хмыровъ. Раздался общій смѣхъ. — Ну, ѣдемъ.

Еще одинъ переходъ, и мы на нашемъ передовомъ посту, въ Паусяньтунѣ.

Деревня, занятая японцами—Тинцзятунъ, отъ этой заставы нашей не было 1500. Какъ разъ эта деревня избрана была для нападенія.

Пришли мы еще рано, около 11 часовъ. Набѣгъ же долженъ

быть въ 3¹/₂ часа утра. Казаки расположились за фанзами, а мы, офицеры и летучка, въ фанзѣ, довольно порядочной.

— Давайте, господа, сообща вырабатывать планъ нападенія,—предложилъ Сильновъ. Тотчасъ же поднялся общій разговоръ по русскому обычаю; трудно даже было разобрать, что такое говорятъ. Но потомъ все это улеглось.

— Позвольте, господа, — закричалъ Замятинъ: нужно принять во вниманіе мѣстность. Я знаю эту деревню.

Благодаря общимъ усиліямъ, дѣйствительно было выяснено все прекрасно. Не была забыта ни одна мелочь, ни одна подробность. И эти двѣ фанзы въ сторонѣ, и это болото, и окопы... Только осталось подъ вопросомъ обстоятельство, есть ли въ эту ночь въ окопахъ пѣхота. На всякій случай рѣшено, что хорунжій Лукинъ съ 30 конными казаками зайдетъ въ деревню справа, подъесаулъ Красновъ слѣва. Спѣшившіеся казаки, 80 человекъ подъ командой Сильнова, пойдутъ въ лобъ непріятелю, вызовутъ на себя ударъ пѣхоты, если есть она, и тѣмъ отвлекутъ вниманіе противника и дадутъ возможность коннымъ частямъ сдѣлать свое дѣло.

Планъ выработанъ, а время еще много. Рѣшили не спать, но, однако, нѣкоторые не выдержали и прилегли на каны.

Наконецъ, три часа. Начались проводы. Чувствовалось, что, можетъ быть, нѣкоторые не вернутся. Последніе поцѣлуи и последнія рукопожатія.

Казаки уже построились. Командиры частей знакомятъ ихъ съ дѣломъ; идетъ своего рода распредѣленіе ролей. Въ 3¹/₂ часа наши тронулись. Конные быстро исчезли въ темнотѣ наступающаго утра. Пѣшихъ же мы долго провожали глазами, тревожно всматриваясь въ темнѣющій силуэтъ Тинцзатуна. «Вотъ Господь Богъ помогъ бы нашимъ», слышу я позади себя. Это, оказывается, говоритъ солдатикъ съ нашей транспортной повозки.

Ждать намъ долго не пришлось. Послышались беспорядочные выстрѣлы, крики «ура» и какой-то гулъ, скорѣе вой. Затѣмъ выстрѣлы смолкли. Раздались звуки нашего сигнального рожка, а потомъ уже слышенъ говоръ какой-то.

Скоро прискакалъ казакъ. — «Ну, какъ? раненые есть у насъ?» — Никакъ нѣтъ. Плѣнныхъ ведутъ.

Набѣгъ былъ, правда, удачный и чрезвычайно быстрый, именно казачій.

Отсутствіе нашихъ молодцовъ продолжалось всего 45 минутъ.

Плѣнныхъ привезли 5 человѣкъ. Изъ нихъ два оказались ранеными: одинъ легко, другой же довольно тяжело, сабельнымъ ударомъ въ голову. Онъ потомъ умеръ въ Матуравѣ. Кромѣ того привели еще 11 лошадей. Оказалось, что въ эту ночь въ деревнѣ стояла только кавалерія.

Обращеніе нашихъ казаковъ съ плѣнными было самое благодушное. Только одинъ было вздумалъ ударить японца, но былъ тотчасъ же остановленъ товарищами.

Плѣнныхъ тотчасъ постарались отправить въ Матурань. Раненымъ тутъ же была оказана медицинская помощь.

Въ 6 часовъ утра начальникъ отряда уже благодарилъ участниковъ нападенія. Благодарность эту они, дѣйствительно, заслужили. Лѣвая часть проскользнула въ тылъ японцамъ, совершенно не замѣченная ихъ постами. Хорунжаго Лукина съ казаками обстрѣляли, но было уже поздно. Казаки влетѣли вихремъ въ деревню. Часовой или, вѣрнѣе, дневальный увидѣлъ и тотчасъ скрылся въ фанзу.

Казаки нѣкоторые спѣшились и начали шарить по фанзамъ. Нападеніе было такъ быстро и неожиданно, что японцы, по выраженію казаковъ, были еще «тепленькими». Нѣкоторые изъ нихъ мужественно защищались.

Большинство же бѣжало. Преслѣдовать же ихъ оказалось невозможно: вся деревня окружена канавами.

Тагъ кончился счастливый день для казаковъ. Задача была выполнена безъ потерь. Только была одна лошадь убита.

Засада.

Ночь съ 6-го на 7-е августа выдалась теплая, тихая, темная. Сѣрыя тучи бродили по небу, раза два принимались сыпать на землю дождемъ, а къ ночи остановились и застыли на небѣ, закрывши темнымъ пологомъ и молодую луну, и звѣзды.

Между нашимъ расположеніемъ и расположеніемъ японцевъ стоитъ рядъ заставъ, выдвинуты посты и заложены секреты. Третью недѣлю мы ничего не предпринимаемъ и японцы тоже стоятъ. Дожди и грязь приковали и тѣхъ, и другихъ къ ихъ мѣстамъ.

Въ большихъ отрядахъ, которые занимаютъ большія мѣстечки, веселѣе. Тамъ слышны пѣсни, иногда гремитъ музыка, тамъ много народа, есть чистыя фанзы, есть съ кѣмъ поговорить и посудачить. Туда, нѣтъ-нѣтъ, да и привезетъ проѣзжіи изъ Ляояна офицеръ новости, газеты и кое-какіе запасы. Но на заставахъ тишина и скука. Деревушки бѣдныя, разоренныя жителями, нигдѣ ничего нѣтъ, питаться приходится консервами, а лошадямъ иногда и поголодать. Всюду грязь,—въ поляхъ поломанный гаолянъ, въ горахъ оплывшая глина и острые камушки утесовъ. Только и утѣшенія, что японцы близко. Стоятъ, стоятъ казаки на заставѣ, да что-нибудь и придумаютъ. Замѣтили казаки 2-го Верхнеудинскаго полка сотни есаула Арсеньева, что японцы очень часто по одной тропинкѣ ходятъ. И вотъ въ ночь съ 6-го на 7-е августа заложили на этой тропинкѣ у деревни Фандзяпудза засаду. Деревня эта лежитъ на дорогѣ изъ Ляндзяня на Сюань. Залегли на ночь и ждутъ. Ночь тихая. Горные

ручьи немолчно шумятъ, пробиваясь между камнями и разсыпаясь тысячею жемчужныхъ брызгъ. Вдали въ долину иногда видны огни—это на японскихъ заставахъ. Ночь ползетъ медленно и уныло, пропуская часъ за часомъ, какъ хороший сотенный командиръ пропускаетъ мимо всадника за всадникомъ, чтобы провѣрить правильность сѣдловки, снаряженія и вооруженія и посадку. И часы шли такіе томительно долгіе, унылые... Ночные часы... Всѣ подъизвелись немного.

— «Ничего, господа, не будетъ, даромъ томимся и ночи не спимъ»,—говорили офицеры.

— Ну, а можетъ быть. Рѣшили до утра—до утра и обождемъ.

— Онь, ваше благородіе, однако всегда подъ утро ходить. Какъ свѣтать станетъ—тогда и идти,—сказалъ кто-то изъ казакъ.

Говорили, какъ о какомъ нибудь звѣрѣ, что по утрамъ ходитъ на водопой, да и ждали, какъ звѣря съ винтовками въ рукахъ съ взведенными курками.

А между тѣмъ уже свѣтло. Румяная полоска не брызнула старымъ золотомъ, за горами востока дали не расширились, не раздвинулись и масштабъ предметовъ не измѣнился—все по прежнему было сѣро и уныло, только съ листьевъ стала капать вода и горизонтъ подъ тучами посвѣтлѣлъ.

— Вонъ... сказалъ кто-то и потянулъ рукою къ кустамъ.

— Гдѣ?—спросило нѣсколько голосовъ.

Куда и дрема дѣвалась: забыть и утренній холодокъ и капли росы, забыта и бессонная ночь. Звѣрь показался. Врагъ близко...

Ихъ было семеро. Семь маленькихъ японцевъ, одѣтыхъ въ черные мундиры и рейтузы и въ бѣлые штиблеты. Они мелькнули въ кустахъ на минуту и исчезли. Не пропали-ли, не увидали-ли, не испугались-ли? Такъ бываетъ на неудачной охотѣ.

Бѣдили далеко, намокли, устали, извелись, ни одинъ загонъ не удался, и вдругъ на послѣднемъ загонѣ показался бѣленькій зайчикъ. Его увидали издалека. Вонъ онъ прыгнулъ въ кустахъ, спрятался подъ корнями дерева, опять бѣжить прямо, повернулъ, привсталъ на заднія лапки, осмотрѣлся и снова катить—прямо на васъ...

Такъ и тутъ. Ждали, ждали и вотъ дождались. А японцы свободной легкой горской походкой идутъ на сонгу, наискось приближаясь къ заставѣ.

Ждутъ... Сотня есаула Арсеньева уже бывалая, правда, на три четверти изъ бурятъ состоящая, но сотня, привыкшая за эти полгода къ своему командиру.

А японцы ближе и ближе...

— Сотня!—слышенъ сдержанный голосъ...

Тихо приподнялись винтовки... Чуетъ ли врагъ это холодное наблюденіе ружейныхъ стволовъ? Говорятъ, тетерька чувствуетъ наведенное на нее дуло и въ трепетъ прижимаетъ сильными крыльями дѣтей своихъ къ себѣ, а сама тревожно жметъ къ землѣ... Нѣтъ, идутъ, видно не чуютъ, что смерть смотреть на нихъ своими маленькими черными глазами ружейныхъ дулъ.

— Пли!

Два упало. Двое зашатались, замахали руками, выронили ружья; двое, какъ обалдѣлые, остановились, и одинъ, самый расторопный, бросился внизъ бѣгомъ, прыгая черезъ кусты и камни, и исчезъ въ долинѣ. Сотня выскочила изъ засады и бросилась на японцевъ. Двухъ взяли живьемъ, двое оказались легко ранеными, двое убиты.

Странное чувство овладѣваетъ людьми на войнѣ. Эти люди, пролежавшіе всю ночь въ холодныхъ кустахъ, измокшіе и усталые, радовались, что ихъ засада удалась. Радовались тому, что вотъ они убили, взяли живьемъ, ранили людей...

Помню, радовался въ такихъ случаяхъ и я, и холодно, какъ на убитую дичь, смотрѣлъ на смуглое лицо и черные усы, на побѣлѣвшія руки, такъ отчетливо рисующіеся на обшлагѣ мундира—и не боялся и не смущался этимъ видомъ убитого, видомъ покойника. Кто-нибудь потрогаетъ его, живъ-ли, дескать?—Солдаты или казаки снимутъ мундиръ, штаны, патронташъ и ружье и пошлютъ въ штабъ для опредѣленія части войскъ. А трупъ, если есть время, торжественно въ китайскомъ гробу похоронятъ, а нѣтъ времени, закопаютъ такъ, на скорую руку, не глубоко. Какое-то оупѣніе на сердцѣ. Сознаніе, что сегодня ты, а завтра я, что тутъ счеты короткіе, нагоняетъ это равнодушіе и презрѣніе къ смерти. Весело, съ громкимъ говоромъ вернулась сотня съ удачной засады, японцевъ живыхъ пригрѣли и обласкали, раненыхъ перевязали и вылечили, мертвыхъ похоронили. И надолго въ пустынной деревушкѣ стало разговора о томъ, какъ они шли, какъ падали убитые, какъ безпомощны были раненые и какъ растерялись живые. И это событіе скраситъ нѣсколько скучную жизнь на заставѣ, полную тревогъ, ожиданія и волненій и все-таки скучную...

На войнѣ—слова «я убилъ», «я подстрѣлилъ» — пріобрѣтаютъ совершенно особенное значеніе, далеко не столь роковое, какъ въ мирное время. Тутъ страсти распаляются. На дняхъ 2-го Читинскаго полка подъесаулъ Гартманъ рассказывалъ мнѣ слѣдующую исторію, бывшую уже давно, но хорошо характеризующую, насколько сильны охотничьи страсти, инстинкты и порывы у человѣка на войнѣ.

— Это было 27-го апрѣля, — рассказывалъ мнѣ Гартманъ, — на Чандзялинскомъ перевалѣ. Мы поочередно, перекатами, отступали отъ значительно превосходившаго насъ силами непріятеля, задерживая его на каждомъ шагѣ, и вотъ, когда мы заняли своими сотнями перевалъ у Тхумензы, мы замѣтили, что японскій

офицеръ съ четырьмя рядовыми забрался на высокую сопку и отуда распоряжается, указывая направленіе, въ которомъ нужно двигаться японскимъ ротамъ; увидѣвши это, урядникъ сотни князя Мурузи Околовъ соскочилъ съ лошади и пытался снять его выстрѣлами, но дистанція была велика и пули не долетали до японцевъ.

— Нѣтъ, куда!—сказалъ князь,—брось, не снять его.

— Дозвольте, ваше сѣят-ство, мы его съ братаномъ снимемъ.— Околовъ былъ отличный стрѣлокъ и князь разрѣшилъ ему попытаться. Тогда Околовъ съ другимъ казакомъ сѣли на лошадей и по открытому мѣсту небольшою рысью поѣхали прямо къ той сопкѣ, гдѣ стоялъ офицеръ. Шагахъ въ четырехстахъ отъ нея они спѣшились. Околовъ выбралъ удобную позу и однимъ выстрѣломъ «снялъ» японскаго офицера. Японцы открыли по нему огонь залпами, прострѣлили ему ногу, а лошади его холку, а товарищъ его вернулся невредимый... Командующій арміей наградилъ Околова за его подвигъ знакомъ отличія военного ордена 3-й степени

(Изъ „Года войны“ П. Краснова. т. I.)

Изъ боевой жизни сибирскихъ казаковъ въ русско-японскую войну.

По прибытіи въ Манчжурію дивизія представилась главнокомандующему, и 14-го мая 1904 г. генераль Куропаткинъ телеграфировалъ войсковому наказному атаману Сухотину слѣдующее: «осмотрѣлъ сибирскую казачью дивизію; нашелъ въ порядкѣ и благоустройствѣ. Люди здоровы, лошади въ хорошихъ тѣлахъ. 4-й, 5-й и 8-й полки благословилъ въ бой».

Всего черезъ два дня послѣ этого подъ Вафангоу сибирскіе

казаки получили первое боевое крещеніе, покрывшее ихъ заслуженною славой ¹⁾.

21-го мая 7-й сибирскій казачій полкъ, изъ отряда генерала Мищенко, былъ направленъ въ обходъ расположенія непріятеля, занявшаго позицію на высотахъ деревни Хопзяпудза.

— Покажемъ, братцы, какъ сибирскіе казаки умѣютъ умирать за Царя и родину, — сказалъ командующій полкомъ войсковой старшина Старковъ своимъ казакамъ передъ выступленіемъ.

Слова эти, къ несчастью, оказались для него роковыми.

Въ началѣ дѣла японцы пытались перейти въ наступленіе, но были остановлены огнемъ спѣшившихся казаковъ и коннаго орудія, которое казаки успѣли поставить на позицію. Перестрѣлка продолжалась съ часа до шести дня, послѣ чего японцы принуждены были бросить позицію и отступить подъ прикрытіемъ своихъ сомкнутыхъ частей. Со стороны японцевъ въ перестрѣлкѣ участвовало шесть ротъ, изъ которыхъ четыре подошли позже на подкрѣпленіе.

Въ началѣ же перестрѣлки смертельно былъ раненъ командующій полкомъ войсковой старшина Старковъ. Зная, что ему остается жить всего нѣсколько минутъ, Старковъ пытался было самъ написать донесеніе, но рука его ослабѣла и онъ успѣлъ лишь отдать словесныя распоряженія по полку и по своимъ частнымъ дѣламъ...

Въ этомъ же дѣлѣ были легко ранены есаулъ Водопьяновъ и подѣесаулъ Трошковъ. Казаковъ ранено одиннадцать, контужено двое; потери японцевъ точно не установлены, но были значительныя, чѣмъ у насъ.

Почетная роль выпала на долю сибирской казачьей дивизіи въ бояхъ подъ Ляояномъ 20-го и 21-го августа, гдѣ казакамъ, драв-

¹⁾ О дѣлѣ сибирск. казак. подъ Вафангоу см. стр. 13 „Наши казаки на Дальнемъ Востокѣ“ изд. 1907 г.

шимся въ пѣшемъ строю, лѣвый флангъ нашей арміи обязанъ приостановкою обхода его арміей Куроки.

Для обезпеченія лѣваго фланга была выслана на Янтайскія копи дивизія генерала Самсонова съ третьей Забайкальской батареей. Въ задачу отряда входило взять Янтайскія копи, если онѣ уже захвачены японцами, и затѣмъ во что бы то ни стало удерживаться на этой позиціи. Первымъ прибылъ въ Янтайскія копи 5-й Сибирскій полкъ и расположился на позиціяхъ, а черезъ два часа стянулся весь отрядъ, предупредивъ такимъ образомъ противника. 21-го августа сюда же прибылъ генераль Орловъ съ двумя полками своей дивизіи, которыми было предпринято наступленіе на непріятеля, окончившееся, какъ извѣстно, полною неудачей. Отброшенные японцами, полки эти должны были отступить, а непріятель, преслѣдуя, намѣревался уже захватить Янтайскія копи. Тутъ-то сибирскіе казаки проявили въ полной мѣрѣ свою стойкость, самоотверженно удерживая позиціи подъ напоромъ превосходнаго въ силахъ противника. Здѣсь убитъ хорунжій Иванъ Бейнингенъ, тѣло котораго вынесли казаки: Самсоновъ, Шкурыгинъ, Грязновъ и Федоровъ, бросившись въ жесточайшій огонь.

Отъ копей дивизіи приказано было отступить къ деревнѣ Тумынза; здѣсь казаки удерживали позицію всю ночь подъ сильнѣйшимъ огнемъ непріятеля и, видя, что дѣло можетъ дойти до рукопашной схватки, взяли отъ коноводовъ пики, намѣреваясь сбрасывать ими непріятеля со склоновъ горы. Удержавъ за собою позиціи до тѣхъ поръ, пока опасность отхода миновала, казаки спокойно отошли къ деревнѣ Сайтайдзы.

Генераль Самсоновъ свидѣтельствуетъ, что казаки дрались съ величайшимъ хладнокровіемъ и такимъ мужествомъ, что японская пѣхота не разъ останавливалась передъ этой живою и грозной силой.

Послѣ отступленія отъ Ляояна 5-й Сибирскій полкъ имѣлъ горячій стрѣлковый бой съ непріателемъ у деревни Бенсиху 28-го и 29-го сентября, имѣвшій послѣдствіемъ пріостановку наступленія японцевъ.

Въ послѣдующій затѣмъ періодъ войны на сибирскихъ казаковъ возложено было наблюденіе за движеніями японцевъ и несеніе сторожевой и развѣдывательной службы у Мукденскихъ позицій.

Насколько сибирскіе казаки успѣшно исполняли возлагавшуюся на нихъ развѣдывательную службу, оцѣнить въ свое время безпристрастная исторія, а пока мы приведемъ отзывъ корреспондента В. Простаго, который въ одномъ изъ №№ «Сибирскаго Вѣстника», въ опроверженіе доходившихъ съ театра войны слуховъ, горячо расхваливаетъ качества сибирскихъ казаковъ и какъ развѣдчиковъ. «Много разговоровъ, говоритъ корреспондентъ, было здѣсь по поводу сибирскихъ казаковъ. Говорили, что они очень лѣнны, что они спятъ на постахъ, плохо производятъ развѣдки и проч. Но люди, близко стоящіе къ казакамъ, совершенно безпристрастно отзываються о нихъ съ большой похвалой, указывая на то, что казаки всегда дѣлаютъ очень аккуратно все, зависящее отъ нихъ. Правда, развѣдки ихъ не всегда отличаются полнотой, но это зависитъ совсѣмъ не отъ казаковъ, а отъ той обстановки, въ которой имъ приходится работать. Сами казаки, напр., чуть не со слезами говорятъ, что иногда они упускаютъ прекрасные случаи нанести вредъ непріятелю только потому, что на развѣдки высылаютъ ихъ партіями въ 3—5 человекъ, тогда какъ японскіе развѣзды меньше 20 — 25 человекъ никогда не бываютъ, при чемъ всегда почти имѣютъ для прикрытія пѣхоту.

Самое обычное явленіе, когда казакамъ приходится имѣть дѣло одному противъ трехъ—четырехъ, а иногда и больше. И, несмотря на это, потери у казаковъ самыя незначительныя въ людяхъ, и только лошадей порядочно выбыло изъ строя. Объяс-

няется это природной смѣтливостью казаковъ, умѣющихъ сразу ориентироваться въ трудную минуту и найти выходъ изъ трудныхъ обстоятельствъ.

Можно было предполагать, что родившіеся и выросшіе среди гладкой степи сибирскіе казаки окажутся плохими службистами въ гористой Манчжуріи. На дѣлѣ оказалось совсѣмъ иное. Въ гористой мѣстности казаки скоро присмотрѣлись и приспособились; гдѣ степныя лошадки оказывались несостоятельными, тамъ казаки быстро и во-время переходили въ пѣшіій строй и дѣлали свое дѣло въ большинствѣ случаевъ блестяще».

Далѣе корреспондентъ газеты говоритъ: «со дня вступленія въ Манчжурію сибирскому казачеству пришлось попасть въ передовую линію нашего праваго фланга и центра. Были случаи, когда казаки имѣли возможность отличиться громко, но въ общемъ служба ихъ прошла незамѣтно для большой публики и очень тяжело для казаковъ. Всегда впереди, день и ночь подъ выстрѣлами и въ жаръ, и дождь въ движеніи, все это пришлось перенести казакамъ. Были случаи, когда по 3—4 дня не приходилось разсѣдывать лошадей, питаться сухарями съ водой, не имѣя возможности даже согрѣть чаю. Все это казаки стойчески сумѣли перенести, всегда поражая своимъ веселымъ, безпечнымъ видомъ и беззавѣтной отвагой».

Отъ себя добавимъ, что, по разсказамъ командира 5-го Сибирскаго казачьяго полка полковника Путинцева, въ іюль и августъ мѣсяцъ 1904 г., у деревни Янгуанзы, когда посланъ былъ полкъ для сторожевой и развѣдывательной службы, казаки не разсѣдывали лошадей по 10 дней, находясь постоянно въ движеніи, подъ огнемъ непріятеля, такъ что въ потникахъ завелись черви.

Всѣ казаки, бывшіе въ дѣйствующей арміи, съ восторгомъ вспоминаютъ о своемъ начальникѣ дивизіи генералъ-лейтенантѣ Самсоновѣ. Этотъ боевой генералъ своей сердечной простотою и

искренними теплыми отношеніями къ подчиненнымъ сумѣлъ внушить къ себѣ глубокую любовь и преданность всей дивизіи.

Отношеніе казаковъ къ генералу Самсонову лучше всего характеризуетъ «пѣсня Сибирской казачьей дивизіи», составленная казакомъ Лоскутовымъ, которую съ увлеченіемъ пѣла каждая сотня. Вотъ нѣсколько куплетовъ этой пѣсни:

Заблестѣлъ востокъ зарею,
Гуль пронесся по горамъ,
И въ Манчжурію средь боя
Прибылъ самъ Самсоновъ къ намъ.

Припѣвъ { Вы скачите въ бой орлами,
Удалые казаки!
Генераль Самсоновъ съ нами,
Самъ ведетъ свои полки.

Казаки перекрестились,
Закипѣла кровь въ сердцахъ,
Въ бой съ героемъ устремились
За Царя—врагамъ на страхъ.

Припѣвъ.

Генераль Самсоновъ съ нами,
Дай Богъ здравіе ему!
Онъ орелъ передъ полками,
Рады мы всегда ему.

Припѣвъ.

„Вы, сибирскіе казаки,
Молодцы и храбрецы,
Вижу я, что вы рубаки,
Въ перестрѣлкахъ удалцы“

Припѣвъ.

Такъ говаривалъ перѣдко
Намъ Самсоновъ генераль,
„Вы стрѣляете всѣ мѣтко,
Я за вами наблюдалъ“.

Припѣвъ.

„Ваши славны командиры—
Закаленные бойцы,
Не боятся и мортиры,
А подъ пулей храбрецы“.

Припѣвъ.

Генераль ты нашъ удалый,
Война родина тебѣ,
Ты не разъ въ бояхъ бывалый,
Вѣренъ былъ всегда себѣ.

Припѣвъ.

Славу Скобелева помятъ
И понинѣ казаки,
А Самсонова запомнятъ
Всѣ сибирскіе полки.

Припѣвъ.

(Н. Тон-ковъ. «Развѣдчикъ» 1907 г.).

На казачьихъ аванпостахъ.

... 1-го ноября, на разсвѣтѣ, 24-го Донского казачьяго полка 6-я сотня, подъ начальствомъ есаула Карнѣева, при офицерахъ подѣесаулѣ Пономаревѣ и сотникахъ Новосильцевѣ и Поповѣ, пошла на развѣдку линіи японскихъ аванпостовъ. Настрое-ніе у всѣхъ было повышенное, радостное, приподнятое. Маленькій есаулъ, съ темной бородкой и со сверкающими изъ-за стеколъ пенсне глазами, выпустилъ какъ щупальцы дозоры и смѣло подавался впередъ. Они прошли роковую черту, отдѣлявшую наши посты отъ японскихъ и втянулись въ большое поле буро-желтаго сухого гаоляна. Стебли съ поломанными верхушками тихо шуршали о лошадей, закрывая совершенно разѣздъ, и только стальныя копы сверкали при первыхъ лучахъ солнца.

И вдругъ началась частая трескотня ружей изъ деревни Хой-антай. Изъ-за глиняныхъ китайскихъ заборовъ японцы открыли частый огонь по сотнѣ. Однако вреда эта стрѣльба пока не причиняла. Сотня спѣшилась. Полусотня, подъ командой сотеннаго командира, начала наступать съ фронта; взводъ сотника Попова разсыпался цѣлью вправо и взводъ сотника Новосильцева влево.

Цѣпи были рѣдкія и попасть въ казаковъ было трудно. И Новосильцевъ, и Поповъ—молодежь, полная юнаго задора. Высокій, худой, длинный, красавецъ Новосильцевъ энергично подавалъ свою цѣпь, въ то же время и Поповъ открылъ огонь по деревнѣ, и японская стрѣльба стала рѣже и менѣе дѣйствительной. Въ это время казакъ добровольецъ Василій Коневъ Потемгинской станицы упалъ, обливаясь кровью.

Этотъ Коневъ—типъ оригинальный. Онъ служилъ въ лейб-гвардіи Казачьемъ полку денщикомъ у генерала Новосильцева, привязался къ семьѣ его и когда узналъ, что молодой баринъ идетъ на войну, онъ вызвался идти съ нимъ добровольцемъ. За время похода и сотникъ, и казакъ такъ сжились, такъ полюбили другъ друга, что уже никогда и нигдѣ не разлучались. И вотъ Коневъ лежитъ съ лицомъ, залитымъ кровью, очевидно убитый, но на войнѣ, въ сраженіи, не до чувствительности, и Новосильцевъ, приказавъ отнести раненаго въ гаолянъ, продолжалъ наступленіе къ деревнѣ. До стѣнокъ, изъ-за которыхъ японцы развили сильный огонь, оставалось не болѣе двухсотъ шаговъ. Между тѣмъ, выяснивши, что деревня занята двумя ротами пѣхоты, есаулъ Карѣевъ приказалъ отходить къ коноводамъ. Въ это время сотникъ Новосильцевъ упалъ и сейчасъ же всталъ.

— Ваше благородіе—вы ранены?—спросили его казаки.

— Не знаю, кажется,—отвѣчалъ сотникъ,—что-то ударило меня въ бокъ. И онъ осмотрѣлся. Пуля ударила въ револьверъ и контузила его револьверомъ въ бедро. Перестрѣлка продолжалась. Казакъ, привезшій приказаніе, передалъ его не офицерамъ, а просто въ цѣпь, и казаки продолжали лежать въ двухстахъ шагахъ, ожидая приказанія отъ офицеровъ.

Ваше благородіе, давайте на ура,—говорили казаки Новосильцеву, но въ это время пріѣхалъ еще казакъ и передалъ приказаніе отходить къ коноводамъ.

— Эхъ, право, жаль,— говорили казаки, — «пу ничего не подѣлаешь, до другого раза, видно...»

Подошли къ коноводамъ, сѣли на лошадей, и вдругъ въ это время изъ поля скошенной чумизы выскочилъ заяцъ. Надо же быть такому грѣху! И вотъ съ криками, съ улюлюканьемъ, вдоль

Въ дни „затишья“.

непріятельской цѣпи, подъ ружейнымъ огнемъ понеслись донцы травить маленькаго маньчжурскаго русачка.

— А та-та-та!— бери его, держи! держи-и!..— раздавались крики, и цѣпь, забывши объ японцахъ, травила на нейтральной полосѣ зайца.

А японцы, приставши за стѣнками, съ изумленіемъ смотрѣли на такой способъ воевать и охотиться.

Сзади сотни, медленно прокрадываясь черезъ гаолянъ, несли

Конева. Пуля ударила его между глазъ и прошла ниже затылка черезъ шею... Повидимому, рана была безусловно смертельная...

Черезъ три недѣли послѣ этого случая я видѣлъ Конева. Онъ только что вернулся изъ госпиталя изъ Мукдена.

— Вотъ онъ—Коневъ,—сказалъ мнѣ Новосильцевъ. Я обернулся. Передо мной стоялъ плотный, почти толстый, тепло-укутанный коренастый казакъ. На немъ была шведская куртка, шаровары съ лампасомъ и валенки. Лицо его съ рѣдкими волосами на головѣ и съ небольшой черной бородкой, было блѣдно тою блѣдностью, которая налагается больницей. Между глазъ видно было маленькое красноватое пятнышко величиною съ небольшую горошину. Другое такое-же пятнышко было на шеѣ, немного ниже затылка. Пуля прошла черезъ мозгъ, вышла наружу, это было всего три недѣли тому назадъ, и вотъ человѣкъ, раненый, повидимому, такъ тяжело, стоитъ передо мною и улыбается мнѣ привѣтливо сконфуженной улыбкой. Только рѣчь его нѣсколько замедлена, да еще замѣтны слѣды частичнаго паралича одной стороны лица... Замѣчательная рана!... *П. Красновъ.*

(«Русск. Инв.» 1906 г. № 11).

Изъ разсказовъ о казакахъ.

Во время русско-японской войны бывали несчастные случаи, когда свои же разъѣзды и даже цѣлыя части принимались за непріятельскія. Къ счастью, такія ошибки большею частью разъяснялись во время, благодаря, главнымъ образомъ, развѣдкамъ нашихъ казаковъ.

Участникъ войны Д. И. Аничковъ въ своей книжкѣ «Пять недѣль въ отрядѣ генерала Мищенко» разсказываетъ между прочимъ о томъ, какъ въ юнѣ мѣсяцѣ 1905 г. онъ былъ посланъ начальникомъ отряда съ двумя сотнями Читинскаго полка задерживать японскую пѣхоту, показавшуюся близъ деревни Чудягоу.

Казаки заняли горную возвышенность и стали наблюдать, что дѣлается на противоположномъ гребнѣ по ту сторону лощины.

«Вонъ замелькали какія-то черныя точки.

— Что это, японцы или китайцы?

— Нѣтъ, это нашъ разъѣздъ.

— Нѣтъ, это не наши! Вонъ-вонъ двое, трое! Это—японцы.

— Никакъ нѣтъ, это—наши,—спокойно и немного улыбаясь говорить смотрящій безъ бинокля изъ-подъ руки урядникъ.—Это—наши, ваше высокоблагородіе! Вонъ - вонъ ихніе кони стоятъ, а вонъ и урядникъ Софроновъ!

— Гдѣ? Ничего не вижу.—И я силюсь рассмотреть въ свой усовершенствованный призматическій бинокль то, что уже давнымъ давно разглядѣли рысьи глаза забайкальца. Ничего, кромѣ синяго неба и зеленыхъ горъ, на которыхъ чернѣютъ какія-то точки, я не вижу.

— Вонъ, э-вонъ, ваше выс-діе!—старается показать мнѣ казакъ, и я чувствую, какъ его черномазая, скуластая рожа едва сдерживаетъ улыбку, а маленькіе, черные глазки такъ и впились въ далекое пространство.

— Вонъ сюда глядите, ваше в-діе, пониже и полѣвѣе. Вонъ бѣлѣтся конь, вонъ другой, гнѣдой, вонъ третій, вонъ еще пара. Это наши, такъ точно. Во-о-онъ по гребешку побѣжали трое, вонъ теперь туда за гребень зашли. Видно, тамъ японцевъ и близко нѣту! Должно ушли назадъ.

Теперь ужъ и я видѣлъ ясно на синемъ фонѣ неба, какъ три пѣшихъ человѣка сперва шли шагомъ по самому гребню, потомъ побѣжали, потомъ скрылись за горой.

— Вонъ машетъ шапкой,—продолжалъ между тѣмъ урядникъ.— Это они намъ сигналы подають. Это—Софроновъ, онъ, онъ!»

Пока такимъ образомъ, рассказываетъ далѣе Д. И. Аничковъ,

казаки наблюдали впереди лежащую мѣстность, было получено донесеніе, что около двухъ ротъ непріятельской пѣхоты спустились въ долину и идутъ въ обходъ нашего праваго фланга. Донесеніе это, конечно, вызвало тревогу и соответствующее перемѣщеніе частей, чтобы достойно встрѣтить противника; но отъ роковой ошибки спасли и тутъ казачьи разъѣзды, которые донесли, что движется не японская пѣхота, а наша охотничья команда Барнаульскаго полка!..

Другой участникъ войны М. А. Вод—новъ разсказалъ намъ слѣдующій случай. Осенью 1905 г. отрядъ, стоявшій бивакомъ у селенія Ломивазы близъ гор. Теортоля, въ составѣ 7 Сибирскаго казачьяго полка, 10-го восточно-сибирскаго пѣхотнаго полка и Забайкальской казачьей батареи, подъ начальствомъ полковника князя Трубецкаго, былъ посланъ въ направленіи станціи Чантуфу съ цѣлью выяснитъ расположеніе и силы противника, который, по полученнымъ свѣдѣніямъ, будто бы появился близъ этой станціи.

Исполнивъ свою задачу, отрядъ возвращался обратно къ селенію Ломивазы.

Лишь только головная часть отряда начала подходить къ городу Теортолю, какъ была встрѣчена ружейнымъ огнемъ изъ цѣпи, занявшей опушку города.

Отрядъ былъ крайне озадаченъ этимъ непредвидѣннымъ обстоятельствомъ. Казалось какъ то невѣроятнымъ, чтобы японцы могли занять гор. Теортоль въ то короткое сравнительно время, пока отрядъ производилъ рекогносцировку. Однако, не подставляя же было себя подъ выстрѣлы, и начальникъ отряда отдалъ распоряженіе о перестроеніи отряда въ боевой порядокъ. Отрядъ готовъ уже былъ открыть огонь.

Въ это время урядникъ одной изъ казачьихъ сибирскихъ сотенъ Балахонцевъ вызвался развѣдать, съ кѣмъ именно приходится

имѣть дѣло. Разрѣшеніе Балахонцеву было дано и онъ карьеромъ помчался прямо на непріятельскую цѣпь, продолжавшую стрѣлять по нашему отряду. Всѣ съ замираніемъ сердца слѣдили за храбрымъ урядникомъ, скакавшимъ по открытому полю. Все дальше и дальше... Вотъ онъ уже около самой цѣпи... Выстрѣлы смолкли и въ надвигавшихся сумеркахъ вечера исчезъ и Балахонцевъ. Прошло нѣсколько минутъ томительнаго ожиданія—и вотъ на горизонтѣ снова появляется лихой урядникъ, скачущій во весь опоръ уже обратно къ отряду. Что же оказалось? Охотничья команда восточно-сибирскаго стрѣлковаго полка возвращалась по сосѣдней дорогѣ изъ рекогносцировки и, принявъ нашъ отрядъ за непріятельскій, заняла позицію и открыла по нему огонь...

Такимъ образомъ, благодаря беззавѣтной отвагѣ урядника Балахонцова, кровавое столкновеніе, готовое разыгратъ между своими же частями, было во время предупреждено.

И. Тон—говѣ.

Набѣгъ коннаго отряда ген. Мищенко въ маѣ 1905 г. на Факумынь-Синминтинъ.

(Изъ газеты „Казачья Недѣля“ за 1907 г.).

Въ десятыхъ числахъ апрѣля 1905 года наша дивизія стала подходить по-эшелонно на ст. Гунжулинъ. По выгрузкѣ съ желѣзной дороги, мы отошли къ югу отъ него верстъ на 8 — 12, гдѣ и размѣстились кто по фанзамъ, а кто и въ палаткахъ. Здѣсь мы встрѣтили Пасху и провели недѣли двѣ въ сборахъ къ выступленію на передовыя позиціи: все лишнее, все зимнее надо было отобрать и отправить въ особый складъ въ Харбинъ. Занятій почти не было, только и приходилось ѣздить на фуражировки, которыя при этомъ служили и проѣздками нашимъ застоявшимся лоша-

дямъ. Кругомъ все было тихо, непріятель былъ далеко, но въ раіонѣ расположенія каждой сотни были устроены сторожевыя вышки, на которыхъ все время видѣлись часовые. Это нѣсколько напоминало картинки нашей старой кавказской жизни, когда наши отцы охраняли такъ свои станицы. Погода стояла весенняя, солнечная, днемъ было тепло, но ночью пробиралъ холодъ.

24-го былъ смотръ Главнокомандующаго, на которомъ мы съ радостью узнали о назначеніи нашей дивизіи въ отрядъ генерала Мищенко. Съ 15 марта 1904 г., т. е. съ первой встрѣчи Забайкальской бригады съ японцами на Ялу, имя ген. Мищенко повторялось часто, и оно всегда несло съ собой хорошія вѣсти; поэтому понятно, какъ всѣ мы были рады этому назначенію. На окончательные сборы даны были одніѣ сутки, но и онѣ показались намъ нѣсколько длинными. 26 апрѣля въ 8 час. утра дивизія выступила впередъ, на югъ. Первый переходъ въ г. Маймакай (Фынъ-хуанъ-сянь-тожъ) былъ большой, трудный и для насъ, и особенно для нашихъ невянутыхъ коней. Въ Маймакаѣ расположенъ штабъ 2-й арміи, и живетъ командующій арміей, ген. Каульбарсъ. Городъ окруженъ сплошной толстой и высокой стѣной, впереди которой глубокій и широкій ровъ. Въ городъ ведутъ четверо воротъ, охраняемые часовыми. Мы прошли вдоль городскихъ стѣнъ и расположились бивакомъ внѣ города. У однихъ воротъ насъ встрѣтилъ верхомъ ген. Каульбарсъ, за нимъ блестящая свита; передъ командующимъ всѣ пріободрились, подтянулись. Насъ разсматриваютъ съ любопытствомъ! Поздравивъ съ приходомъ, генералъ выразилъ увѣренность, что мы будемъ работать по «кавказски!» Только громкое «Постараемся, Ваше Высокопре-во!» было отвѣтомъ; и, конечно, постараемся, не заставимъ краснѣть своихъ отцовъ, а тамъ, что Богъ дастъ! Ночевать подъ открытымъ небомъ было нѣсколько прохладно; съ большимъ трудомъ достали кормъ конямъ и дровъ для варки.

На другой день, 27-го, тронулись дальше, въ г. Бамбенченъ. Но по отряду разнесся слухъ, что передъ городомъ насъ встрѣтитъ ген. Мищенко—всѣ сразу встрепенулись. Съ любопытствомъ и волненіемъ ждали мы этой встрѣчи. Построились мы такъ, какъ рѣдко бываетъ и въ мирное время на смотрѣ строгаго генерала; а главное, это молодецкій видъ казаковъ! Тепло, отъ души поздравившись, поздравилъ Мищенко насъ съ приходомъ, пожелалъ намъ успѣха, счастья! Вызвавъ впередъ г.г. офицеровъ, онъ такъ просто, понятно сдѣлалъ общія указанія въ предстоящей намъ боевой работѣ. «Врагъ хитеръ; будьте внимательны къ обстановкѣ, впередъ идите смѣло, но не горячитесь, помните всегда, что за вами 20 — 30 нижнихъ чиновъ, которые пойдутъ всюду слѣпо. Не вызванная необходимостью, по вашей неосторожности гибель каждаго изъ нихъ ляжетъ на вашу совѣсть! Дай Богъ вамъ успѣха!» Не чувствовалось генеральскаго страха, а напротивъ, все въ немъ сразу вселяло вѣру въ него, влекло къ этому «дѣлушкѣ», какъ его зовутъ въ отрядѣ. Въ Бамбенченѣ расположилась вся дивизія кучно бивакомъ; опять затрудненія (и большія) въ доставкѣ фуража. Къ счастью, нашу батарею выручили Забайкальцы, уступившіе часть своихъ запасовъ. Они же, т. е. 1 и 4 Забайкальскія батареи, пригласили насъ, артиллеристовъ, къ себѣ на обѣдъ; обѣдъ былъ устроенъ на славу въ большой, чистой фанзѣ! На другой день назначена дневка. Къ сожалѣнію, съ утра подулъ страшный вѣтеръ, который поднялъ цѣлые столбы густой пыли, песку, которые все засыпаютъ, проникаютъ въ мельчайшія щелки, такъ что нѣтъ нигдѣ спасенія. Чтобы напиться чаю, намъ пришлось отправиться въ ближайшую фанзу—мрачную, грязную и вонючую, съ такими же хозяевами, впрочемъ насъ это нисколько не смущаетъ; пока эти невзгоды переносятся легко. Весь день, поневолѣ, пришлось просидѣть въ палаткѣ, тщательно ее закрывши. Досталось и конямъ, у которыхъ вѣтеръ разноситъ

кормъ. Въ этотъ день узнаемъ, что рѣшенъ набѣгъ коннымъ отрядомъ Мищенко и что исходнымъ пунктомъ назначена д. Ляоян-вопа, куда мы и выступаемъ завтра, 29; колесный обозъ и офицерскіе व्यюки приказали не брать, и вообще идти налегкѣ; по неопытности, сгоряча мы пошли ужъ слишкомъ легко. Само извѣстіе о набѣгѣ встрѣчено нами весело, восторженно. Казаки спокойно-самоувѣрены, волненія ни капли.

29 выступили часовъ въ 8 утра; вѣтеръ нисколько не утихалъ, такъ что идти пришлось въ сплошномъ слоеъ песку, порой въ 3-хъ шагахъ ничего не видно. Смотрѣть больно, и ни очки-консервы, ни марля не могутъ защитить глаза, которые и у насъ, и у бѣдныхъ коней сильно воспалены и болятъ. Ничего подобнаго до сихъ поръ не испытывалъ. Переходъ верстъ 35, и ночлегъ въ д. Гуюши. Ночуемъ по фанзамъ. Съ вечера принимаются уже настоящія мѣры по охранѣ ночлега, ибо хунхузы здѣсь шатаются близко. 30-го утромъ, еще на бивакѣ узнаемъ, что разъѣздъ Сунженцевъ на разсвѣтѣ сегодня имѣлъ небольшую перестрѣлку съ хунхузами, и что у нихъ раненъ одинъ казакъ легко въ ногу, остался въ строю. Извѣстіе о томъ, что у насъ есть уже обстрѣленные, насъ прямо обрадовало. Хочется видѣть участниковъ этой первой стычки, подробно разспросить ихъ! Гуюши расположены на берегу довольно большой рѣки Даляохе (Да-большой; Ляо—богъ войны; хэ—рѣка). Для переправы черезъ нее въ бродъ пришлось сдѣлать крюкъ верстъ въ семь, но и то пушки двѣ застряли, и ихъ съ помощью казаковъ съ трудомъ вытащили. Дорога топкая, тяжелая; она проходитъ по болотистой долинѣ между рѣкой и пограничнымъ хребтомъ Монголіи. Намъ, артиллеристамъ, идти на молодыхъ, невтнутыхъ коняхъ очень трудно, но мы не отстаемъ отъ полковъ. На привалѣ узнаемъ, что сегодня и у Гребенцовъ была перестрѣлка, что они даже отбили лошадь съ сѣдломъ. Идемъ смотрѣть—гнѣдая кобыла, небольшая, но хорошо сбитая, немного.

сыровата, и ноги грубоваты. Къ концу перехода заморосилъ мелкій дождь, и топкая болотистая почва скоро превращается въ грязное мѣсиво. Въ Ляоянвопынѣ пришли, когда уже стемнѣло. Тихая, безмолвная китайская деревушка сразу оживилась, наполнилась молодымъ здоровымъ говоромъ; кое-гдѣ замелькали огни костровъ; по улицамъ задвигались какія-то темныя тѣни.

Офицеры расположились въ фанзахъ, а казаки кое-кто также по фанзамъ, большинство же въ палаткахъ или подъ навѣсами изъ цыновокъ.

На другой день погода прояснилась, но было еще грязно.

Итакъ, мы на правомъ крайнемъ флангѣ, впереди всѣхъ позицій; сознаніе, что японцы близки, что мы уже выполнѣ въ боевой обстановкѣ, насъ бодритъ. Всѣ ходятъ, смотрятъ какъ-то энергичнѣй, въ голоса слышны оживленіе, увѣренность...

Городокъ почти пустъ, до насъ въ немъ похозяйничали японцы и главнымъ образомъ хунхузы. Поэтому достать ничего нельзя, и мы питаемся свиньями, которыхъ бродитъ порядочно; казаки усиленно за ними охотятся, пробуя свои шашки, и цѣлый день съ разныхъ сторонъ несется пронзительный свинячій визгъ. Въ ханшинномъ заводѣ для коней нашли большой запасъ зерна, чумизы, и казаки сплошной вереницей тянутся туда. Покончивъ здѣсь, стали фуражировать по окрестнымъ деревнямъ; несмотря на начало мая, всего много, и мы нужды не испытываемъ.

2 мая, въ 11 час. утра, пріѣхалъ Мищенко, съ нимъ пришли Уральцы и Забайкальцы. Впереди на темно-сѣромъ конѣ въ пальто, съ палкой въ рукахъ, немного сутулый ѣдетъ нашъ генералъ. За нимъ его штабъ—обыкновенные смертные, безъ обычного шика! Для встрѣчи его и своихъ новыхъ боевыхъ товарищей вся дивизія выстроилась вдоль дороги. Вотъ бородачи Уральцы, народъ все солидный, на видъ основательный; у многихъ на груди бѣлые крестики. Смотримъ мы на нихъ съ любопытствомъ и ува-

женіемъ, особенно на георгіевскихъ кавалеровъ, какъ будто ждемъ увидѣть въ нихъ что-нибудь необычное! Смотрятъ они на насъ нѣсколько свысока, у нѣкоторыхъ какъ будто и снисходительная улыбка! Что-же! Своей удаляю они заслужили это право относительно не только насъ безусыхъ, молодыхъ! Хороши у нихъ кони: небольшіе, крѣпкіе, широкая грудь, на короткихъ ногахъ!

За ними нѣсколько угрюмые, безъ внѣшняго блеска Забайкальцы, но они безсмѣнно работаютъ съ первыхъ дней войны! Сзади наши сородичи, сыны горнаго Дагестана и Кабарды. Черкески порваны, все потрепано; смотрятъ они серьезно, ни одной улыбки, гордо! И они заслужили здѣсь хорошую славу! Въ строю замѣтна дисциплина. У нихъ мы также любуемся поджарыми, сухими конями. Какъ и сами всадники, они болѣе легки, изящны. Кто лучше—рѣшить трудно; и тѣ и другіе выдержали годъ войны! 3-го весь день шелъ мелкій противный дождикъ; мы усердно готовились къ походу, — все чинится, пригоняется, укладывается.

На бивакѣ у всѣхъ тихо, нигдѣ не слышно громкаго веселья: въ ожиданіи завтрашняго вѣснвольно сосредоточились; ну да и погода мѣшала веселію. Утромъ ушли обратно въ Бамьенчѣнъ отъ каждой батареи по два взвода. Грустными они уходили. Вечеромъ слегка поужинали, немного поговорили еще о сборахъ и спать, чтобы завтра встать свѣжими, бодрыми! Но сразу не заснешь, — что насъ ждетъ впереди, гдѣ все такъ ново, полно неизвѣстнаго и трудно воображаемаго.

До возвращенія!

11-го мая отрядъ вернулся изъ набѣга на свое старое мѣсто, т. е. въ д. Ляоянвопынь. Могу передать, конечно, только то, что видѣлъ самъ. Не привожу почти названій мѣстъ почлега, ибо ихъ мы, строевые, не знали, картъ у насъ не было; да и вообще, относительно мѣстности мы все время были въ полной неизвѣстности; направленіе движенія мѣнялось въ день по нѣсколько разъ.

Идя въ набѣгъ, я рисовалъ себѣ картины чуть ли не ежедневныхъ боевъ, когда японцевъ видишь близко. Въ дѣйствительности вышло все такъ просто, — бой былъ только разъ, 7-го мая, японцевъ видѣлъ въ бинокль саженей на 600; правда, развѣзды имѣли каждый день небольшія перестрѣлки. Особеннаго матеріальнаго ущерба мы не понесли, но нравственный эффектъ отъ неожиданнаго появленія конницы въ тылу японскихъ армій былъ громадный. Такъ или иначе высшее начальство сочло набѣгъ удачнымъ; Главнокомандующій прислалъ телеграмму, въ которой сердечно благодаритъ ген. Мищенко и его молодецкій отрядъ за лихой набѣгъ. Всѣхъ офицеровъ разрѣшено представить къ наградамъ, а нижнимъ чинамъ пожаловано на сотню по 5, на артиллерійскіе взводы по 6 знаковъ Военнаго Ордена. Первоначально было предложено пустить одну конницу, но Мищенко настоялъ на необходимости и артиллеріи — это слухъ, который ходилъ у насъ. Переходъ до Ляоянвопынь, однако, показалъ, что движеніе безъ дороги нерѣдко по пескамъ или по пересѣченной мѣстности для тяжелой системы пушки (100 п.) слишкомъ трудно, медленно, а поэтому въ набѣгъ пошло только по взводу отъ каждой батареи.

Задачей набѣга было поставлено: «Пройти вдоль большой дороги Кайпинъ, Факумынь и Синминтинъ, пробраться поглубже въ тылъ западной группы японской арміи. Въ бой съ противникомъ по возможности не ввязываться, особенно съ противникомъ на укрѣпленной позиціи. При встрѣчѣ же съ коннымъ непріателемъ въ чистомъ полѣ, особенно съ хунхузами, рѣшительно атаковать. Истреблять всякаго рода склады, транспорты, портить телеграфы и вообще пути подвоза. Главное назначеніе набѣга — оттянуть силы японцевъ съ фронта и вмѣстѣ съ тѣмъ задержать переходъ ихъ въ наступленіе, и произвести при этомъ развѣдку ихъ лѣваго фланга. По слухамъ, японская армія къ 1 мая уже пополнила свои мукденскія потери (80 — 115 тыс.). Поэтому

можно было ожидать скорого наступленія. У насъ же пополненіе началось только съ 5 мая (5—6 тыс. въ сутки). Кромѣ того, носились слухи, будто японцы снова сосредоточиваютъ свои силы противъ праваго фланга.

Составъ отряда. Наша дивизія: 23 сотни и 4 орудія подъ начальствомъ ген. Карцева составляли одну колонну, а Урало-Забайкальская дивизія: 4 и 5 Уральскіе полки—11 сотенъ, Читинскій и Верхнеудинскій—10 сотенъ, къ ней придали еще 2 сотни Дагестанцевъ и Терско-кубанцевъ съ 2 пулеметами и 2 орудія 1-ой Забайкальской батареи, а всего 23 сотни и орудія, они составляли другую колонну подъ начальствомъ ген. Логвинова. При ней и находился все время ген. Мищенко. Мы потому равнялись по той колоннѣ; разстояніе между колоннами было 3—5 верстъ, и между ними поддерживалась непрерывная связь.

4 мая. Въ 7¹/₂ час. утра отрядъ собрался у южной опушки селенія. Выглянуло солнышко и такъ весело освѣтило все кругомъ, въ природѣ все еще зелено, молодо... Въ рядахъ нашей дивизіи чувствуется особое оживленіе, возбужденіе; вѣдь для насъ все это ново, невѣдомо... А вотъ и Мищенко объѣзжаетъ всѣхъ, здоровается и поздравляетъ съ походомъ; онъ совершенно спокоенъ, бодръ и даже нѣсколько оживленъ! Мы идемъ съ нимъ, и это вселяетъ въ насъ увѣренность, что мы вернемся и хорошо, и благополучно. Мы понавязали на передки большія вязки соломы, но Мищенко приказалъ сбросить, утѣшивъ, что мы здѣсь вездѣ найдемъ кормъ въ изобиліи, и дѣйствительно, за весь набѣгъ наши кони питались обильно. Въ 8 час., перекрестившись, тронулись въ далекій и невѣдомый путь. Наша дивизія сегодня составляетъ правую наружную колонну. Впередъ верстъ 5—6, въ авангардѣ цѣлый полкъ. Главная колонна вблизи охраняется непрерывной цѣпью дозоровъ; кромѣ этого, въ нѣсколькихъ верстахъ 3—4) съ наружнаго фланга идетъ боковой отрядъ, сотня. Колонна растяну-

лась длинной лентой до 2-хъ верстъ. Первый переходъ былъ самый трудный: большой (до 55 верстъ), продолжительный (13 часовъ въ сѣдлѣ); грунтъ—или топкая мочезина или довольно глубокий песокъ, куда колесо уходитъ почти на ширину обода, но главное—кони сырые, совершенно не втянутые. Пришлось, какъ и вообще весь набѣгъ, идти безъ дорогъ, подчасъ по перепаханнѣмъ полямъ. Пройдя верстъ 20, вышли на обширную зеленую поляну, гдѣ разбросано много отдѣльныхъ фанзъ, обязательно обсаженныхъ деревьями. На поляхъ паслось значительное число небольшихъ, но нерѣдко прекрасно сложенныхъ и удивительно крѣпкихъ монгольскихъ лошадей. Казаки, да отчасти и мы, офицеры, плохо поняли приказъ: «Верстъ черезъ 20 мы вступимъ въ районъ расположенія японской арміи, гдѣ возможна встрѣча съ разнаго рода запасами, обозами, принадлежащими или обслуживающими японцевъ. Все это разрѣшается брать или уничтожать». А мы поняли, что все здѣсь, какъ могущее служить японцамъ, можетъ быть отобрано. И вотъ, увидя монголовъ, принялись горячо за ловлю ихъ, совершенно не жалѣя своихъ коней; но малыши и рѣзвы и страшно увертливы. Вотъ окружили тѣснымъ кольцомъ, только взять его, но онъ напуганъ, дикъ; бросился въ одну, другую сторону и ушелъ снова, и... снова начинается гонка! Вотъ достигли его, но рѣзкій поворотъ въ сторону... много пришлось видѣть такихъ сценъ. Монголы и мулы незамѣнимы для носилокъ и для вьюковъ. Носилки — это два ровныхъ, 6 — 7 аршинъ длиной, шеста, на которые натягивается прочная матерія, шириной до 1½ арш., на концахъ брусевъ прикрѣплены хорошіе ремни. Передній ремень перекидывается черезъ маленькое китайское сѣдло передняго монгола, задній—другого. Носилки не трясутъ, пройдутъ они всюду; ихъ можно также пристроить на сѣдло двухъ конныхъ казаковъ. Эту ловлю впослѣдствіи удалось почти прекратить, но съ чѣмъ нельзя было до конца набѣга справиться—

ся,—это ловля куръ въ каждой попутной деревушкѣ. Дѣйствительно, пернатое царство сильно пострадало; при прохожденіи деревень всюду слышно было кудахтанье куръ; за каждой курицей стремительно несется по нѣсколько человѣкъ — кто съ палкой, а кто и съ шашкой; всѣ мокрые, усталые. Безъ преувеличенія можно сказать, что на каждаго казака въ день приходилось по курицѣ. Ловили и встрѣченную скотину и барановъ. Вообще, въ мясѣ недостатка не испытывали, но за то съ перваго дня пришлось экономить сухари, а на 3 — 4 день ихъ ни у кого не было, не исключая и офицеровъ. Пришлось замѣнить ихъ густой чумизной кашей, весьма схожей съ пшенной. Фуражъ,—солому и зерно, приходилось, конечно, брать, не спрашивая хозяевъ; платили понемногу. Долженъ къ стыду нашему сознаться, что попадались и такіе молодцы, которые искали зерно на днѣ сундуковъ. Нужно сказать, что ни мы, ни кони недостатка въ кормѣ не испытывали; и это въ маѣ мѣсяцѣ. Богатая страна, обязанная этимъ удивительному трудолюбію китайцевъ; во всемъ видна ихъ аккуратность: въ обработкѣ полей, въ древонасажденіи, въ тамошнемъ быту, въ изготовленіи всякой домашней утвари. Весь Китай перепаханъ, земля отдыха не знаетъ, но благодаря аккуратной, усердной обработкѣ она каждый годъ даетъ хорошіе урожаи. Китайцы — народъ, видимо, покорный: нерѣдко видишь, какъ самъ хозяинъ старательно навязываетъ солому, вовсе не убѣжденный, что ему заплатятъ, или держитъ коня, пока казакъ преусердно ловить его же курицу. Ни разу ни видѣлъ ни сопротивленія, ни даже злого взгляда. Дашь ему за мѣшокъ зерна пуда въ три 50—70 коп.,—и «шанго (хорошо) капитана!» Они всѣхъ офицеровъ зовутъ — «капитана».

Въ главной колоннѣ цѣлый день было тихо, смирно, но разѣзды имѣли противъ себя партіи хунхузовъ, которыхъ разѣяли и прогнали въ Монголію. Въ другой же колоннѣ была перестрѣлка,

были и потери; но все, что было против насъ, какъ-то жалось и отходило назадъ. Ясно, что наше появленіе было совершенно неожиданно для японцевъ. Линіи передовыхъ заставъ арміи ген. Ноги была прорвана, и отрядъ благополучно вышелъ въ тылъ японскаго расположенія и двинулся далѣе на югъ.

Первый ночлегъ у д. Людіона; пришли поздно, около 9 часовъ вечера. Вечеръ былъ тихій, немного прохладный; въ сторонѣ вырисовываются мрачными тѣнями деревья; скоро надъ бивуакомъ поднялось красно-огненное море огня, а выше стелется темно-молочная пелена дыма. Въ воздухѣ стоитъ общій гулъ голосовъ, слышится фырканье коней. Съ разныхъ сторонъ изъ темноты выползаютъ какія-то странныя расплывчатые фигуры: это кони, по бокамъ которыхъ болтается по вязанкѣ соломы, — возвращеніе съ фуражировки въ сосѣднія деревни. Трудна казацкая служба въ походѣ, — какъ бы казакъ ни усталъ, а прежде всего забота о своемъ боевомъ товарищѣ — достань ему кормъ, обожди, пока онъ остынетъ, чтобы напоить его. Несмотря на страшную усталость, бивакъ еще долго не успокаивался, жужжалъ. Спимъ одѣвшись, такъ какъ ночью еще холодно, да какъ будто и совѣстно, забравшись въ чужія владѣнія незванными гостями, располагаться по домашнему! Бивакъ отряда ночью охраняется сплошнымъ кольцомъ заставъ, удаленныхъ отъ него версты на 4; отъ дивизіи въ охраненіе уходитъ 4 сотни. Вотъ кому тяжело: цѣлый день похода, всю ночь въ полномъ напряженіи, не сомгни глазъ и на другой день снова походъ! Часовые надежны, и мы спимъ спокойно и крѣпко.

5 мая. Ранній подъемъ, еще солнышко не пригрѣло своими лучами ни землю, ни насъ. Поспѣшные сборы къ выступленію. Снова всѣ свѣжи, бодры, вчерашней усталости и не чувствуется. Прежде выступленія дальше, отсюда посылаются 4 казака, по одному отъ каждого полка — охотники съ первымъ донесеніемъ въ

штабъ арміи. Несмотря на незнакомую мѣстность, на многочисленныя бродячія шайки хунхузовъ, молодцы доставили донесеніе благополучно. Нашъ порядокъ движенія тотъ же. Часовъ въ 10 останавливаемся посреди улицы какого-то большого, но почти пустого селенія. Стали, а дальше что—никому неизвѣстно?! Черезъ $\frac{1}{2}$ часа

Вьючный пулеметъ.

собираемся на площадкѣ вѣ селенія, привалъ. День жаркій, душный; моментально черески долой, казаки уже настраиваютъ чай. Нашли большой запасъ зерна, уже откуда то пригнали штукъ 10 барановъ—словомъ, удобно расположились. Впереди на бугрѣ около 3-хъ деревьевъ поднялся густымъ столбомъ дымъ; оказывается, что это начальникъ дивизіи поджегъ найденный складъ японскихъ одѣялъ и разной одежды. Вдругъ что-то случилось; весь бивакъ завол-

новался; приказано немедленно двигаться — въ чемъ дѣло, куда, почему?! Передніе уже тронулись и сразу пошли рысью; беремъ новое направленіе. Спускаемся къ озеру; видимъ, что отъ него, по ту сторону, въ гору кто-то быстро уходитъ; за ними по пятамъ поднимаются небольшіе клубочки пыли, слышно шипѣніе пуль, съ разныхъ сторонъ къ озеру скачутъ отдѣльные всадники. Слева изъ деревни въ порядкѣ рысить другая колонна. Полное оживленіе... А какая красивая мѣстность? Озеро съ чистой, прозрачной водой, на берегу его растутъ стройныя деревья, въ зеленой листвѣ которыхъ своими лучами ярко играетъ солнышко, слышно веселое щебетаніе куда-то стремящихся птичекъ!.. Недоумѣніе наше продолжалось недолго; отойдя немного отъ своего бивака и оглянувшись назадъ, мы увидѣли на воздухѣ высокій разрывъ шрапнели какъ разъ надъ тѣмъ мѣстомъ, которое мы только что оставили. На чистомъ, голубомъ фонѣ неба эти бѣлые клубочки ясно, рѣзко вырисовывались. Мы еще не были въ дѣлѣ, не испытали ужаснаго дѣйствія артиллерійскаго огня, почему мы можемъ еще любоваться красивой картиной: весело смѣемся, что надули японцевъ! Отдаваться размышленіямъ на тему объ опасности, объ избавленіи отъ нея здѣсь вообще не принято. Всѣ оживлены, говорливы. Дальнѣйшее движеніе наше происходитъ безъ задержки, и къ 4 час. мы спускаемся въ глубокую лощину, къ деревнѣ, — здѣсь ночлегъ; такъ что переходъ сегодня небольшой, верстъ 35. Первая забота о фуражѣ и о водѣ для людей, такъ какъ у нихъ одинъ будетъ коня поить, а другому не хватить, чтобы и самому напиться.

И это только небрежность; непривычка думать объ общемъ благѣ! Колодцевъ мало, и принимаются поэтому энергичныя мѣры въ охранѣ ихъ, т. е. у каждаго ставится дневальный. Коней на водопой приходится водить версты за 3 и при вооруженномъ прикрытіи. Сегодня, не спѣша, убираемъ коней, пьемъ чай и тер-

пѣливо ждемъ ужинъ, т. е. вареной курицы. Казаки разбрелись по деревнѣ въ поискахъ зерна.

Въ главной колоннѣ день прошелъ снова тихо, мирно; изъ разъѣздовъ одинъ (Екатеринодарцевъ съ сотникомъ Педино во главѣ) порвалъ телеграфную проволоку между Кайпинъ и Факумынь и изловилъ офицера, везшаго донесеніе самому Ноги. Счастливый сотникъ оживленъ; съ удовольствіемъ рассказываетъ свое дѣло до мелочей; мы всѣ съ любопытствомъ и даже немного съ завистью слушаемъ его. Разъѣздъ Уманцевъ захватилъ небольшой санитарный транспортъ; командиръ полка довольный приносить въ штабъ немногочисленные трофеи, и мы всѣ рады этимъ успѣхамъ своей дивизіи. Съ вечера 4 сотни уходятъ въ сторожевое охраненіе; впереди нашего охраненія всѣ холмы были заняты группами японцевъ или хунхузовъ, огни которыхъ такъ красиво выдѣляются на темной синевѣ ночного неба. Пока въ сѣдлѣ, въ движеніи, усталость не чувствуется; зато какъ только добрался до своей жесткой постели, уснулъ моментально. И такъ всѣ эти 8 дней, съ трудомъ посмотришь за уборкой лошадей, а ужина и не дожидаясь.

6 мая. Переходъ снова большой (верстъ 45) и трудный. Все время идемъ горнымъ ущельемъ, то поднимаясь, то опускаясь. Справа и слѣва тянутся съ высокими вершинами хребты, по которымъ, извиваясь лентой, въ одинъ конь идетъ боковой разъѣздъ. Дозорные—молодцы, взбираются на самыя крутыя макушки, откуда и кажутся точками. Подобной работой очень доволенъ командиръ Уманцевъ. День чисто весенній, солнце свѣтитъ, ласкаетъ, но еще не жжетъ; кругомъ все такъ свѣжо и зелено; въ лѣсу слышно веселое пѣніе птичекъ, рѣзко на его зеленомъ фонѣ выдѣляются зацвѣтшія деревья. У всѣхъ на душѣ весело, чувствуется особенный приливъ бодрости и силы. Кони сегодня идутъ бодрѣй, просторнымъ шагомъ! Ночлегъ въ большемъ селеніи Си-шадзы; се-

леніе расположено на возвышенности съ обширнымъ кругозоромъ. Подходя къ биваку, видимъ, что слѣва изъ ущелья вытягивается длинный рядъ арбъ, сопровождаемый Гребенцами. Это ихъ добыча—отбила 2 сотня есаула Иванкова. Устали сильно, но ждемъ конца уборки. Казаки рыщутъ по селенію въ поискахъ зерна, но, къ сожалѣнію, раздобыли и ханшинъ; это противная, вонючая, прямо вредная для здоровья китайская водка. Всѣхъ предупреждали, но въ семьѣ не безъ уroda,—найденная безъ сожалѣнія выливается на землю, несмотря на самое горячее убѣжденіе, что она весьма необходима для примочки подпаровъ. Содержимое общаго транспорта раздѣлили между всеми частями дивизіи, забывъ только оставить самой отбившей сотнѣ, которая была въ сторожевкѣ. Намъ достались: папирсы, какія-то травянистыя, безвкусныя; пиво темнокоричневаго цвѣта безъ горечи, великолѣпное на вкусъ, марка на бутылкахъ американская. Съ какимъ удовольствіемъ запивали имъ на привалѣ свой сухой завтракъ! Консервы-огурцы, капуста, но они были очень острые, прѣлые, и мы ихъ выкинули; зато до чертиковъ были вкусны большіе бѣлые бобы въ сладкомъ сиропѣ. Печеніе съ макомъ и съ сахаромъ было столь сладкое, что прекрасно замѣняло намъ сахаръ, въ которомъ уже ощущался большой недостатокъ. Очень вкусна хурма; она немного спрессована и посажена кружками на палку. Много разъ мы заочно благодарили лихую 2-ю сотню Гребенцовъ. Ночью очень холодно, даже нѣсколько разъ просыпались.

7-го утромъ то же самое. Часамъ къ 10 подошли къ какой то деревнѣ и стали довольно кучно версты за двѣ до нея. Вдругъ проносятся слухъ, что деревня занята пѣхотой съ 4 орудіями. Странно!? Нѣкоторая сумятица, поспѣшный поворотъ налѣво кругомъ, и уходимъ вправо. Долженъ сознаться, что было нѣсколько жутко ждать, вотъ-вотъ сверху посыпется горохъ. Впереди, въ другой колоннѣ слышится ружейная трескотня и Забай-

кальцы бухаютъ что-то часто; мы видимъ, какъ бѣлые клубочки стелются надъ деревней. Не напрасно сегодня утромъ, передъ выступленіемъ, начальникъ дивизіи предупредилъ насъ быть на чеку. Пока подошли мы, японцы уже бѣжали, и Уральцы захватили у нихъ два пулемета.

У деревни, изъ которой только что выгнали японцевъ, намъ

Георгіевскіе кавалеры.

малый привалъ; на опушкѣ ея собраны раненные. Кровавый пиръ конченъ, и это кулисы! Это первые раненные, которыхъ мы видимъ. Съ замираніемъ сердца, съ долей любопытства подходимъ; ни одного стопа, все сосредоточены, на лицахъ нѣкоторыхъ видно острое страданіе, но не госпитальное разслабленное. Тяжелая картина! Среди собравшихся царить полное почтительное молчаніе. Тутъ же подъ деревомъ лежитъ 8—10 раненыхъ японцевъ, среди которыхъ два офицера. Они тоже уже перевязаны и будутъ оставлены здѣсь со своими санитарями. Одинъ изъ

взятыхъ офицеровъ пытался перерѣзать себѣ горло, но успѣли во время его спасти. Мищенко возвращаетъ имъ шашки, какъ знакъ уваженія къ ихъ храбрости. Около нихъ также много любопытныхъ, но и здѣсь не слышно ни одного празднаго слова. Долго казаки сосредоточены, долго не слышно у нихъ разговора, а только отрывистый обмѣнъ впечатлѣній!... Отъ главной сотни авангарда получено донесеніе, что холмъ въ саженьхъ 700 отъ нашей дороги укрѣплень окопомъ и занять до 2-хъ ротъ пѣхотой. Идемъ впередъ. Итакъ намъ предстоитъ близкій бой, первый бой; заглянулъ въ себя, призадумался каждый. Когда подошла главная колонна, то бой уже кипѣлъ. Оказалось, что двѣ сотни Екатеринодарцевъ, шедшія впереди, были неожиданно встрѣчены огнемъ слѣва съ холма. ✓

Они охватили его съ 3-хъ сторонъ и широко, красиво понесли на него лавой. Огонь сильный, стали падать люди, кони, но все же лихіе Екатеринодарцы доскакали бы до окопа, если-бы не глубокій оврагъ, коню не подъ силу, не преградилъ имъ путь, пришлось слѣзть. Въ этотъ моментъ выѣхали на позицію мы, слѣва насъ Кубанцы, и послали свои стальные гостинцы. Услышавъ протяжное шипѣніе шрапнели, у всѣхъ сразу стало на душѣ веселѣй. Позиція была открытая, дистанція саженьей 650. Вонъ надъ гребнемъ ясно обрисовались 4—5 фигуръ, ждемъ съ замираніемъ выстрѣла, но произошла мгновенная заминка, и фигуры снова скрылись. Вправо отъ насъ и даже немного впереди собралась небольшая группа любопытныхъ! На позицію нѣтъ-нѣтъ и залетитъ пуля, но всѣ слишкомъ заняты происходящимъ впереди... Залегшія цѣпи не выдерживаютъ и рвутся впередъ. Казаки идутъ, несмотря на градъ пуль, бѣшено, не отстаютъ другъ передъ другомъ; офицеръ впередъ, и сейчасъ всѣмъ равняться по немъ! Но вотъ удачный орудійный выстрѣлъ одинъ, другой, третій, и японцы дрогнули, стали уходить. Мо-

ментально наши въ окопѣ, гдѣ небольшая схватка съ отставшими, и... окопъ замолкъ! Со всѣхъ сторонъ скачутъ къ нему любопытные. Въ окопѣ оставлено много ружей, патроновъ и 18 труповъ. По совѣсти, смѣло окопъ можетъ быть названъ Екатеринодарскимъ: они его взяли и много понесли потерь. Офицеры: одинъ убитъ, подъесаулъ Асѣевъ, два ранены, есаулы Ассиеръ и Лиманскій; о послѣднемъ говорятъ нѣчто удивительное—подъ нимъ убита лошадь, самъ онъ раненъ въ руку, пуля выбила кусокъ шашки, другая разбила бинокль, череска пробита въ двухъ мѣстахъ, а онъ по-прежнему спокойно ходитъ въ цѣпи, руководитъ огнемъ и даже помогаетъ раненымъ. Казаковъ убито 15 и ранено 38. Японцы кинулись въ сел. Дунъ-Сяза, лежащее къ югу въ верстѣ отъ окопа; Екатеринодарцы за ними, попали сюда и другія части. Бой идетъ почти одиночный изъ фанзъ, т. е. японцы засядутъ въ одной фанзѣ, а напротивъ черезъ улицу засядутъ казаки, и караулятъ другъ друга. Чуть чья голова покажется—летитъ градъ пуль; дѣлали и такъ: высунуть на палкѣ шапку,—противоположная сторона сгоряча и жарить!

Здѣсь ярко сказались прекрасныя качества казака, какъ отдѣльнаго бойца; общее руководство было невозможно; дрались сами, шли впередъ безъ приказанія. Бой въ деревнѣ былъ случайнымъ: она не препятствовала нисколько нашему дальнѣйшему движенію, поэтому, немного разобравшись, послѣ взятія окопа, было приказано двигаться дальше, оставивъ деревню. Подъ прикрытіемъ Уманцевъ отошли. Только тронулись, какъ видимъ, что слѣва стройно, равняясь словно на смотру, несется лавой 3-я сотня Сунженцевъ. Любо-дорого было смотрѣть! Это они пошли выручать полусотню Уральцевъ, преградившихъ путь отступленія японцамъ занятіемъ дер. Таситунъ; но и японцы успѣли занять также часть деревни. Уральцевъ мало, такъ что они не могутъ ни взять японцевъ, ни отойти сами. Отчасти окруживъ деревню

съ восточной стороны, Сунженцы смѣло бросаются къ крайнимъ фанзамъ. Сотникъ Борисовъ, вахмистръ Фединъ и нѣсколько казаковъ перескакиваютъ заборъ импани. Въ это же время на-сѣли съ другой стороны и Уральцы. Потрясенные боемъ, видя себя окруженными, вся рота (135 человекъ) съ 4-мя офицерами сложила оружіе. Рѣдкостный случай. Не даромъ въ письмѣ одного японца про насъ сказано: «горячо дрались, основательно»... За это дѣло командиры сотенъ Уральцевъ, подбесаулъ Зеленцовъ, и Сунженцевъ, есаулъ Филипповъ, и подбесаулъ Борисовъ получили орденъ св. Георгія 4 ст. Въ чадѣ послѣ боя ни объ убитыхъ, ни о раненыхъ нѣтъ еще рѣчи; сейчасъ всѣ только горды своей побѣдой. Придя-же на бивакъ, считать мы стали раны, товарищей считать... Славный боевой день; по отзывамъ всѣхъ, казаки дрались удивительно, шли смѣло, бѣшено; на окопъ шли такъ, какъ будто это было на пятигорскихъ маневрахъ... «Постараемся Ваше Высокопр—во» командующему мы сдержали.

Поэзія боя кончена. Въ разгаръ боя, когда нервы напряжены, ничего не чувствуешь; живешь только внѣшнимъ, только происходящимъ передъ глазами, когда раненые: явленіе такое-то, акта такого то, драмы 7 мая.

Но теперь, когда смолкли пули, и начинается весь ужасъ!

Какъ тяжело, какъ больно смотрѣть на этихъ страдальцевъ, которые еще такъ недавно были здоровы, веселы! Теперь начинаетъ работать мозгъ: вѣдь и ты могъ бы лежать здѣсь безпомощный, разбитый. Сидимъ вечеромъ около костра за чаемъ, изъ темноты выходитъ казакъ: «Гдѣ Екатеринодарцы?» За нимъ конь, черезъ сѣдло котораго перекинуть трупъ убитаго товарища, за нимъ другой, третій—холодной могилой повѣяло отъ всего этого. Если бы знали, какой ужасъ овладѣваетъ, какъ жутко отъ всей этой другой стороны боя! Вечеръ тихій, грустный какой-то, словно онъ сочувствуетъ нашему горю; тихо и на бивакѣ.

Костры какъ будто не такъ ярко горятъ, не кажутся такими рѣзкими на фонѣ ночи! Вокругъ нихъ сидятъ кружки и ведутъ тихую бесѣду—о чемъ?... Не слышно въ нихъ радости, что самъ живъ и цѣлъ, не передаютъ они и храбрые подвиги другъ другу; а говорятъ они объ убитыхъ, о раненыхъ товарищахъ. Все, все припоминается до мелочей! Тяжелый сонъ былъ въ эту ночь!

8-го рано утромъ я видѣлъ, какъ хоронили двухъ убитыхъ Гребенцовъ, принесли ихъ на буркахъ; могилу вырыли подъ деревомъ, собралась своя сотня, товарищи. Батюшка сталъ поспѣшно служить панихиду. Грустныя похороны въ чужой сторонѣ, нужно спѣшить, утро было такое сѣренькое. Окружавшіе перекрестились за убіенныхъ и принялись за сборы къ выстуplenію. Около лазаретныхъ двуколокъ собрались раненые; у нѣкоторыхъ глаза и все лицо воспалены, видно, мучительную ночь они провели. Докторъ усиленно хлопочетъ—надо всѣхъ осмотрѣть, кого перевязать, всѣхъ размѣстить, тяжело раненыхъ въ носилки, полегче на китайскія арбы, а кому приходится ѣхать и верхомъ. Одинъ, раненый въ ногу, взобрался на коня и его съ трудомъ ссадили! Бѣдные раненые, когда то они доберутся до спокойной койки! У Гребенцовъ убиты 2, ранено 17, ранены подъесаулъ Родштейнъ—въ руку тяжело и сотникъ Матогоринъ—легко, въ мякоть лопатки, остается въ строю. Про Сунженцевъ не знаю; у насъ же благополучно. Съ этого дня начинаютъ ходить слухи о томъ, что намъ наперерѣзъ къ монгольской границѣ идутъ два полка пѣхоты и артиллеріи. Вѣдь мы всего въ 20 верстахъ проходили отъ гор. Факумыня, гдѣ штабъ ген. Ноги. Наше безмятежное спокойствіе нѣсколько нарушено, и мы каждую ночь ждемъ тревоги. Идемъ медленнѣй—у насъ длинный транспортъ раненыхъ и плѣнныхъ. Кстати, у насъ въ отрядѣ считается позоромъ оставить не только раненаго, но даже

тѣло убитаго въ рукахъ врага. Мищенко строго требуетъ соблюденія этого святаго обычая, и за весь набѣгъ пропалъ безъ вѣсти только одинъ казакъ. Наши плѣнные всѣ 49 резервнаго полка; народъ уже пожилой, многіе съ бородами, держатъ себя спокойно, солидно; кое-кто говоритъ немного по-русски; у многихъ медали и ордена, кажется, за китайскую войну 1894 года, у кого за взятіе Пекина въ 1900 году; а раза два слышалъ я—за Портъ-Артуръ. Одѣты во все черное; на ногахъ подобіе сандалій, погонъ нѣтъ, а на воротникѣ металлическія 49, на обшлагѣ кругомъ желтыя полоски, что, кажется, отмѣчаетъ унтеръ-офицеровъ отъ рядовыхъ. Насколько въ нихъ укоренилась привычка: каждое утро они чистились, унтеръ-офицеры же осматривали, все-ли въ порядкѣ! Везутъ ихъ всѣхъ на китайскихъ арбахъ.

Съ утра въ разныя стороны пошли 4 разъѣзда, силой по сотнѣ; поморочили они японцевъ хорошо; говорятъ, что одинъ былъ верстахъ въ 5 отъ гор. Синминтина и видѣлъ желѣзнодорожную водокачку. Сегодня переходъ совсѣмъ маленький, 20—25 верстъ, такъ что въ 2 часа мы стали бивакомъ на ровной зеленой площадкѣ! Не успѣли устроиться, какъ видимъ, что два гребенца ведутъ японскаго драгуна, котораго они, какъ зайца, изловили въ разъѣздѣ. Драгунъ одѣвають чисто и тепло; красные штаны, черный мундиръ, сверху черный дождевой плащъ. Конь вороной, худой, грузнаго, не верхового склада; вообще, конскій составъ японской кавалеріи плохой. Сѣдло, англійскаго производства, великолѣпное, напоминаетъ наше драгунское, но глубже; подметкой служить теплая хорошаго сукна попона и красное шерстяное одѣяло. Очень хорошъ карабинъ, легкій, изящный.

9-го. Снова большой и трудный переходъ. Идемъ спокойно, дорога довольно скучная. На бивакъ стали въ 5 час. вечера въ деревнѣ; раньше располагались на свободѣ. Вечеромъ пріѣхалъ изъ дальняго разъѣзда офицеръ и сообщилъ, что верстахъ въ 8—

10 отсюда ихъ сотню изъ какого-то городка обстрѣляла артиллерія. Извѣстіе производить эффектъ. У насъ же костры по обыкновенію горятъ во - всю, и яркое огненное пламя надалеко озаряетъ мѣстность. Такая неосторожность насъ волнуетъ; скоро приходитъ приказаніе: костры спрятать въ ямы, за бугры, что и исполняется, конечно, но лѣнливо. Мы убѣждены, что ночью пойдѣмъ дальше, но Мищенко зналъ обстановку лучше насъ, и 10-го мы выступили по обыкновенію въ 7 часовъ.

Переходъ, кажется, самый трудный, ибо дорога все время идетъ сыпучими песчаными бурханами, все время подъемы и спуски. Въ пескахъ душно, колодцы встрѣчаемъ рѣдко. Почти всю дорогу, чтобы облегчить орудійныхъ коней, наши ѣздовые идутъ пѣшими, что дѣлаемъ и мы, для примѣра. Пришлось переходить оврагъ съ весьма крутыми спускомъ и подъемомъ и столь топкимъ, вязкимъ дномъ, что конь самъ выбраться не можетъ. Поэтому, для перехода нашихъ пушекъ, пришлось устраивать большую гать, для чего срубили цѣлую рошу. Съ трудомъ, съ помощью двухъ сотенъ мы переправились; полки пошли вверхъ, въ обходъ. Среди песковъ разѣздъ Уманцевъ нашелъ своего русского офицера. По его словамъ, его захватили съ опушки деревни, гдѣ стояла ихъ команда, хунхузы; долго мучили; отъ нихъ его выкупилъ какой-то китайскій чиновникъ; отъ этого послѣдняго онъ бѣжалъ и заблудился въ пескахъ. Сначала онъ не узналъ казаковъ и было бросился отъ нихъ, но его догнали. Онъ—осетинъ изъ селеній около Владикавказа; у него оказались среди Сунженцевъ знакомые. Въ этихъ бурханахъ паслось не мало монгольскаго скота, и всѣ части старались обезпечить себя мясомъ насколько можно. Переправлялись черезъ небольшое, но съ чистой, прозрачной водой озеро, которое сразу послѣ душнаго перехода освѣжило и насъ и коней. Ночлегъ сегодня снова въ деревнѣ. Около деревни насъ встрѣтилъ Мищенко и своимъ сердечнымъ, добрымъ голо-

сомъ благодарилъ доблестныхъ казаковъ за ихъ первый, но славный бой, за тяжелый походъ. Сегодня мы вышли окончательно изъ сферы опасности и можемъ вздохнуть полной грудью. Спимъ, раздѣвшись, въ фанзѣ, и это послѣ 7 дней спанья въ хомутѣ, настоящее наслажденіе; съ удовольствіемъ потянулся, размялъ свои кости каждый. Деревня называется Лалагай. Эти три дня, хотя и носились упорные слухи, что японцы идутъ намъ наперерѣзъ, шли мы совершенно спокойно, лишь разѣзды имѣли дѣло съ хунхузами.

11-го мая. Сегодня послѣдній переходъ; до Ляоянвопыня, откуда мы начали свой набѣгъ, осталось всего 25 верстъ. Выступили часовъ въ 8 утра, такъ что не пришлось особенно торопиться. Дорога по мочегинѣ, по пахотѣ, и очень тяжело, но кони хорошо втянулись и тянуть бодро.

Пройдя верстъ 10 отъ ночлега, разрѣшено было пѣть, и сразу манчжурскія поля огласились нашими родными пѣснями: «Изъ набѣга удалого ѣдутъ Сунженцы домой...»; заиграла музыка Екатеринодарцевъ. На душѣ стало веселѣй; лица у всѣхъ стали какъ-то беззаботнѣй. Вѣтъ, почуя отдыхъ, приободрились, подтянулись, и совсѣмъ не было видно усталости. Въ Ляоянвопынь пришли часа въ 3 и размѣстились свободно по фанзамъ. Главнымъ образомъ, сегодня наслаждаемся сномъ, раздѣвшись и подъ крышей.

Въ теченіе всего набѣга мы не знали, куда мы идемъ, гдѣ будемъ завтра; мы даже не сразу узнали о поворотѣ домой.

И это было отчасти хорошо: офицеры говорятъ, отъ нихъ бѣгутъ казаки, а отъ этихъ слышатъ китайцы-переводчики; народъ весьма ненадежный. Своей неизвѣстностью мы не тяготились, ибо твердо вѣрили въ своего Мищенко. За 8 дней набѣга прошли болѣе 300 верстъ, дѣлая въ сутки въ среднемъ 40 верстъ и будучи въ сѣдлѣ до 10 часовъ. Кони за набѣгъ сдали сильно,

но и работа была египетская; не мало коней пришлось бросить. Наши орудійные тоже подтянулись хорошо; бросили одного; наши же казаки пришли въ лучшихъ тѣлахъ, чѣмъ пошли. Когда кони сильно исхудали, арчагъ сталъ давить на холку, и въ результатѣ были побои. Казаки въ бою вели себя прекрасно, выше всякихъ похвалъ, но на походѣ у всѣхъ почти большой недостатокъ: от-

20-го числа на позиціи. Казначей съ ординарцемъ развозить жалованіе.

существованіе чувства артели, нѣтъ заботы, чтобы всѣмъ было хорошо, а тогда и мнѣ будетъ хорошо.

Съ 13-го стали устраиваться: привели въ порядокъ свою фанзу, очистили дворъ. Ежедневно пришлось рыскать по окрестностямъ въ поискахъ фуража, который здѣсь сильно подобрали, а что осталось, то китайцы хорошо припрятали, и надо имѣть особый нюхъ, чтобы найти яму съ зерномъ гдѣ-нибудь въ углу

сарая. Сухарей нѣтъ совсѣмъ, сахаръ на исходѣ, почему съ нетерпѣніемъ ждемъ изъ тыла транспортъ; въ теченіе 10 дней мы совершенно были отрѣзаны отъ своихъ сообщеній, съ волненіемъ ждемъ также извѣстій и почты.

Второй день мороситъ мелкій дождикъ, грязно, сыро и скучно послѣ бывшаго разнообразія, напряженія.

Этотъ набѣгъ прошелъ какъ-то незамѣтно, а между тѣмъ онъ былъ неизмѣримо выше по результатамъ и въ исполненіи, чѣмъ зимній. Причиной этого, надо полагать, было то, что плодами его не пришлось воспользоваться. Задачей набѣга было поставлено—задержать предполагаемый переходъ японской арміи въ наступленіе. Конечно, ген. Ноги не могъ и думать о движеніи впередъ, пока въ тылу его работалъ корпусъ конницы, дѣйствующій на его пути сообщенія и подвоза продовольствія. Кромѣ этого, была произведена точная развѣдка расположенія арміи Ноги. Но, къ сожалѣнію, всѣ эти свѣдѣнія остались неиспользованными.

Отрядъ имѣлъ серьезный бой только одинъ разъ, 7 мая; помимо него происходили мелкія ежедневныя стычки развѣздовъ. Съ японской кавалеріей дѣлать имѣть не пришлось вслѣдствіе ея малочисленности, а главное, стремленія поскорѣе уйти подъ прикрытіе пѣхоты. Появленіе наше для японцевъ было совершенно неожиданно, и они не могли въ теченіе 8 дней намъ нигдѣ выставить хоть сколько-нибудь серьезной преграды. Въ отрядѣ всего выбыло убитыми—3 офицера и 35 казаковъ, ранеными 11 офицеровъ и 138 казаковъ. Взято 234 плѣнныхъ и 2 пулемета.

Прочитавъ все написанное, я вижу, что въ моемъ описаніи набѣга почти нѣтъ отдѣльных эпизодовъ, не упоминаются полки, отдѣльныя имена. Будучи все время въ главной колоннѣ, я не могъ видѣть ежедневныя мелкія стычки въ развѣздахъ, въ боковыхъ отрядахъ. Чтобы узнать о нихъ истину, надо обязательно слышать самого участника; для выясненія же подробностей и нѣ-

сколькихъ, что было часто невозможно, неловко. Да я и не берусь за составленіе реляціи набѣга, я только хотѣлъ описать то, то самъ видѣлъ, что испыталъ вмѣстѣ съ другими.

19 іюля. На другой день послѣ набѣга, 12 мая, раненные и плѣнные были отправлены въ тылъ; ихъ сопровождала сборная сотня подъ командой есаула Шаликова. Кое-кто изъ нея тогда же получилъ отъ командующаго арміей бѣлые крестики, но такихъ счастливицъ было немного. Остальные нетерпѣливо ждали своей награды, и вотъ сегодня утромъ въ штабъ дивизіи были получены всѣ Георгіевскіе кресты. Въ 6 часовъ вечера былъ назначенъ парадъ по сотнѣ отъ полка и по взводу отъ батареи. Выстроились покоемъ, имѣя впереди представленныхъ къ крестамъ. На флангахъ бригадъ стояли хоры трубачей Сунженцевъ и Екатериноварцевъ. Пришелъ Н-къ дивизіи, музыка сыграла встрѣчу; войдя въ середину, онъ сказалъ: «Государю благоугодно было за ваши молодецкіе подвиги пожаловать васъ высокой, почетной наградой. Поздравляю васъ, братцы, съ этой Царскою милостью. Мы всѣ привыкли относиться съ уваженіемъ къ Георгіевскому кавалеру; помните это; будьте и дома въ станицахъ примѣромъ для всѣхъ; пусть этотъ скромный, чистый крестикъ до конца вашихъ дней останется такимъ же безъ пятнышка. Желаю вамъ заслужить и по другому, а затѣмъ вернуться домой здоровыми на гордость своихъ стариковъ-отцовъ». «Поздравляю и васъ, братцы», обратился онъ къ остальнымъ, «съ первыми георгіевскими кавалерами. Прокричимъ въ честь нашего Государя Императора громкое боевое «ура!» — музыка заиграла «Боже, Царя храни!» Потомъ прокричали также «ура» въ честь новыхъ георгіевскихъ кавалеровъ. Н-къ дивизіи сталъ самъ прикалывать каждому крестикъ, цѣлуя и поздравляя въ отдѣльности. Музыка играла полковые, конно-артиллерійскій марши. Рѣзко заблестали эти бѣлые крестики на желто-черной ленточкѣ; у всѣхъ доволь-

ныя, счастливыя лица, фигуры выпрямляются и видъ становится нѣсколько гордый! Глаза невольно косятъ внизъ, налѣво; счастливый день жизни! Расходимся по своимъ бивакамъ, навстрѣчу выбѣжали всѣ остальные товарищи. Командиры поздравляютъ своихъ кавалеровъ, а товарищи высоко кидали ихъ на ура! Но на западѣ собираются темныя, мрачныя тучи, которыя вскорѣ и разразились сильнымъ дождемъ. Все должно было спрятаться по палаткамъ, и такимъ образомъ не удалось даже попѣть, потанцевать вечеромъ въ честь новыхъ кавалеровъ. Теперь въ частяхъ они замѣтны... Этимъ кончается вся эпопея нашего набѣга въ тылъ японской арміи.

Сотникъ В. Скороходовъ.

Стихотворенія.

I.

Не орель, весной улетая въ высь,
Отъ родной степи удаляется,
А лихой боець — молодой казакъ
Съ красной дѣвицей разлучается...

На челѣ его дума крѣпкая,
Словно въ осень ночь, безотрадная;
Но твердитъ казакъ красной дѣвицѣ:
— Ты не плачь, моя ненаглядная!..

Службу царскую я иду служить

Не одинъ, самъ-другъ, а съ лихимъ конемъ, —
Такъ не плачь, не плачь, красна дѣвица,
Богъ дастъ, вновь приду я къ тебѣ на немъ!
Богъ дастъ, вновь съ тобой мы увидимся;
Снова радостно, другъ мой, встрѣтимся,
И отъ всей души счастьемъ - долею,
Богъ дастъ, вновь съ тобой мы подѣлимся!..

II.

За Шахе-рѣвкой средь Манжуріи
Молодой казакъ при печали былъ;
На чужбинѣ злой удалой боець

При большой бѣдѣ тосковалъ-грустилъ...
Говорилъ онъ тамъ вѣтру буйному,

Какъ прощальная пѣснь, унылому:
— Ты повѣй - подуй, вѣтеръ, съ сопокъ-горъ
Къ Дону тихому — краю милому!
Ты открой - скажи красной дѣвицѣ,
Что женился я здѣсь въ странѣ чужой:
Обвѣнчалъ меня въ роковомъ бою
Съ пулей лютою врагъ коварный мой!...

И. Никулинъ.

(Братская помощь № 3, 1907)

Боевая казачья пѣсня.

Впередъ, друзья, впередъ, быстрѣ урагана
Туда, гдѣ сѣтъ смерть губительный свинець;
Ударимъ на врага и съ силою бурана
Атакою лихой раздавимъ ихъ въ конецъ!
Сметемъ съ лица земли потомковъ Симурая,
Дерзнувшихъ оскорбить священный Русскій стягъ;
Мы смѣло въ бой идемъ, опасность презирая,
Страпись-же, трепещи, коварный дерзкій врагъ!
Насъ битвы не страшать и шапка боевая,
Наслѣдіе отцовъ, цѣла еще пока;
Иззубрена въ бояхъ, но молніей сверкая,
Послужить за Царя въ рукахъ у казака.
Товарищи-друзья! Кровавую расплату
Съ врагами совершить давно уже пора:
Впередъ, друзья, впередъ, навстрѣчу супостату,
И грозно крикнемъ имъ могучее: Ура!

Н. К. (Русское Чтеніе).

Завѣтъ казачки.

То не вѣтеръ гудить по надъ боромъ глухимъ,
Проносясь по лѣсамъ ураганомъ,
То казачка, прощаясь съ мужемъ своимъ,
Говорить съ нимъ о подвигѣ бранномъ:

„Ты прощай, мой прекрасный, мой сильный орелъ!
Здѣсь мы сами хозяйство устроимъ.

Только бъ свидѣться намъ Богъ съ тобою привелъ:
Знаю я, что вернешься героемъ!

Честь казачью, я знаю, поддержишь въ бою
И разгонишь ты вражую силу;
Если жъ нѣтъ,—объ одномъ лишь Творца я молю,
Чтобы съ честью сошелъ ты въ могилу.

Я молю, чтобы храбро ты шель умирать,
Какъ твои умирали всѣ дѣды.

Если нужно, мы, бабы, пойдемъ воевать

И, увидишь, добьемся побѣды!

Если родинѣ нужно и нужно Царю,
То, забросивъ ухваты и грабли,
Отъ враговъ защищать всю отчизну свою
Мы пойдемъ, опоясавши сабли.

Но я вѣрю, что хватить и васъ, молодцовъ:

Не забыты родныя преданья,

Что дѣтьми вы узнали отъ вашихъ отцовъ,

Что твердили дѣтямъ въ назиданье!

Смѣлъ казачій народъ, онъ не знаетъ преградъ,
Онъ кумира крамолы повалить!

А на службѣ Царю онъ не просить наградъ

И доволенъ, коль „Царь его хвалить!“

„Ну, прощай!“—казакъ скрылся въ дали голубой.

—Не забудетъ онъ словъ жены въ битвѣ!—

И тогда лишь глаза засверкали слезой,

И склонилась казачка въ молитвѣ.

Варвара Караулова.

(Казач. Недѣля 1907 г. № 24).

**Пѣсня о боѣ казачьей дивизіи генерала Самсонова
у станціи Янтай-копи 18—23 августа 1904 года.**

У Китайскаго у моря
Началась у насъ война,
Много крови, слезъ и горя
Принесла Руси она.

Началась она несчастно
И давно уже идетъ,
Ежедневно, ежечасно
Подается врагъ впередъ.

Тужатъ русскіе солдаты,
Давить горе удалцовъ:
Такъ не гнали супостаты
Нашихъ дѣдовъ и отцовъ.

Не потомки ль мы прямые
Славныхъ, прежнихъ гренадеръ,
Что всѣхъ недруговъ Россіи
Били, давши намъ примѣръ.

Намъ толкуютъ о „терпѣньи“

Наши мудрые вожди:

Нанесемъ-де пораженье

Мы японцамъ;—какъ же, жди!

Мы все время отступали

Передъ бѣшенымъ врагомъ,

А теперь уже едва ли

Въ наступленье перейдемъ.

Такъ судили, отступая,

Наши русскія войска,

Въ простотѣ души не чая,

Что бѣда опять близка.

Косоглазая орава

Окружила нашу рать

Съ фронта, съ тылу, слѣва, справа:

Снова надо отступать.

Хоть и бились пять дней съ лишнимъ
Руси-матушки сыны,
Но несчастья лишь Всевышнимъ
Русскимъ были суждены.

Шли войска на отступленье,
Покидая Ляоянь;
Пятидневное сраженье
Принесло одинъ изъянъ.

Подъ Янтайскими копиями
Лишь неизблемо стоялъ
Со своими казаками
Храбрый русскій генералъ.

Говорить своимъ Самсоновъ:
Всѣмъ, чѣмъ можешь, желтыхъ бей,
Ни японскихъ эскадроновъ,
Ни пѣхоты не робѣй.

Помни воина присягу,
Честь Россіи береги;
Не дадимъ назадъ ни шагу,
Будутъ нашихъ знать враги.

Хоть и сильны оупостаты,
Многочисленна ихъ рать,
Но вѣдь русскіе солдаты
Рады съ честью умирать.

Встрѣтимъ мы враговъ пристойно,
Показавъ лихой отпоръ,
И дадимъ своимъ спокойно
Отойти за гребни горъ.

Какъ сказалъ онъ, такъ и было.
Далъ японцамъ онъ щелчка,
И, побавивъ съ желтыхъ пыла,
Охранилъ свои войска.

Былись два дня съ половиной,
Защищая перевалъ,

Передъ храбростью ихъ львиной
Злой японецъ сплеховалъ.

Казаки боролись смѣло,
Помня честь родной земли,
И, свершивъ геройски дѣло,
Подъ прикрытѣе отошли.

Честь тебѣ, герой Самсоновъ,
Храбрый русскій генералъ,
Что отъ вражьиxъ легіоновъ
Отступленье прикрывалъ.

Честь и слава, удалые!

Исполать вамъ, казаки!—

Гордость матери-Россіи,

Ваши храбрые полки.

(Прил. къ № 17 журн. Вѣстникъ Русск. конницы, 1907 г.).

Атака.

Былъ жаркій полдень. Казаки
Шли въ авангардѣ къ Вафангоу,
Съ бивака снявшись подъ Кайджоу.
Кругомъ поля и гладь рѣки,
И фанзы, и столбы дороги,
И пара рельсъ, и шпаль ряды,
И горъ скалистые отроги;
Все зноя тяжкаго слѣды,
Казалось, на себѣ носило;
И пыли желтой пелена,
Какъ неподвижная стѣна,
Отрядъ измученный покрыва;
Съ разсвѣтомъ вышелъ онъ въ походъ
И шелъ такъ долго безъ привала,
Устали кони, сбавивъ ходъ,
Людей дремота разбирала.

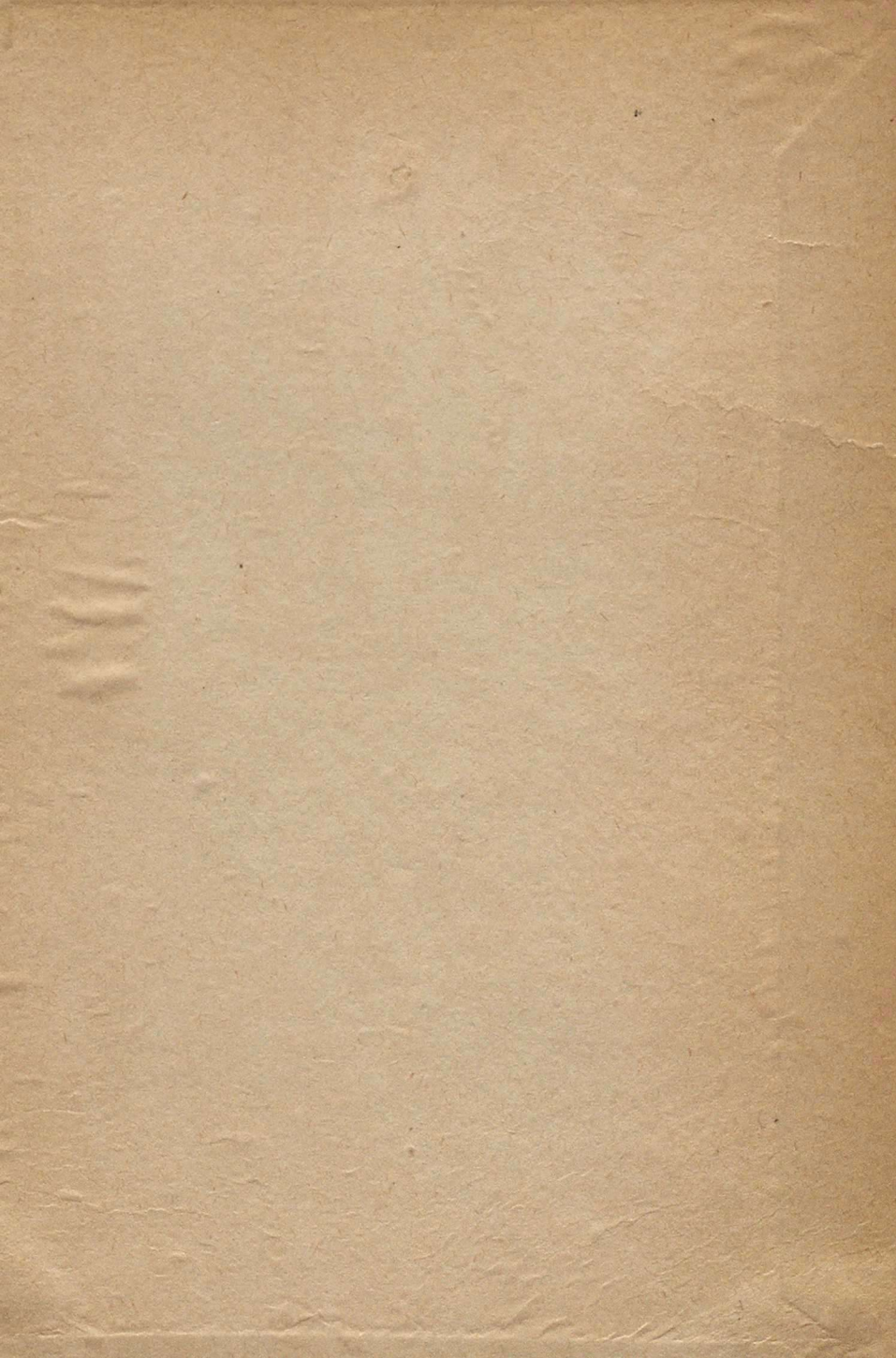
Но вотъ вдали, на полотнѣ,
Межъ рельсовъ что-то зачернѣло
И, быстро двигаясь, гудѣло.
Насторожились всѣ въ сотнѣ,
Что первой шла, и командиръ,
Бинокль взявши, присмотрѣлся.
Дрезина! виденъ нашъ мундиръ:
За нами кто то разлетѣлся!
Онъ не ошибся: къ казакамъ
Дрезина шла, ходъ убавляя;
На ней, руками все махая,
Кричали: „къ намъ скорѣе, къ намъ!“
Сигналь былъ данъ итти галопомъ.
Вотъ поравнялись: „сотни стой!“
„Что тамъ случилось?“ „Цѣлымъ скопомъ“
Японцы за восьмой верстой
Совсѣмъ неожиданно навалились,
И пограниникамъ не въ мочь,—
Скорѣе надо имъ помочь.
Они за рощицей укрылись“.
„Трубачъ гдѣ?“ Полевой галопъ,
Желтухинъ крикнулъ: маршъ за мной!“
Раздался ногъ тяжелый топъ.
„Японцы“!!! пронеслось волной
По сотнямъ. „Братцы, дождались!“
Воскликнулъ бравый есаулъ.
Ему отвѣтилъ общій гулъ,—
Почти карьеромъ всѣ неслися.
„Строй взводы!“ снова раздалось,
Когда къ лѣсочку подекакали...
„Строй фронтъ! Маршъ, маршъ!“ Все понеслось,
И казаки въ пыли пропали.
Гусаръ японскихъ эскадронъ
Попался первымъ подъ удары

Казачьихъ пикъ, и всѣ гусары
Вмигъ дали тылъ. Гуль, крики, стонъ,
Свистящій звукъ разящихъ шапекъ,
Команды, топотъ, пѣные пуль,
Подобно рою мелкихъ пташекъ:
Все вмѣстѣ слилось, и на нуль
Свелась вмигъ сила эскадрона,
За нимъ разгромленъ былъ второй,
А три, что были подъ горой,
Не ждавъ внезапнаго урона
Своихъ товарищей, къ цѣпи
Японской быстро отходили.
„Ну, къ нимъ теперь не подступи,
Пѣхотою себя прикрой,
Да хватить намъ на первый разъ!“
Рѣшилъ Желтухинъ. Сборъ сыграли.
Всѣхъ казаковъ къ лѣску собрали,
И отходить былъ данъ приказъ.
А по лощинѣ между горъ
Пестрѣли жертвы жаркой схватки;
Почувъ волю и просторъ,
Носились кони въ безпорядкѣ,
И лужи крови тамъ и сямъ
Песокъ и камни обагряли.
Лучи заката догорали,
Скользя по рощамъ и полямъ...

Ю. Елецъ.

(Вѣст. Русск. конницы 1908 г. № 9).

2020185206